

ФРАНСУА ДЕ ЖОФФР

НОРМАНДИЯ- НЕМАН

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Франсуа де Жоффри — один из французских летчиков, сражавшихся на советско-германском фронте в составе добровольческого авиационного полка «Нормандия — Неман» с мая 1944 года до дня капитуляции фашистской Германии.

В своей книге Франсуа де Жоффри освещает путь полка «Нормандия — Неман» от его формирования до возвращения во Францию. Живым, образным языком, с присущим ему французским юмором автор описывает различные эпизоды из жизни и боевой деятельности летчиков «Нормандии».

С большой симпатией Франсуа де Жоффри отзывался о советских людях, их героической борьбе против немецких захватчиков и о боевом содружестве советских и французских летчиков в борьбе против общего врага.

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Перевод книги дается с незначительными сокращениями.

- Франсуа де Жоффри
 - Предисловие к русскому изданию
 - Предисловие
 - Часть первая
 - Глава I
 - Глава II
 - Глава III
 - Глава IV
 - Глава V
 - Часть вторая
 - Глава I
 - Глава II
 - Глава III
 - Часть третья
 - Глава I
 - Глава II
 - Глава III
 - Часть четвертая
 - Глава I
 - Глава II
 - Глава III
 - Глава IV
 - Глава V
 - Глава VI
 - Часть пятая

- Глава I
- Глава II
- Глава III

○ Иллюстрации

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28

Франсуа де Жоффр
Нормандия — Неман

Предисловие к русскому изданию

Немало тяжелых испытаний выпало на долю советского и французского народов в годы второй мировой войны. Наш народ, вынесший на себе основную тяжесть борьбы с фашизмом, высоко оценивает стойкость и мужество патриотов Франции в борьбе с гитлеровскими захватчиками.

Интересы укрепления мира на земле требуют, чтобы проверенное в суровые годы франко-советское содружество продолжало расширяться и укрепляться в наши дни. Важнейшим событием на пути к расширению и укреплению сотрудничества двух стран является исторический визит главы Советского правительства Н. С. Хрущева во Францию, который горячо одобряют советский и французский народы.

Предлагаемая советскому читателю книга Франсуа де Жоффра «Нормандия — Неман» освещает один из эпизодов боевого содружества народов Советского Союза и Франции. В ней рассказывается о героических буднях французских летчиков-добровольцев, сражавшихся плечом к плечу с советскими авиаторами на фронтах Великой Отечественной войны, о теплой и сердечной дружбе, о взаимной боевой выручке советских и французских воинов.

Автор книги — один из этих мужественных летчиков. Правдиво и душевно пишет он о своих друзьях, о их подвигах, с теплотой и сердечностью отзывается о советских авиаторах, которые относились к французским соратникам как к родным братьям, оказывали им помощь, делились с ними всем, и прежде всего главным — боевым опытом, искусством побеждать.

Книга Франсуа де Жоффра взволновала меня тем более, что мне довелось быть участником событий, о которых она повествует. Французская авиационная эскадрилья, а затем полк находились в оперативном подчинении 303-й истребительной авиационной дивизии, которой я командовал в то время, и мне хотелось бы поделиться с читателем своими воспоминаниями об этих незабываемых днях ратной дружбы. Я хорошо помню и автора книги, и его товарищей. Не раз приходилось мне беседовать с ними. И хотя французские летчики плохо знали русский язык, а наши — французский, мы отлично понимали друг Друга, так как жили одними думами: как можно скорее добиться победы над общим врагом. Это были смелые люди, не ведавшие страха в бою. Они знали, за что сражаются, они шли одной дорогой со всеми французскими патриотами, готовые скорее умереть, чем покориться фашистским поработителям. Их чувства

хорошо выражены в словах страстного антифашиста, ветерана и любимца «Нормандии» Марселя Лефевра: «Мы покинули свою поруганную родину, чтобы возвратиться туда только победителями. Иного пути у нас нет!»

Французская истребительная авиационная эскадрилья была сформирована по соглашению между Французским национальным комитетом, возглавляемым генералом де Голлем, и Советским правительством. Она должна была представлять Сражающуюся Францию на советско-германском фронте и своим примером вдохновлять всех честных французов на борьбу против гитлеровских захватчиков.

По желанию летного состава эскадрильи ей было присвоено наименование «Нормандия» в честь французской провинции, которая сильно пострадала от нашествия фашистских орд. Это название звучало как призыв к сынам Франции отомстить за поруганную землю.

Эскадрилья включала в основном летно-технический состав истребительной группы, базировавшейся на французской авиационной базе Раяк на Ближнем Востоке. Поэтому в дальнейшем летчики эскадрильи часто называли себя «раяками», и не раз в эфире во время воздушных схваток раздавался боевой клич: «Раяки, вперед!».

Первая группа французских авиаторов прибыла в Советский Союз с авиабазы Раяк через Иран в начале декабря 1942 года. Советское государство обеспечило ее новейшей авиационной техникой. На аэродроме под Иванове, в тяжелых условиях снежной зимы, французские летчики под руководством советских инструкторов приступили к освоению незнакомой им материальной части. Потекли дни упорной и напряженной учебы.

В то время в эскадрилье насчитывалось четырнадцать летчиков и пятьдесят восемь авиационных механиков. Командовал эскадрилей один из популярнейших французских летчиков-истребителей — майор Жан Луи Тюлян, имевший уже к тому времени на своем боевом счету шесть сбитых вражеских самолетов. Его заместителем был капитан Литольф, тоже известный летчик. Говоря о ветеранах полка, нельзя не назвать «трех мушкетеров» — Альбера, Дюрана и Лефевра, с именами которых связано немало славных страниц боевой истории «Нормандии». Это были настоящие асы, неустрашимые воздушные рыцари.

К весне 1943 года освоение материальной части было закончено, эскадрилья получила боевые самолеты «Яковлев-1» и 25 марта вылетела на один из прифронтовых аэродромов в район Калуги. Первоначально эскадрилья оперативно подчинялась 204-

й бомбардировочной авиационной дивизии, а с мая 1943 года — 303-й истребительной авиационной дивизии, с которой и прошла славный боевой путь от равнин Подмосковья до Восточной Пруссии.

Французские летчики рвались в бой. Им казался напрасно потерянным каждый день, проведенный на земле или в учебно-тренировочных полетах. Нашим инструкторам приходилось сдерживать своих французских друзей, так как еще не все летчики эскадрильи в полной мере овладели тактикой современного воздушного боя. Они привыкли вести бой в одиночку, в расчете только на собственную силу и мастерство. Между тем жизнь показала, что в условиях массированного применения авиации слетанность и взаимная поддержка в воздухе приобретали решающее значение.

Учитывали мы и другое. Французским авиамеханикам, особенно уроженцам Африки, нелегко было обслуживать незнакомую авиационную технику в суровых условиях русской зимы. Времени на подготовку самолетов к вылету у них уходило в два — три раза больше, чем у наших специалистов. Люди старались, но, скованные морозом, ничего не могли поделать. В результате снижалось качество подготовки материальной части, что приводило даже к авариям.

По просьбе летного состава наше командование направило в эскадрилью советских авиамехаников. Дело пошло гораздо лучше. Хочется особенно отметить, что между французскими летчиками и русскими механиками сразу же установились отношения взаимного доверия и трогательной дружбы. Об этом проникновенно рассказывает автор книги.

Советские летчики с искренней симпатией следили за успехами своих боевых друзей и с радостью помогали им скорее войти в строй. Значительную помощь оказали добровольцам «Нормандии» летчики 18-го гвардейского истребительного авиационного полка и особенно командир полка А. Е. Голубов.

Радостным для всего личного состава дивизии был день 5 апреля 1943 года, когда летчики эскадрильи «Нормандия» одержали первые победы. Героями дня оказались Дюран и Прециози. Сопровождая группу бомбардировщиков Пе-2 в районе Рославля, они завязали бой с «фокке-вульфами» и сбили по одному самолету противника.

Однако вскоре французская эскадрилья понесла и первые потери. 13 апреля 1943 года над Спас-Демен-ском были сбиты Бизьен, Дервиль и Познанский. За первые два месяца участия в боях «Нормандия» совершила сто двенадцать боевых вылетов, сбила восемь самолетов, уничтожила на земле два и повредила

шесть самолетов противника, потеряв при этом пять пилотов и шесть боевых машин.

17 июля 1943 года ведомая Тюляном десятка «яков» дерзко напала на большую группу «юнкерсов», шедших под сильным прикрытием «мессершмиттов» на бомбардировку позиций наших войск. Майор Тюлян, совершивший уже свыше 50 боевых вылетов и одержавший немало побед, в этот день не вернулся на базу.

Как только на командном пункте дивизии стало известно о гибели командира эскадрильи, я немедленно прибыл в расположение «Нормандии» и собрал личный состав эскадрильи. Пригласив всех присутствующих почтить вставанием память храбрейшего летчика эскадрильи майора Жана Луи Тюляна, я сделал затем подробный разбор этого боя. Из разбора следовало, что командир «Нормандии» погиб совершенно неоправданно.

Перемешивая русские и французские слова и дополняя свою речь жестами и мимикой, я постарался объяснить французским летчикам важность основного принципа современного воздушного боя — коллективности. На глаза мне попался валявшийся под ногами березовый веник. Подняв его, выдергивая один прутик и переламываю его пополам. Летчики удивленно смотрят на меня. Подаю веник одному из них и прошу переломить его целиком. Конечно, у летчика ничего не получается. Французы улыбаются, кивают головами: понятно! Мудрость, почерпнутая из народной сказки, ясна им без слов. Но я не останавливаюсь на этом. Ткнув в грудь пальцем ближайшего ко мне летчика, спрашиваю:

— Больно?

— Нет, мой генерал.

— А мне больно.

После этого сжимаю пальцы в кулак и слегка ударяю летчика по плечу.

— Ой, больно, мой генерал! — со смехом восклицает тот.

— А мне не больно, — говорю я. — Вот и надо действовать не растопыренными пальцами, а кулаком, тогда результаты будут неизмеримо выше, а потеря меньше.

Французские друзья чутко прислушивались к советам. Сама жизнь, повседневный опыт убеждали их в преимуществе и эффективности нашей тактики. И летчики «Нормандии» мастерски овладели ею. Результаты не замедлили сказаться. Во второй половине 1943 года французские летчики сбили семьдесят семь немецких самолетов, потеряв при этом только двадцать пять своих машин.

После гибели Тюляна командиром эскадрильи был назначен опытный летчик-истребитель майор Пьер Пуйяд. Пуйяд проделал

большой путь из Индокитая до Лондона, прежде чем ему удалось осуществить свою заветную мечту — попасть в наиболее активно действовавшую авиационную часть Сражающейся Франции.

Эскадрилья непрерывно пополнялась новыми силами. Вскоре она была реорганизована в полк. Сменился самолетный парк: французские летчики получили новые истребители Як-9. Снова нужно было учиться. Инструкторам пришлось основательно потрудиться. При переучивании молодых летчиков немалая доля труда легла на плечи одного из ветеранов «Нормандии» — лейтенанта Марсея Лефевра. В качестве инструктора он сделал более ста самолето-вылетов и «пересадил», как у нас было принято говорить, на боевую машину восемнадцать французских летчиков, прибывших из Северной Африки, Англии и с острова Мадагаскар.

25 мая 1944 года 1-й отдельный истребительный авиационный полк Сражающейся Франции «Нормандия» в составе шестидесяти одного летчика и пятидесяти пяти боевых самолетов во главе со своим командиром Пьером Пуядом вылетел на фронт. Полк прибыл на оперативный аэродром Дубровка. Базируясь на этом аэродроме, он принял участие в Белорусской операции, умножив свою боевую славу.

Летом и осенью 1944 года «раяки» одержали ряд блестящих побед. Получив лучшие по тому времени советские истребители Як-3, они буквально наводили панику на гитлеровских летчиков. Немецкий истребитель-бомбардировщик ФВ-190, разрекламированный геббельсовской пропагандой как шедевр авиационной техники, намного уступал нашему истребителю Як-3, особенно при маневре на вертикалях. Умело используя советскую технику, «раяки» только за один день 16 октября 1944 года сбили двадцать девять самолетов противника, не понеся при этом никаких потерь. За успешное участие в боях по форсированию Немана приказом Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами полку было присвоено почетное наименование «Неманский», и он стал называться «Нормандия — Неман». На заключительном этапе войны французские летчики показали образцы отваги и мастерства. За проявленную доблесть в Восточно-Прусской операции полк был награжден орденом Красного Знамени, а за успешные боевые действия при овладении городом и крепостью Пиллау — орденом Александра Невского. К боевому знамени полка «Нормандия — Неман» были прикреплены также и два французских ордена — орден Почетного Легиона и Крест за освобождение.

Действуя на советско-германском фронте, французские

летчики совершили более 6300 самолето-вылетов, провели в общей сложности 869 воздушных боев и сбили 268 вражеских самолетов, а также уничтожили значительное количество живой силы и боевой техники противника на земле.

О французских летчиках-героях, умноживших своими подвигами славу свободолюбивого народа Франции, и рассказывает книга Франсуа де Жоффра. Среди воинов полка были разные люди. Мы видели здесь совсем молодых летчиков, а рядом с ними — опытнейших воздушных бойцов. Крыло к крылу летали потомственный парижский пролетарий Марсель Альбер и французский дворянин Роллан де ля Пуап. В нашем советском небе и тот и другой нашли то, что искали — возможность применить свои силы в борьбе с лютым врагом, приближая день освобождения родной земли. К концу войны Альбер сбил двадцать три фашистских самолета, де ля Пуап — шестнадцать. Они и еще два их однополчанина — Жак Андре и Марсель Лефевр (последний посмертно) — были удостоены звания Героя Советского Союза.

С большой теплотой Франсуа де Жоффр пишет о советских летчиках, с которыми он и его друзья сражались в одном строю против общего врага, о советских техниках, возглавляемых инженером полка С. Д. Агавельяном, благодаря которым летчики «Нормандии» в любых условиях имели отлично подготовленные к бою самолеты. Не забывает он сказать теплые слова и в адрес незаметных тружеников авиационного тыла, которые с искренней симпатией относились к французским летчикам и делали все возможное, чтобы облегчить тяготы их суровой фронтовой жизни. Однако основное внимание автор, естественно, уделяет боевым делам своих соотечественников.

Франсуа де Жоффр прошел большую часть славного боевого пути полка «Нормандия — Неман». Он совершил 125 боевых вылетов. Вместе со своими товарищами он сопровождал советские бомбардировщики, штурмовал войска противника, участвовал в воздушных боях, в которых сбил 11 неприятельских самолетов. Он награжден советскими орденами Красного Знамени и Отечественной войны.

Не один раз Франсуа де Жоффр попадал в тяжелые переплеты. Уже в самом конце войны его самолет был подожжен над заливом Фриш-гаф. Де Жоффр выбросился с парашютом и упал в море недалеко от берега, занятого противником. Вражеские солдаты открыли по летчику огонь из автоматов и пулеметов. Несдобровать бы французскому летчику, но подошедшая советская пехота выручила его из беды. Мы уже оплакивали гибель веселого, остроумного Франсуа, когда он

живой и невредимый появился в полк и сразу же стал просить, чтобы ему поскорее дали новый самолет.

Весть о безоговорочной капитуляции фашистской Германии застала нашу дивизию на берегу Балтийского моря в небольшом городке Эльблонге (Эльбинге). Глава французской военной миссии в СССР генерал Пети, который принимал самое деятельное участие в создании «Нормандии» и переживал все ее радости и неудачи, прислал в полк теплую приветственную телеграмму:

«Летчики «Нормандии»! Горячо поздравляю вас и ваших доблестных советских товарищей. Вы и те, кто пал на поле брани, прекрасно выполнили возложенную на вас задачу. Вы всегда храбро сражались. Своей отвагой и знанием дела вы сумели создать крепкие узы дружбы и братства по оружию с советскими товарищами. Вы хорошо послужили на благо Франции и вписали славные страницы в ее историю. Мы всегда будем признательны Верховному Главнокомандованию и советским командирам, которые дали вам самые лучшие самолеты и создали все условия, чтобы вы могли хорошо сражаться...»

Нелегко нам было расставаться с нашими боевыми французскими друзьями, отправлявшимися на свою родину. Возвращались они во Францию на самолетах Як-3, которые были безвозмездно переданы французской авиации в знак дружбы двух великих народов. Глубоко врезались в нашу память прощальные слова командира полка «Нормандия — Неман» полковника Луи Дельфино: «Совместно пролитая кровь французских и русских летчиков в боях с фашизмом навеки скрепила нашу дружбу».

Духом этой большой боевой дружбы проникнута вся книга французского летчика. Она подкупает своеобразием изложения материала, свежестью языка, темпераментом, с каким автор выражает свое отношение к людям и событиям.

Добрую память по себе оставили отважные французские патриоты, прибывшие в Советский Союз, чтобы участвовать в освобождении преданной петэновцами и поруганной гитлеровцами родины. Советские люди, в сердцах которых неизменно живут чувства искренней дружбы и глубокой симпатии к свободолюбивому французскому народу, с интересом прочтут книгу Франсуа де Жоффра «Нормандия — Неман». Живо воскрешая страницы боевого содружества французских и советских летчиков в совместной борьбе против фашизма, эта книга будет способствовать укреплению традиционной дружбы

между народами Советского Союза и Франции во имя прочного мира на земле.

Герой Советского Союза генерал-майор авиации *Г. Захаров*.

Предисловие

Героическое сопротивление Красной Армии, и особенно грандиозная Сталинградская битва, вне всякого сомнения, были основными факторами разгрома фашистской Германии.

Однажды я беседовал с полковником Лиге и майором Мирле. Это было 19 февраля 1942 года. Мы говорили о будущем, о России. И в тот вечер впервые был намечен проект создания французского авиасоединения, которое бы входило в состав советских военно-воздушных сил.

На следующий день я обсудил этот проект с генералом де Голлем, который одобрил его, и через некоторое время были начаты переговоры с представителем посольства СССР в Лондоне полковником Пугачевым.

Через несколько месяцев переговоры успешно завершились. Летчики и технический состав были собраны в одном месте. При их отборе ни французская, ни советская стороны не руководствовались никакими политическими соображениями. Речь шла только о том, чтобы претворить в жизнь наш девиз: «Сражаться повсюду, где сражаются», и чтобы французский флаг развевался на всех полях сражений.

Результаты боевых действий полка «Нормандия — Неман» превосходили все ожидания: было уничтожено двести семьдесят три вражеских самолета, при этом мы потеряли сорок шесть летчиков.

Лейтенант де Жоффр одним из первых отозвался на наш призыв и был одним из самых отважных бойцов. Он сумел написать книгу, точно воссоздающую атмосферу героической жизни небольшой группы храбрецов, которым многим обязана Франция.

Генерал авиации
Марсиаль Валэн.

Жизнь полка «Нормандия — Неман» во время гигантской битвы на Востоке складывалась из отдельных подвигов французских летчиков. Каждый из них по-своему понимал самоотверженность в бою, по-разному относился к встречам и знакомствам и переживал необычные приключения.

Франсуа де Жоффр дает собственную оценку событиям, описывает их так, как их видел он сам — смелый летчик и француз, обладающий даром наблюдения. Когда я читал эту книгу, перед моим мысленным взором вновь от начала до конца прошла жизнь «Нормандии — Неман» со всеми ее трудностями, я вновь увидел де Жоффра и всех наших товарищей, и особенно

тех, кто пал смертью храбрых вдали от родной земли ради защиты чести Франции.

Полковник *Дельфино*,
бывший командир полка «Нормандия — Неман».

Франсуа де Жоффр рассказал в своей книге о боях и приключениях, которые заполняли жизнь французских летчиков в СССР. Он позволил нам еще раз с волнением пережить эти замечательные годы, которые мы никогда не сможем забыть.

Капитан *де ля Пуап*,
Герой Советского Союза

Памяти всех моих друзей и боевых товарищей, отдавших свои жизни в боях, проведенных «Нормандией — Неман», всем тем, кто остался в живых и кому этот скромный и правдивый рассказ напомнит о минувших годах, которые с каждым днем все больше затушевываются временем, моей дочери Клодине, которая родилась во Франции в 1940 году, во время моего заключения в крепости Санта-Крус в Оране, посвящаю эту книгу.

Фр. де Жоффр

Часть первая

*Ничего не отдано, если не отдано
все.*

Гинемер^{[\[1\]](#)}

Чудесное теплое утро выдалось 23 сентября 1944 года в небольшой деревушке Антонове, расположенной на берегу Немана, притихшего под ласковым осенним солнцем. Здесь, в тридцати километрах от Восточной Пруссии, разместился французский истребительный авиационный полк, вошедший в историю под звучным наименованием «Нормандия — Неман».

Тишину подземного укрытия, в котором находился командный пункт командира полка Пуйяда, неожиданно нарушил негромкий, но настойчивый телефонный звонок.

Пуйяд взял трубку. Звонил командир 303-й Смоленской истребительной авиационной дивизии советский генерал Захаров.

Ни один мускул не дрогнул на лице Пуйяда. Коротким размеренным движением он положил трубку и спокойно спросил:

— Какая эскадрилья сегодня дежурит?

— Третья.

— Отлично. Капитана Матраса немедленно ко мне.

Прошло несколько секунд. Едва Пуйяд успел погасить сигарету в приспособленной под пепельницу пустой коробке, как капитан Матрас уже входил в укрытие. Это был широкоплечий мужчина, с суровым лицом и глубоко сидящими глазами под густыми, мохнатыми бровями.

— Получено задание нанести штурмовой удар по железнодорожной станции Гумбиннен и находящимся там эшелонам с горючим, — начал Пуйяд. — Вылет примерно через полчаса. Задание трудное. Противовоздушная оборона в этом секторе, безусловно, сильная. Но я полагаюсь на вас. Действуйте!

Шалль, Микель и я в это время лежали на земле, положив под головы парашюты вместо подушек. Мы видели, как капитан Матрас, командир нашей эскадрильи, вышел из укрытия и торопливым шагом направился к нам.

— Будет работенка, — заметил Шалль.

И он не ошибся. Приблизившись к нам, капитан Матрас, как всегда немногословный, отрывисто бросил:

— Небольшая «штурмовка».

Все ждали разъяснений. Капитан молчал, переступая с ноги на ногу. Мы знали, как трудно вытянуть из него хотя бы несколько слов. Но на этот раз он заговорил неожиданно быстро:

— Предупреждаю, предстоит серьезное дело, а не увеселительная прогулка. Штурмовой удар по эшелонам с горючим на станции Гумбиннен. Полет до цели на бреющей

высоте. Дистанция между самолетами — 500 метров. Обойдем станцию с юга, чтобы труднее было нас обнаружить. Сделаем только один заход, но, разумеется, внезапный и эффективный. Бог за всех и каждый за себя! Пошли.

Никто не комментировал задание, хотя оно и было не из приятных. Советский истребитель Як-3 деревянной конструкции не имел достаточной защиты от пуль и осколков. Штурмовые действия на таких самолетах были зачастую очень рискованными.

— Ну, приятель, — сказал мой друг Ирибарн, обращаясь ко мне, — если сегодня вечером придется делить твои пожитки^[2], то знаешь, что я возьму себе?

И он кивнул головой в сторону расположенного на окраине аэродрома небольшого литовского хутора, где, к великой зависти моих однополчан, я имел удовольствие провести несколько славных вечеров. Я попытался отделаться шуткой:

— Особенно не надейся. Придется тебе разочароваться и на этот раз. Меня не так-то легко «поделить», как ты думаешь.

И хотя чувство, которое я испытывал при этом, можно было назвать не страхом, а скорее каким-то внутренним стеснением и беспокойством, мой голос, не прозвучал достаточно убедительно.

Около моего самолета, блестящего на солнце, как обычно, занимались своими делами механик, оружейник и одна девушка-радиотехник. Мой смелый и верный русский механик, товарищ старшина Лохин, вытянувшись, традиционно доложил:

— Товарищ лейтенант! Все готово. Мотор, радио и пушка — в порядке.

Так же традиционно я ответил:

— Большое спасибо, Лохин!

Мы обменялись дружеским рукопожатием. Я залез в кабину и закрыл фонарь. С этой минуты я предоставлен самому себе. С нетерпением жду сигнальной ракеты. Хочется скорее подняться в воздух, набрать скорость и с разгоряченной, но ясной головой устремиться к цели. Томительное ожидание продолжается. Я стараюсь прогонять неприятные мысли и вспоминать только те случаи из моей летной жизни, когда я благополучно выходил из самых тяжелых испытаний. Не могу сказать, что я преуспел в своих стараниях.

Но вот взвилась ракета! Четыре мотора взревели одновременно. Винты подняли облака пыли. Я начинаю медленно выруливать. Сейчас мы взлетим. Матрас поднимает большой палец — это сигнал. Мы втроем отвечаем тем же. Итак, все готовы. Вперед! Постепенно даю полный газ. Наши самолеты оживают, дрожат, делают разбег и крыло к крылу парами отрываются от взлетной полосы. Мы не набираем высоты и летим

так низко, что едва не касаемся земли. На скорости свыше пятисот километров в час начинается опасная прогулка — молниеносный визит в Восточную Пруссию с вручением визитной карточки в виде залпов авиационных пушек и пулеметов.

— Алло! Раяки^[3]! Как слышите меня?.. Оставайтесь на приеме, но никаких разговоров, иначе рискуем себя обнаружить. Выдерживайте дистанцию. Второе звено, подойдите ближе. Скорость — 500. Курс — 230.

Подо мной вьется окаймленная высокими деревьями дорога, по которой едва тащится какой-то грузовик, принадлежащий, по-видимому, владельцу фермы, только что промелькнувшей под крылом. Еще одна ферма, роща, небольшое типично прусское село, квадратное, размеченное как по линейке. За те несколько мгновений, что мы пролетаем над селом, я стараюсь представить себе образ жизни его обитателей. Отличается ли он от образа жизни знакомых мне французских или русских сел? Но скоро занятие политической географией приходится оставить. Самолет Матраса разворачивается. Повторяю его маневр. Второе звено, строго выдерживая дистанцию, следует за нами. Прошло около двадцати минут. Мы проникли в глубь Пруссии не менее чем на двести километров. Я прилагаю все старания, чтобы вести машину действительно на бреющем полете. От этого зависит успех выполнения задания. Управлять самолетом на бреющем полете при скорости пятисот километров в час невероятно трудно: требуется предельно четкое пилотирование. Однако только при этом мы сумеем точно и, что особенно важно, неожиданно накрыть станцию, эшелоны и застать врасплох противовоздушную оборону.

— Алло! Алло! Раяки! Курс 90, цель «на 12 часов»^[4] появится через пять минут, приготовиться к атаке...

Матрас никогда не произносит ни одного лишнего слова. Если бы он мог объясняться с помощью жестов, я уверен, что он не преминул бы этим воспользоваться. Но сейчас нет никакой необходимости напоминать мне о готовности к атаке: пушка и пулеметы давно уже готовы к бою. Я слишком люблю фейерверки и иллюминацию, чтобы рисковать опоздать к началу.

Минуты кажутся часами. В голове появляются и пропадают какие-то разрозненные мысли, разобщенные образы, нелепые идеи. Черт возьми! Этот проклятый Гумбиннен еще далеко... Только бы не ушел поезд... Опять дороги, леса, фермы, линия высокого напряжения. А вот скопление машин. Жаль, что здесь нельзя немного прогреть пулеметы.

— Внимание, раяки! Вижу цель, обороты мотора — 2600... Начали...

Гумбиннен приближается с головокружительной быстротой. Зенитная артиллерия пока молчит. Город совсем маленький, но станция издали кажется весьма крупной. Где же эшелоны с цистернами? Мои глаза прикованы к прицелу, указательный палец на гашетке пулемета, большой — на гашетке пушки, остальные пальцы правой руки крепко сжимают ручку управления. Станция становится огромной и заполняет весь горизонт... Пора действовать, тем более что зенитчики стараются создать между целью и нами сплошную стену огня и стали. Вот внизу замелькали платформы и несколько левее, на станционных путях, — бензоцистерны. Едва ощутимо, как бы лаская, нажимаю левую педаль управления. Одновременно слегка отдаю ручку от себя, чтобы придать снарядам нужное направление. Нажимаю на обе гашетки. Самолет вздрагивает. В прицел видны сплошной огонь, дым, сверкающие молнии, которые пронизывают цистерны, и маленькие темно-зеленые фигурки людей, разбегающихся в разные стороны.

Метрах в пятистах от меня три других «яка» действуют с таким же ожесточением. Эффект неожиданности полный. Позади нас вздымается огромный столб пламени, он растет с каждой секундой. Никто из наших не пострадал. Ура! Четыре «яка» возвращаются, по-прежнему выдерживая дистанцию, и голос Матраса трещит в наушниках:

— Алло! Алло! Раяки! Цель накрыта. Есть ли раненые?

Стоит ли отвечать? Все мы, целые и невредимые, стремительно несемся к аэродрому, к нашим друзьям. Пот струится из-под шлемофонов. Рука крепко сжимает ручку управления. Однако еще не все окончено. Надо пересечь линию фронта, не подставив себя под огонь зениток. Я чувствую себя возбужденным. Азарт боя еще не прошел. Вдали, на шоссе, замечаю военную автомашину. Не возвращаться же с неизрасходованными боеприпасами! Опять плавно нажимаю на педаль, отдаю ручку. Автомашина приближается, в центре маленькой паутинообразной сетки прицела она принимает все более отчетливую форму. Нажимаю на гашетки, и машина, обхваченная пламенем, опрокидывается в кювет.

Даю несколько очередей по немецкому мотоциклисту, и он, видимо, чувствует себя несколько не лучше загнанного зайца...

— Алло! Алло! Раяки, пересекаем линию фронта. Прижаться ближе к земле. Дистанция 800 метров, полные обороты, — приказывает Матрас.

Опускаюсь как можно ниже. Следуя неровностям рельефа, буквально прижимаю машину к земле. Зенитная артиллерия открывает ураганный огонь. Бесполезно. Еще тридцать

километров — и мы дома. Мне весело.

Дружище Ирибарн! На этот раз тебе еще не удастся меня «поделить», и сегодня я сам пойду провести вечер к Стефе, прелестной литовочке с зелеными глазами, живущей в небольшом домике у аэродрома. Сюда на огонек свечи собираются русские и литовцы послушать, как Стефа под аккомпанемент аккордеона поет протяжные народные песни.

— Алло! Внимание, раяки! Идем на посадку поочередно. Рации выключить.

Через три минуты наши самолеты уже на стоянке в самом конце аэродрома. Пуйяд уже здесь.

— Ну как? Все обошлось благополучно, Матрас?

— Задание выполнено, мой командир. Цель уничтожена!

Матрас уже успел закурить сигарету и теперь, наверное, так же как и мы, думает о том, что закончился еще один день войны.

Да, еще один день, почти не отличающийся от остальных, проведенных нами под боевым знаменем полка «Нормандия — Неман».

Я как сейчас помню теплый осенний вечер 23 сентября 1944 года. Возвратившись к своим товарищам после дружеской вечеринки в кругу русских солдат, литовских крестьян и французских летчиков, слушавших пение Стефы, я вдруг отчетливо вспомнил, и пережил еще раз тот летний день 1940 года, когда под знойным африканским небом начинался наш путь, полный приключений, подвигов и жертв.

Глава II

Перемирие 22 июня 1940 года^[5] застало нас в Сении — авиационной базе близ Орана. Стояла невыносимая жара. К югу от аэродрома над зловонным, перенасыщенным солью озером Себкра клубился серый туман. В потоках теплого воздуха, струившегося над раскаленной почвой, затейливо изменялись очертания стоявших в беспорядке самолетов всевозможных типов и возрастов.

Даже ночь не приносила прохлады. Жизнь на аэродроме постепенно затихала под усыпанным блестками звезд небом, напоминавшим наряд клоуна. Наступало гнетущее мертвое безмолвие.

Мои мысли переносятся в одну из комнат третьего этажа корпуса «С», где жили младшие офицеры. В ней, полной табачного дыма, несмотря на поздний час, склонились над картой, тускло освещенной свечой, несколько молодых людей, нервно попыхивающих сигаретами.

Один из них прокладывал маршрут. Это был Мушотт. Линия, которая появлялась на карте под его карандашом, связывала Сению прямо с Гибралтаром. Избранный маршрут являлся для нас дорогой к свободе, и мы грезили им. Он мог привести нас к битвам, к славе и с таким же успехом — к смерти.

— Итак, решено, Герэн, — говорит Мушотт. — Я с солдатами беру «Гозланд»^[6], который я приметил сегодня утром.

— Идет, — бросил Герэн.

— Ты, Файолль, — продолжал Мушотт, — вместе со Штурмом вскакиваешь в штабной «Симун»^[7].

— Согласен, — ответил Файолль.

— Ва-банк! — буркнул Штурм.

— Ну, а де Жоффр, Гастон и Карон набрасываются на Блош-175^[8]. Таким образом, мы будем располагать тремя самолетами.

Последовала пауза. Затем я спросил:

— Как с очередностью взлета? Последним придется не сладко. Аэродром будет поднят на ноги, и они попадут в самое опасное положение. Что, если нам кинуть жребий?..

— Как угодно, — ответил Мушотт.

Бросили жребий. Мне не повезло. Я вытащил билет со словом «последний».

— Да! Еще несколько советов, — сказал Мушотт. — Берегитесь зениток Гиба^[9]. Они не запаздывают со стрельбой. Сразу же дайте о себе знать покачиванием крыльев и как можно

скорее выпускайте шасси. При посадке будьте особенно внимательны. Аэродром очень мал. В случае необходимости садитесь на «брюхо». Это избавит англичан от необходимости разыскивать вас в море.

Счастливые, мы не сводили с него глав, шутили. Мушотт повторил еще раз:

— Итак, решено: вылет в пять часов утра, в порядке жеребьевки.

Мушотт встал. Его лицо светилось радостью. Он свернул карту, аккуратно положил ее в свой карман и направился к двери, затем, резко повернувшись, посмотрел на нас.

Легкая улыбка тронула его губы:

— Счастливо, господа! — произнес он веселым голосом. — Увидимся завтра утром в Гибралтаре.

Подойдя ко мне, он протянул запечатанный конверт:

— Держи, де Жоффр, ты летишь последним, опусти это письмо в ящик.

Он слегка помахал рукой, затем открыл дверь и вышел.

Я посмотрел на конверт. Письмо было адресовано мадам Мушотт. Но ей так и не довелось больше увидеть своего сына.

30 июня на рассвете, когда небо еще не потеряло стального оттенка, а Оранские петухи уже прокричали своими истошными голосами, зачихал один мотор, потом к нему присоединился другой. И вот оба они заработали вместе. Их шум показался нам оглушительным. «Гоэланд» Мушотта проскользнул в лабиринте других самолетов. Его мотор работал на предельных оборотах. Я подбежал к окну и увидел, как машина моего старого друга медленно поднимается в светлеющее небо. Вскоре она превратилась в маленькую черную точку, едва различимую в воздухе над озером Себкра. Но скоро эта точка исчезла, будто ее стерли школьной резинкой. Тогда я не думал, что вместо обычного «до скорой встречи» нам следовало сказать друг другу «прощай».

На улице уже совершенно светло. Сейчас очередь Файолля и Штурма. Странно: командование авиационной базы, кажется, не очень встревожено вылетом «Гоэланда». Можно не заметить самого самолета, но не слышать шум его моторов на аэродроме невозможно. Интересно, даны ли распоряжения об усилении охраны?

Я провожаю Файолля и Штурма, чтобы на месте видеть, как будут разворачиваться события. Не спеша проходим мимо ангаров. Часовые далеко. Они не обращают на нас никакого внимания. Файолль решает ускорить отлет. Он протягивает мне руку. Я и сейчас вижу его взгляд, такой открытый и чуть-чуть

насмешливый. Он подмигивает и тихо шепчет:

— До скорой встречи, Франсуа. Я поставлю бутылочку шампанского в холодильник. Вперед, ворчун Штурм, в дорогу!

Размашистым шагом он спешит к «Симуну», сверкающему под лучами солнца. Штурм еле поспевает за ним. Вот они уже забрались на крыло. Дверца кабины открыта. Штабные сумки и планшеты, разбухшие от документов, выброшены наружу и валяются на земле. Я вижу, как Файолль садится на место пилота. Штурм рядом с ним. Заработал мотор. Самолет трогается с места. Он пробирается в самой гуще этой ярмарки воздушных «блох», которую представляет собой Сения. Разворот влево, и перед нашими беглецами свободная летная полоса. Облако пыли окутывает самолет, который начал разбег. Мотор еще не прогрелся, поэтому для отрыва машины от земли не хватает мощности. Вот уже кончается полоса. Неужели он не сможет подняться?

Мои руки и ноги инстинктивно повторяют движения летчика при взлете. «Симун» подскакивает, падает, встает на дыбы и вновь опускается. И только на самой границе взлетной полосы колеса окончательно отрываются от земли, и машина с трудом, но все более уверенно начинает набирать высоту.

Я сильно волнуюсь. Пот льется с меня градом. «Симун» совершенно не терпит непрогретого мотора. Подобная акробатика оплачивается, как правило, дорогой ценой. Ну, слава богу, они взлетели. Сейчас машина кажется не больше серебряной монеты, отражающей лучи уже взошедшего солнца. Через мгновение ее поглощает туман Себкры. Некоторое время еще слышится слабый гул мотора и, наконец, замирает. Файолль, мой друг, мой товарищ по летной школе, улетел навстречу своей судьбе. Его также я никогда больше не увижу.

* * *

Через десять минут наш черед. Аэродром уже проснулся. Повсюду разъезжают автомашины. Слышен шум свистков и сирен, возвещающих тревогу. Повсюду видна вооруженная охрана. Нам придется нелегко. Чтобы добиться успеха, надо действовать немедленно.

Мы перебегаем летное поле, маскируясь насколько возможно в тумане, который в часы утреннего рассвета тянется от Себкры. Гастон задыхается, согнувшись под тяжестью огромного чемодана, который он счел необходимым взять с собой в дорогу. Мы подтруниваем над ним:

— Ну и хитрец! Выдает себя за носильщика. Скажи, ты уверен, что так необходимо изображать вокзального носильщика на глазах всей базы? Если подобный трюк ты считаешь единственным способом ускользнуть незамеченным, то это по меньшей мере глупо.

Гастон едва переводит дух. Пот течет с него ручьями. Он твердит одно и то же:

— Ребята, не беспокойтесь. Я вам говорю: успех обеспечен.

Наконец перед нами шеренга самолетов Блош-175. Нашу машину поведет Карой. Это он доставил ее сюда из Бордо. Он указывает на самолет пальцем:

— Все в порядке. Вот он. Запускайте моторы. И сразу же в кабину.

Мы проворачиваем винты. И эта работа, обычно такая утомительная, на этот раз нам кажется детской забавой. Наши силы удесятились. Карон уселся на командирское сиденье. По мере того как мы проворачиваем винты, он впрыскивает топливо.

— Залезайте, — кричит он нам, — и закрывайте кабину.

Гастон со своим неразлучным чемоданом и я размещаемся на месте штурмана. Туман по-прежнему плотный. Хотя он и укрывает нас от взора часовых, но зато мешает вырубиванию и делает невозможным вылет. Образовался небольшой просвет. Сейчас нас могут заметить. Контакт! Левый мотор молчит. Винт проворачивается, но мотор не работает.

— Карон, попробуй правый...

Правый мотор запускается мгновенно, приятно оглушая нас своим шумом. Еще немного усилий, и все будет в порядке. Теперь снова за левый мотор. Ничего не получается. Как сумасшедший я выскакиваю из кабины, с силой проворачиваю винт, возвращаюсь и, когда заносу ногу в кабину, замечаю приближающуюся к нам военную машину. Больше нельзя терять ни секунды.

— Давай еще раз, Карон!

Наконец-то! Левый мотор начинает чихать. Он работает, пусть плохо, но все-таки работает. Он еще слишком холодный. Карон резко прибавляет газ. Самолет вздрагивает и трогается с места. Начинаем вырубивать. Во что бы то ни стало надо выбраться из проклятого лабиринта машин, к тому же почти в сплошном тумане. Нужно как следует прогреть моторы. Хватит ли нам времени, чтобы взлететь? Сумеем ли оторваться от земли? Для взлета машины весом в несколько тонн необходима полная мощность ее двух моторов. Секунды кажутся часами. Наконец опасная зона пройдена! Теперь нам остается только молить всевышнего, чтобы он помог подняться в воздух.

Самолет начинает набирать скорость. Если вчера в метании жребия нам не повезло, то сегодня мы должны добиться успеха. Вдруг словно из-под земли на нашем пути появляется автомашина. Катастрофа неминуема. Лицо Карона заметно побледнело, мускулы напряглись. Используя последнюю возможность избежать аварии, он сильным рывком нажимает на педаль, резко изменяя направление движения, и увеличивает обороты левого мотора. Самолет заносит, и это спасает нас от столкновения. Мы проносимся рядом с автомашиной, едва не зацепив ее правой плоскостью. Теперь только успеть сбавить скорость. Но машина опять на нашем пути. И мы поняли, что все пошло прахом. Со всех концов аэродрома к нам бегут солдаты и офицеры. Те, кто очутился рядом с самолетом, уже наводят на нас оружие. В затихающем гуле моторов я слышу их крики:

— А ну, быстрее вылезайте оттуда, поганое отродье! Вылезайте или будем стрелять!

Карой выключает моторы. Адский грохот сменяется зловещей тишиной. Пот заливает наши лица. Мы сидим обессиленные, одуревшие, без единой мысли в голове и никак не можем отважиться вылезти из самолета. Я растерянно бормочу:

— Гибралтар... Бутылка шампанского... Файолль... Мушотт...

Наконец, мы открываем кабину и прыгаем на землю.

— В шеренгу по одному, руки вверх! — кричит нам какой-то офицер.

Нас вталкивают в крытую автомашину. На бешеной скорости она несется к командному пункту авиабазы. Голоса охранников, назойливые, как комариный писк, отчетливо фиксируются в сознании:

— Значит, захотели сбежать... Это вам дорого обойдется, молодчики!

Нас вводят в комнату дежурного офицера. Через несколько минут сюда врывается полковник. Он разъярен до предела, его лицо пылает от негодования. Бешено вращая потемневшими от гнева глазами, он надрывно кричит:

— Сборище подлецов... Решили удрать!.. Украсть самолет!.. Французский военный самолет!.. Захотели дезертировать! Ну, отвечайте же!.. Куда бежали?.. Зачем?.. Почему молчите?

Мы стараемся сохранять спокойствие:

— Мой командир, мы хотели только перелететь в Гибралтар, не больше.

— Гибралтар? Не плохо задумано, не правда ли? Но отдадите ли вы себе отчет в том, что ваша выходка приведет к тому, что мы будем иметь дело с комиссией по перемирию?

Отвечать было бессмысленно. Полковник приказывает

вызвать грузовик и вооруженную охрану. И нас, обвиняемых в тройном преступлении — посягательстве на внешнюю безопасность государства, краже военного самолета и дезертирстве из рядов армии во время войны, — под конвоем солдат везут через весь Оран и передают в руки надзирателей оранской военной тюрьмы в форту Санта-Крус.

Тюремная канцелярия. Обычные формальности, обыск, бритье головы, и вот уже массивная обитая железом дверь одиночной камеры закрывается за мной. Мы хотели владеть всем небом, а получили только глазок тюремной двери.

Попав в камеру, я начинаю ощупывать стены. Это — естественный рефлекс каждого узника. Трижды стучу сначала в правую стену, а затем в левую.

— Гастон, Карон, вы слышите меня?

На мой стук отзывается один Гастон:

— Да, я слышу тебя, но очень слабо.

И добавляет:

— Полная неудача.

Я соглашаюсь.

Я искренне желал Гастону всяческой удачи вместе с его чемоданом. Но кто мог сказать, где она, удача? Где бы я был сейчас, удайся наш побег? Быть может, только благодаря чемодану, который вызвал у меня тогда такую ненависть, я и остался в живых.

Неожиданно мы отделались очень легко. Несмотря на тяжкое обвинение, мера наказания, к нашему удивлению, была ограничена двумя месяцами строгого ареста. Наш молодой возраст, неопытность, неспособность понять «высшие» государственные интересы склонили к снисхождению господ из военного трибунала.

В один из сентябрьских дней легковая автомашина нашей авиабазы вывезла нас из форта Санта-Крус в Сению. Карон вскоре демобилизовался и возвратился в Париж. О его дальнейшей судьбе мне трудно что-либо сказать. Избрал ли он путь бесчестия или позднее вновь вступил на путь борьбы? Об этом я ничего не знаю и не хочу знать. Я желаю сохранить в своей памяти лишь образ того Карона, каким я его видел утром 30 июля, когда мы вместе готовились к «операции Гибралтар».

Зато о Гастоне я могу говорить свободно и легко. Чертовски вzbалмошный человек! Какая оригинальная и симпатичная личность! Единственный сын в семье врача, в период между 1940 и 1942 годами он дважды пытался бежать в Англию. Но оба раза неудачно. Особенно примечателен второй побег, детали которого могли бы послужить материалом голливудским киносценаристам

с самым богатым воображением. На этот раз уже без своего чемодана, Гастон, переодевшись арабом, пытается перебраться через горы в Испанское Марокко. Его разоблачают и арестовывают в тот момент, когда он уже готовится пересечь границу, что ему позволило бы добраться до Танжера и Гибралтара. Гастона сажают в тюрьму Порт-Лиотей и осуждают за повторный побег на несколько лет заключения в крепости. Я сомневаюсь, чтобы каторга во Франции была приятной. Но в Порт-Лиотее она в тысячу раз хуже. К счастью, Гастона вскоре освобождают наступающие американцы. Он сразу же записывается добровольцем в полк «Нормандия» и присоединяется к нам уже в Туле, где в то время мы проходили обучение. Едва успев бегло ознакомиться с «яками», Гастон вместе со мной вылетает на фронт, и буквально через несколько дней, 26 июня 1944 года, его сбивают под Смоленском.

Мушотт, пройдя блистательный путь в рядах авиационной эскадрильи «Эльзас», погиб во время воздушного боя над морским побережьем Бельгии. Был ли он сбит или, сломленный нечеловеческой усталостью, на мгновение потерял сознание в воздухе и вместе с потерявшим управление самолетом врезался в землю — неизвестно.

Файолль — мой друг и соперник на земле и в воздухе — сгорел вместе со своим самолетом в 1942 году. Его сбили над Дьеппом.

Моя судьба сложилась несколько иначе. Я был просто зачислен в эскадрилью «Лафайетт», находившуюся в Касабланке. Мне посчастливилось одному из первых французов подняться в воздух на новых американских самолетах, которые мы с таким нетерпением надеялись получить еще в 1940 году. Я был одним из первых французских солдат, надевших американскую военную форму.

С начала января 1943 года наша часть находилась на Тунисском фронте. Это было тяжелое время. Французские войска отражали ожесточенные атаки противника. Несмотря на недостаток вооружения, африканская армия показала себя с лучшей стороны. Немецкие пикирующие бомбардировщики Юнкерс-87, сопровождаемые итальянскими истребителями, не давали нам ни минуты покоя. Они охотились даже за отдельным человеком на земле. Так однажды на аэродроме был убит Кавалли, стоявший рядом со мной. Какая ирония судьбы! Прославленный мастер воздушной акробатики, герой довоенных парадов и смотров погиб на земле. На моих глазах он как подкошенный упал на колени, согнулся и свалился на бок, изрешеченный осколками. За несколько дней до этого эскадрилья

«Лафайетт» защищала свой аэродром во время налета крупного соединения «юнкерсов», направлявшихся к Тебессе и Телепту. В бою участвовала также эскадрилья «спитфайеров», пилотируемых американцами. Завязалась жестокая схватка. Немецкие истребители приняли бой с яростью и поразительной дерзостью. «Юнкерсам» удалось прорваться к нашим позициям и сбросить свой смертоносный груз до последней бомбы, но на обратном пути они все до одного были сбиты. Дерзость немцев стоила им жизни. У нас был сбит один Деланнуа. Смертельно раненный, он так и не смог выпрыгнуть с парашютом из объятых пламенем самолета.

В это время наступление немецких войск по направлению к Тебессе продолжало развиваться. Немецкие войска, полные решимости и уверенности в своих силах, этим продвижением создали большую угрозу. Они намеревались стремительным обходным маневром окружить части, защищавшие этот участок фронта, и тем самым лишить союзные войска снабжения продовольствием и боеприпасами, поступавшими в Тебессу через узкие горные ущелья Туниса. Эскадрилья «Лафайетт» передислоцировалась. Самолеты Р-40 «Томагаук» выходили из строя даже после незначительного повреждения. Поэтому на старом аэродроме осталось много почти исправных самолетов. Скрепя сердце их пришлось сжечь. К счастью, бронетанковая колонна англо-польских войск ликвидировала немецкий прорыв. Не многим известен этот эпизод, однако именно он, возможно, и определил исход короткой, но тяжелой войны в Тунисе.

Я не являюсь и не хочу быть военным теоретиком. И если я в нескольких словах обрисовал картину тунисской кампании, то сделал это только потому, что именно там решилась моя судьба.

После уничтожения наших самолетов в Телепте некоторые летчики остались без дела. Мне сообщили решение командования о моем переводе в Марракеш, где мне хотели поручить организацию школы для обучения летчиков-истребителей. Эта новость меня не обрадовала. В сложной, напряженной обстановке, создавшейся в Северной Африке из-за разногласий между де Голлем и Жиро, я чувствовал себя довольно неловко. Мне не хотелось вмешиваться во внутренние распри, в результате которых маленькие, простые люди, без положения и прав, неизбежно платят дорогой ценой. Остаться в тылу для меня было невыносимым, и я твердо решил при проезде через Алжир сделать все, чтобы не оказаться в положении преждевременно вышедшего в отставку, списанного в архив.

И счастье не покинуло меня. В Алжире, на улице Исли, я встретил моего старого друга Фельдзера, опытного летчика, уже в

то время избравшего путь борьбы. Всем нам было известно о смелой попытке побега, предпринятой им в 1940 году, которая, к несчастью, окончилась каторгой в Южном Тунисе.

При встрече мы бросились друг к другу в объятия. Заговорили.

— Ну, как дела?

— Совсем плохо.

— Не удивительно. С таким похоронным видом, как у тебя...

— Выпьем по стаканчику.

— Безусловно.

Мы расположились в первом же бистро, где нашелся довольно сносный вермут. Я залпом выложил ему все свои неприятные новости:

— Они направляют меня в Марракеш. А я еще хочу драться.

Он молча посмотрел на меня, а затем тихим, вкрадчивым, словно извиняющимся голосом спросил:

— Послушай, де Жоффри, как тебе нравится группа «Нормандия»?

— Это та, что находится в России?

— Да. Ты знаешь, они сражаются, как львы. При каждом вылете дерутся до финиша. Обстановка там сложная. Недавно они понесли большие потери. Правда, климат там очень тяжелый. Нужно все взвесить.

Глядя на меня, он замолк, будто подыскивая слова, затем медленно произнес:

— Однако чувство товарищества и взаимная выручка в бою там на высоте. А какие превосходные истребители «яки»!

Помолчав несколько секунд, он добавил:

— Знаешь, я твердо решил ехать. А ты что об этом думаешь?

Что я думал? Я ликовал. Мне хотелось кричать от радости. Я готов был напоить весь город. Я простил бы сейчас самого подлого из моих врагов. Я чувствовал, как во мне поднимается волна энтузиазма, доброты, великодушия, наконец, счастья. Но я смог только произнести:

— Дружище Фельдзер! Дружище Фельдзер!

— Ну как, ты согласен?

— О чем тут еще говорить!

— Отлично. Ни о чем не беспокойся. Я все беру на себя. Я слишком хорошо их знаю, всех этих чинуш из штаба. Они такие крючкотворы, что способны ловко изменить твоё настроение.

Мне казалось, что он преувеличивает, но я ошибался. Когда через несколько дней я сообщил о своем желании одному из высших чинов, тот ответил мне так:

— СССР?... «Нормандия»?.. Я ничего не знаю. Направляйтесь в

Марракеш и оставьте, наконец, меня в покое!

«Оставьте меня в покое!» Это звучало так дико в то время, когда весь мир был охвачен лихорадкой войны. Я требовал у него автомат, а он предлагал мне... гамак!

Фельдзер оказался прав. Нужно было воевать, чтобы попасть на войну. Нужно было настаивать, чтобы тебе предоставили возможность рисковать своей собственной шкурой. Бесполезно рассказывать о том, как я обивал пороги многих учреждений, словно добиваясь теплого местечка.

Но вот наступил день, вернее, прекрасное лучезарное утро, когда среди цветов, их благоухания, под звуки диковинной музыки в саду Агедаля мне была вручена телеграмма-приказ:

«Адрес получателя: Авиационная база Марракеш, командиру базы; адрес отправителя: Главное командование военно-воздушных сил, Алжир.

Приказано летчику сержанту де Жоффру в кратчайший срок выехать в Алжир, откуда он будет направлен в СССР для прохождения дальнейшей службы в составе третьей группы, так называемой группы «Нормандия».

Глава III

Что же представлял собой этот знаменитый полк «Нормандия»?

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, чтобы коснуться некоторых событий, вспомнить обстановку, рассказать о пионерах «Нормандии».

В 1942 году генерал де Голль получил согласие маршала Сталина на активное участие французских летчиков в боях на русском фронте, плечом к плечу с Красной Армией. Была достигнута договоренность о том, что правительство СССР безвозмездно предоставит необходимую военную технику и возьмет на себя снабжение французских летчиков. Франция хотела быть представленной повсюду, где сражались за свободу. Генералу Марсиалю Валэну, начальнику штаба военно-воздушных сил Сражающейся Франции в Лондоне, и полковнику Корнильон-Молинье, командующему военно-воздушными силами Сражающейся Франции на Среднем Востоке, было поручено сформировать группу.

Так родилась 3-я истребительная группа, которая продолжила славные дела своих предшественников — эскадрилий «Эльзас» и «Иль-де-Франс».

Возник вопрос о наименовании.

Майор Пуликэн с авиабазы Раяк, которому в дальнейшем была вверена судьба группы, посоветовавшись со своими офицерами, выбрал имя «Нормандия». Генерал Валэн дал свое согласие. Это имя так и закрепилось за группой, а трем эскадрильям, входившим в ее состав, дали названия трех главных нормандских городов: «Руан», «Гавр» и «Шербур». Эмблемой группы был избран герб Нормандии — два льва с золотой пастью.

Первые добровольцы стали прибывать из Англии и из стран Среднего Востока. Их встречали майор Пуликэн, майор Тюлян, капитан Литольф. Ответственным офицером по связи с советским командованием назначили майора Мирле.

В числе первых летчиков, зачисленных в «Нормандию», были лейтенанты Прециози, Познанский, Дервиль, Колэн, Луше, Лаффон. Но еще до получения приказа об отлете в Россию Лаффон был ранен, Колэн пропал без вести, а Луше, друг моей юности и товарищ по совместной работе в 1938 году в гражданской авиации на аэродроме Орли, погиб под Эль-Аламейном.

С Британских островов прибыла группа так называемых «англичан», и среди них знаменитое трио беглецов из Орана:

Альбер, Дюран и Лефевр. Во время тренировочного полета на самолетах Девуатин-520 эти летчики инсценировали атаку неприятеля и на глазах обалдевших от изумления офицеров исчезли в направлении Гибралтара. Зенитная артиллерия крепости встретила самолеты бешеным огнем. Лефевр был вынужден совершить посадку на испанской территории, откуда взлететь ему удалось только благодаря поистине акробатическому маневру, который вызвал восхищение у всех.

Прибытие этих «трех мушкетеров» вызвало сенсацию в рядах «Нормандии».

Альбер (впоследствии знаменитый «капитан Альбер») является одной из наиболее видных фигур французских воздушных сил. Ученик-подмастерье, механик на заводах Рено в прошлом, этот человек потом стал фанатиком авиации, воздушным лихачом. Начал он с того, что стал выкраивать из своего небольшого заработка деньги на оплату учебных летных часов на аэродроме в Туссю-ле-Нобль под Парижем. Этот парижский парень, скромный и застенчивый, краснеющий без всякого повода, очень быстро достиг зенита славы.

Сейчас можно с твердой уверенностью сказать, что Альбер был душой «Нормандии» и внес большую лепту в славные дела полка. Это один из основных героев нашей книги.

Одного из пионеров «Нормандии», аджудана^[10] Жуара, 1940 год застал в Англии. Он уже к тому времени провел немало воздушных боев и имел на своем счету пять сбитых самолетов врага. Жуар находился в составе десанта, который предпринял попытку высадиться в Дакаре в 1940 году. Ему было поручено ответственное задание: доставить французским летчикам, находящимся на авиабазе в Дакаре, братское послание, призывающее Французскую Западную Африку присоединиться к Свободной Франции. Жуар взлетел с борта авианосца «Арк Ройял». Одновременно французские парламентарии во главе с адмиралом Тьери д'Аржанлье на катере под белым флагом направлялись к берегу. Жуар благополучно приземлился в Дакаре. Вначале его встретили как товарища по оружию, как друга и спасителя. Но вмешался губернатор Буассон, и Жуара бросили в тюрьму. После суда его под усиленным конвоем доставили во Францию, но затем освободили, учтя его боевые подвиги в мае 1940 года.

Перенесенные лишения не сломили духа Жуара. Через Испанию он вновь прибывает в Англию и одним из первых записывается добровольцем в «Нормандию».

Из других видных летчиков я хотел бы упомянуть капитана Риссо, которому удалось бежать из Испании на Средний Восток,

устроившись грузчиком на грузовом судне, и особенно Пуйяда, бывшего нашего командира в течение большей части русской кампании. 1940 год застал Пуйяда в Индокитае. В чине капитана он командовал эскадрилей в Ханое. Это настоящий бунтарь в лучшем смысле этого слова. Воспитанник Сен-Сира^[11], он не мог смириться с поражением Франции. Пуйяд признавал только победу или смерть.

Обстановка в Индокитае в то время была сложная. Японцы могли со дня на день появиться в Ханое. Пуйяду грозил плен, на что он никогда бы не согласился.

Как-то на аэродроме он позвал к себе механика:

— Послушай-ка, Тото, в каком состоянии тридцатый «Потез»^[12]?

— Ничего...

— Выдержит?

— Конечно.

— Прекрасно! Проверь еще раз мотор. Мне предстоит довольно продолжительный разведывательный полет над китайской границей. Чтобы все было готово к десяти часам. Заправка полная.

— Слушаюсь, мой капитан! Будет выполнено! Положитесь на меня.

На следующее утро, едва успело выглянуть южное солнце, Пуйяд сел в свой «Потез» и поднялся в свинцовое небо, держа курс на Чунцин, в то время столицу гоминдановского Китая.

Так начался путь Пуйяда, закончившийся в 1945 году, когда он вернулся во Францию командиром истребительного полка «Нормандия — Неман». Пуйяд ведет самолет над джунглями и горными массивами Верхнего Тонкина, стремясь достигнуть Чунцина. Но вот кончается бензин. Машину начинает лихорадить. Надо искать площадку для посадки. А внизу только деревья, одни деревья... Вдруг Пуйяд замечает внизу более светлое пятно. Самолет резко снижается к самой земле, задирает нос и врезается в мягкую болотистую почву. Летчику не хочется видеть джунгли, эти деревья, на которые он мог напороться при посадке. Он бросает свой самолет. Пешком через джунгли, через непроходимые горы, в одежде, превратившейся в лохмотья, искушенный насекомыми, обессиленный тропической лихорадкой, падающий от истощения, ценой огромных лишений И нечеловеческих страданий ему удалось, добраться до Чунцина, где его встречает представитель Франции, совсем недавно перешедший на сторону де Голля. После непродолжительного отдыха Пуйяд настаивает, чтобы его немедленно отправили в Лондон. — Есть только один путь, — объясняют Пуйяду, — через

Соединенные Штаты Америки.

— Чтобы добраться туда, я согласен ехать даже через ад, — говорит он.

Объехав почти половину земного шара, через Тихий океан, Соединенные Штаты Америки и Атлантический океан, Пуйяд попадает, наконец, в Лондон. Там ему предложили работу в штабе. В ответ Пуйяд только рассмеялся. И вот он уже едет в «Нормандию» через Каир Иран.

Рассказывать о Пуйяде — значит говорить о всех, кто входил в состав полка «Нормандия — Неман». Это значит говорить о всех тех, кто спешил в Россию из различных уголков земного шара, чтобы присоединиться к этому необыкновенному полку, который на протяжении более трех лет давал возможность французскому трехцветному флагу быть представленным в победах Советских Вооруженных Сил. Это значит говорить о Бертроне из Дижона, ветеране 1940 года, который, когда ему уже перевалило за сорок, сумел пересечь Пиренейский хребет, но в Барселоне попался на удочку мнимых друзей, оказавшихся на самом деле полицейскими агентами. Это значит говорить об Ирибарне — чемпионе Франции по национальной французской игре в ручной мяч, об асе Лемаре, об отчаянном храбреце Карбоне. Это значит говорить об экс-чемпионе Европы по легкой атлетике Андре, которого все называли «четырёхсотметровой», о Мерцизене, Казаневе, Марши, Фельдзере, Сейне, о Сэн-Марсо, ловком фокуснике и искусном рассказчике, о Фалетане, Сэн-Фалле. Это значит говорить о Кюффо, Амарже, Мартэне, Пенверне и многих других, таких, как Перрэн, Кастэн и капитан Дельфино — наш будущий командир полка, о всех этих асах, сбивших за войну до пятнадцати вражеских самолетов каждый, а также о сбежавших из Испании Женесе, Керне, Мансо, Эмоне и братьях Шалль.

Они были первыми солдатами «Нормандии — Неман», первыми действующими лицами героической трагедии, о которой я постараюсь рассказать вам простыми словами.

Похоже, что большое путешествие скоро начнется. В атмосфере, царящей на базе Раяк, чувствуется что-то такое, что не может никого обмануть. Поговаривают, будто начатые несколько недель назад переговоры между майором Мирле и советскими представителями закончились успешно. Правда, пока это только слухи. Но слухи растут, становятся все более конкретными. Генерал Пети, глава французской военной миссии в СССР, будто бы сообщил телеграммой, что все визы (за исключением одной) получены и отлет намечен на 12 ноября.

Вечером в офицерском клубе базы Раяк чувствуется особенное оживление, раздаются голоса:

— Ну, летим все-таки!

— Это прекрасно!

— Итак, в дорогу!

— Вина для всех!

— Друзья, чокнемся!

Все торжественно отмечают самое приятное в жизни летчика-истребителя событие, когда его посылают навстречу риску и подвигу.

Только капитан Литольф продолжает работать в кабинете, увешанном картами. Ему выпала честь возглавить первую группу, французских летчиков. Он хочет, чтобы все шло как можно лучше, и сам обдумывает малейшие детали отлета.

Имя Литольфа хорошо известно каждому французскому летчику. Всё знали Гинемера — человека и героя. Тридцать лет спустя появляется другой авиатор из плеяды гинемеров — Литольф. Он также считает, что «ничего не отдано, если не отдано все».

Литольф, летчик высшего класса, принадлежит к категории тех людей, которые не признают капитуляции. Он предпочитает смерть поражению и поэтому не считается с приказами правительства в 1940 году. Еще до боев в СССР Литольф на самолете «харрикейн» сражается в Греции с «юнкерсами». Затем он бьется против Роммеля в Ливии. Боевое радение, в результате которого одна рука у него сделалась почти неподвижной, не останавливает Литольфа. Он хочет идти все дальше и дальше, делать все больше и больше. Именно поэтому он настаивает на его включении в группу «Нормандия» с первого же дня ее формирования. Вся база в волнении. В бараках, клубе, в аллеях — всюду слышны возбужденные голоса. Альбер встретил капитана Литольфа и обратился к нему:

— Прошу извинить, мой капитан. Вы не знаете, как нам придется добираться?

Как всегда, Альбер был не один. Его сопровождали два товарища. Они начали шутливо подсказывать различные способы передвижения:

— Пешком?

— Верхом?

— На такси?

— Может быть, на велосипеде?

— На подводной лодке?

— На тройке?

Строгий взгляд капитана пресек дальнейшие шутки. Он сухо ответил:

— Поездка будет сложной. Возможно, нам придется воспользоваться всеми средствами, которые только что были перечислены. Три американских «Дугласа» из Каира будут здесь завтра утром. Они нас доставят только до Багдада. Затем — что подвернется под руку. До Басры, конечно, поездом. Потом на грузовиках до персидской границы. И, наконец, до Тегерана опять поездом.

— А в Тегеране? — спросил Альбер. Литольф пожал плечами.

— Тегеран... Дальше поезд не пойдет. Остановка на два месяца. Восточная кухня. Чудеса гастрономии, — воскликнул Альбер.

Даже хладнокровный Литольф не мог сдержать улыбку.

И вот, 12 ноября 1942 года, в два часа дня, три транспортных самолета вывозят в Багдад первую группу летчиков с их багажом. В машине неимоверная духота. Внизу однообразная, голая, безлюдная местность. Альбер, знающий эти районы, авторитетно заявляет:

— Сирийская пустыня.

И в самом деле, куда ни посмотришь, всюду только обожженная солнцем тоскливая равнина. Наконец показывается Багдад, как говорят злые языки, «самая грязная столица мира». Пыли, действительно, хватает. Парижане начинают пересматривать свои понятия об экзотике. И снова поезд, опять пустыня, и так от Багдада до центра нефтяного царства — Макиля, на берегу Персидского залива, в десяти километрах от Басры. А затем сквозь ужасную пелену пыли, о которой жители западного мира не имеют ни малейшего представления, огромные грузовики перебрасывают летчиков в иранский город Ахваз. Это первый шаг по пути к Советскому Союзу, но блестящие мундиры военно-воздушных сил Франции уже поблекли от пыли и песка, от которого никуда не скроешься. От него щиплет глаза,

першит в горле, зудит кожа.

В пути ворчуны ворчат, остряки пытаются острить. Вспоминают Шантильи и Булонский лес, кружку пива Я графинчик вина со льда. Остроты получаются вымученными и тяжелыми.

В Тегеране летчиков встретила жизнь, полная очарования и удивительных контрастов. Все они побывали в боях. Все глядели в будущее, затаив скрытую грусть о прошлом. А это прошлое напоминало о себе видом ярко освещенного города с шикарными витринами, кричали неоновой рекламой, магазинами, переполненными товарами и продуктами. Но, увы, туманов и риалов^[13] было немного.

27 ноября майор Пуликэн дал указание Литольфу строить следующим утром всех летчиков на аэродроме, чтобы представить их полковнику Разину. Всем было приказано привести в порядок форму, чтобы произвести Хорошее впечатление.

Прохладное раннее утро 28 ноября. Первые лучи солнца окрасили снежные вершины Демавенда. Добровольцы «Нормандии» выстроились на аэродроме. Неподалеку стоят три советских транспортных самолета. Французские летчики не сводят с них глаз. Ведь они первые видят на крыльях, фюзеляже и хвостовом оперении знаменитую пятиконечную красную звезду. Они взволнованы. Они еще не знают, что самолеты, на которых им придется летать, также будут иметь пятиконечную красную звезду на фюзеляже и, кроме того, носовая часть их будет окрашена в три цвета французского флага. Впрочем, разве это так важно?

Короткое знакомство, и сразу же начинается посадка, и с нею — толкотня, давка, оживленные разговоры. Каждый хочет подняться в самолет первым, последние пританцовывают от нетерпения.

Наконец посадка окончена, двери закрыты, запущены моторы, и самолеты выруливают на взлетную полосу. Вскоре они уже в воздухе.

На земле видны группы провожающих. Они машут руками. Но вот и они исчезли из поля зрения.

Все сразу почувствовали себя свободнее, как будто оборвалась последняя нить, связывавшая с прошлым. Многие закуривают. Глаза горят от возбуждения.

— На этот раз похоже, что тронулись, — говорит Альбер. — Кончили тянуть волынку. У меня такое чувство, что дело будет жаркое.

— Начинается игра в покер, — меланхолично замечает Риссо.

— Ты прав. Это — действительно настоящая игра в покер, — соглашается Альбер.

И каждый подсчитывает шансы, которые позволят ему или выйти целым и невредимым из этой переделки, или сложить свои кости. Кто вытащит счастливый номер? Обычные шутки и готовые фразы не могут скрыть волнения, зарождающегося при приближении опасности.

В кабине мороз. Дюран, Лефевр и Риссо от холода стучат зубами. Самолет летит над Кавказом, вздымающимся огромной тысячадвухсоткилометровой стеной между Черным и Каспийским морями. Под крылом проплывают цепи гор с белыми пиками, которые своими остриями пронзают вату облаков, снежные и ледяные поля, горные долины, глубокие пропасти. Порой кажется, что самолеты вот-вот зацепятся за горную вершину. Вот они набирают высоту и берут курс на Баку, к побережью Каспийского моря.

— Море! — вдруг крикнул кто-то.

Вдали показались, очертания берегов Каспийского моря, которое раскинулось до горизонта, словно таинственное, лениво колыхающееся бархатное полотнище, обрамленное Темными пятнами лесов и неизвестных нам городов.

Замеченная ранее на северо-востоке маленькая темная точка растет, становится огромным серым пятном и постепенно превращается в город. Это — Баку, сердце района добычи черного золота и самая крупная ставка в битве за Кавказ, куда были брошены немецкие бронированные войска.

На гладкой, как блюдо, равнине высятся многочисленные нефтяные вышки, как будто здесь вырос целый лес миниатюрных эйфелевых башен. И рядом с ними на земле — замысловатые узоры многочисленных нефтепроводов. Здесь все живет для нефти и только нефтью.

Первый самолет приземляется, открывается дверь кабины, и в нос ударяет острый запах нефти. Французские летчики спускаются по трапу. Первые шаги по советской земле. Сердца всех стучат так сильно, как во время первого свидания.

Кроме врача Лебединского, радиста Стаховича и переводчика Шика, никто не знает даже самых необходимых русских слов: «здравствуйте», «спасибо», «пить», «есть», «пожалуйста» и т. п., за исключением слова «товарищ», — это слово по-русски знали все.

Начинается процедура проверки документов и таможенного досмотра. Гражданские чиновники — среди них была одна женщина — перебирают вещи. Они не знают французского, и это доставляет немало хлопот владельцу багажа, которому нелегко полностью удовлетворить любопытство таможенников, особенно

когда они интересуются книгами, журналами. Они взвешивали их на руке, рассматривали со всех сторон, перелистывали, чтобы в конце концов положить на место, приговаривая при этом с доброй улыбкой:

— Хорошо, товарищ.

Это было первое «хорошо», которое слышали французские добровольцы. И потом не проходило часа без того, чтобы не услышать такое простое, милое, звучное слово «хорошо». Это слово произносилось почти при любом разговоре.

Во время скромного и непродолжительного обеда мы впервые отведали главные русские блюда, которые преобладали в тот период тотальной войны и жестоких лишений.

Вышли из помещения. На улице мороз. Ля Пуап то начинает бить в ладоши, то прячет их к себе под мышки.

— Не жарко, — с иронией бормочет он.

— Не беспокойся, дружище, — успокаивает его Лефевр, — у тебя еще будет время согреться.

Пошел снег. Несмотря на это, через некоторое время самолет вылетает в Гурьев. И чем дальше на север, тем сильнее холод.

Гурьев — небольшой портовый город в устье реки Урал. Короткая остановка для заправки горючим, и самолет устремляется к Москве. Это был необычный полет на высоте не более 50 метров на протяжении 1500 километров! Куда ни посмотришь, всюду внизу снег, туман, вверху — сплошные свинцовые облака. Леса, реки, озера, дома — все покрыто снегом. С трудом удастся различать мелькающие деревни и села. Снег делает ландшафт однообразным и скучным. Наши летчики удивляются:

— Как можно ориентироваться в таких условиях? Видимость не более 500 метров, а самолет летит со скоростью 240 километров в час.

Самолет находится в воздухе уже более шести часов. До Москвы остается совсем немного. Плотные слоистые облака закрывают землю. Если раньше можно было с трудом что-либо различить, то теперь совсем ничего не видно. Внезапно моторы меняют режим работы. Самолет снижается, пробивает облака, и неожиданно взору пассажиров открывается Москва. Вот Кремль, вот Москва-река под ледяным покровом, лес заводских труб.

Короткая остановка в аэропорту, и вскоре самолет продолжает путь на аэродром в Иваново, отведенный для обучения и тренировки французских летчиков. От Москвы до Иваново всего один час полета. Там должны собраться все добровольцы «Нормандии». Два других самолета прибывают несколько позже. Они были вынуждены сделать небольшой крюк

и совершить посадку в Уральске и Куйбышеве, углубившись, таким образом, на восток.

Всех ожидал один и тот же прием:

— В вашем распоряжении три месяца для освоения советской техники. А потом — бои.

В Иванове все устраивается очень быстро. Уже на следующий день после прибытия летчики получают летное снаряжение и неизвестную им ранее зимнюю одежду. Они спешат примерить шапки, унты и меховые комбинезоны.

Им предстоит летать на истребителе Як-1. Это моноплан смешанной конструкции, с низко расположенным крылом и убирающимся шасси, очень маневренный, но уязвимый мотор водяного охлаждения имеет мощность свыше 1000 лошадиных сил; винты трехлопастные с изменяемым шагом; вооружение — одна 20-миллиметровая пушка, стреляющая через втулку винта, и один синхронный пулемет. Як-1 развивает максимальную скорость 580 километров в час. Это простой в управлении самолет, легко соперничающий с немецкими истребителями Фокке-Вульф-190 и Мессершмитт-109. Несколько месяцев спустя, уже на фронте, летчики познакомились с Як-9, улучшенной моделью Як-1, и, наконец, в 1944 году появился знаменитый Як-3.

Эти самолеты требовали несложного, но постоянного ухода. Вскоре обстановка подсказала необходимость замены французских механиков русскими, которые лучше знали свои машины и, самое главное, могли работать при любой погоде.

В первый месяц летчики приспосабливались к русской жизни, знакомились с советскими людьми. Скоро у них появились первые друзья.

Летчиков часто посещал пресс-атташе французского посольства господин Шампенуа, очень эрудированный человек и любитель выпить, а также известный писатель, лауреат Сталинской премии, друг Франции, Илья Эренбург, много лет живший в нашей стране. Он изумлял наших летчиков необычайным остроумием и необыкновенно метким употреблением пословиц.

Вместе с летчиками «Нормандии» они встречали Новый год. Война бушевала со всех сторон, предстояли жестокие битвы, но ничто не могло помешать общему веселью.

Новогодний вечер прошел в теплой, дружеской атмосфере. Пели французские песни, вспоминали о родине.

В первых числах января поступили десять самолетов Як-1. Русские показали, что они умеют держать слово. До 20 февраля обучение шло самыми ускоренными темпами. Порой сильные снегопады мешали учебе. Каждый взлет и посадка требовали больших усилий и умения. Были ошибки. Но не охладел энтузиазм бойцов «Нормандии».

Русские делали все, чтобы облегчить трудности, выпавшие на долю пионеров «Нормандии». В часы отдыха они старались помочь французским летчикам забыть о том, что их родная Франция находится за многие сотни километров.

22 февраля майор Тюлян принял командование эскадрильей «Нормандия». Майор Пуликэн возвратился в Москву. Вместе с ним выехали из Иваново проходившие там обучение французские летчики. В советской столице, которая стала теперь столицей всего мира, поднявшегося на борьбу с гитлеризмом, Тюлян обратился к ним со следующими словами:

— Господа! Я доволен вами. Обучение практически закончено. Незнакомая техника, сложные условия жизни, зверский холод, и особенно снегопады, и другие трудности не испугали вас. Вы справились с ними, и к тому же весьма неплохо. А теперь я разрешаю вам провести четыре дня в Москве.

Французских летчиков ожидали лучшие гостиницы столицы «Националь» и «Метрополь», расположенные недалеко от Кремля и Красной площади. Город находился под защитой исключительно мощной противовоздушной обороны, и поэтому почти не было видно разрушенных зданий. На улицах много людей. Медленно и бесшумно движутся они по тротуарам. Снега так много, что город кажется погребенным под сугробами. Легковых машин очень мало — только учрежденческие «зисы», но зато много грузовиков.

Зимой 1942–1943 года в Москве война чувствуется во всем. Большое хладнокровие, величественное спокойствие царят в городе. Стальная воля, спокойная уверенность в себе написаны на всех лицах. Немецкие агрессоры оккупируют еще огромную территорию, от снежных просторов Севера до Кавказа, и Красная Армия ведет ожесточенные бои на всех фронтах. Все силы страны мобилизованы на разгром врага. Мужчины стали солдатами, женщины и юноши — рабочими.

Гостиница «Националь» — настоящий дворец, отведенный для иностранцев, приезжающих в Москву. Комнаты обставлены с комфортом и хорошо обогреваются. Кухня не из плохих. Есть возможность заняться серьезным изучением достоинств русской водки. К тому же она скоро становится предметом оживленного взаимного обмена — ее меняют на сигареты или икру.

Перед тем как встретиться лицом к лицу со смертью, летчики «Нормандии» старались не упустить возможности попользоваться минутами безмятежной жизни. Последовали обеды в ресторанах «Арагви», «Москва», посещения кино, музеев, и в первую очередь, разумеется, музея Красной Армии и Парка культуры, где были выставлены военные трофеи, ну и, конечно, знакомства с

представительницами прекрасного пола Москвы.

Французы очень сожалеют о том, что слабо знают русский язык и что ни та, ни другая сторона не знает эсперанто. Пришлось срочно покупать словари и русские грамматики, конечно, не столько для чтения в подлиннике произведений Пушкина, сколько для того, чтобы обеспечить себе приятное времяпрепровождение.

Отпуск окончился. Опять Иваново. Уже середина марта, но холодно по-прежнему. Обучение продолжается. Ни один час не пропадает даром. Ходят самые невероятные слухи, самый важный из них — о скорой проверке результатов обучения компетентными органами. Среди экзаменаторов называли имя закадычного друга де Голля — генерала Пети из французской военной миссий. В 1942 году генерал Пети был направлен в Москву Лондонским правительством Свободной Франции с целью разрешения щекотливого вопроса о военнопленных из Эльзаса и Лотарингии, мобилизованных в немецкую армию и сдавшихся в плен по прибытии на советско-германский фронт. Проект генерала Пети заключался в том, чтобы добиться их освобождения из плена и сформировать французскую пехотную часть, которую он сам намеревался возглавить. Следует сразу же сказать, что этот план так и остался на бумаге.

Однажды к группе летчиков, ожидавших своей очереди на вылет, подошел Тюлян. После обмена несколькими общими фразами Тюлян неожиданно сообщил:

— Я узнал, что вскоре командующий Московским военным округом вместе с руководителем французской военной миссии генералом Пети приедут к нам, чтобы Посмотреть нас в работе. От этого зависит наша отправка на фронт.

Кто-то ответил ему за всех:

— Мой командир, не беспокойтесь. Они увидят, что у нас не заячьи сердца. Положитесь на нас, и вы останетесь довольны.

11 марта 1943 года на ивановском аэродроме в 30-градусный мороз перед собравшимися русскими и французскими офицерами первым взлетает «як», пилотируемый майором Тюляном. Самолет отрывается от земли, поднимая облако снежной пыли. Вот он уже в небе. Все пристально следят за машиной. Впервые француз показывает русским коллегам свое умение и свои способности. Без преувеличения можно сказать, что те, кто присутствовали на этом экзамене, никогда его не забудут. Это был сеанс акробатики и высшего пилотажа, который вряд ли можно увидеть даже на самых смелых спортивных состязаниях. Тюлян как бы хотел доказать, что достоин командовать «Нормандией», потому что по своему мастерству он был, по крайней мере, равным лучшему из

своих летчиков.

Машина с невероятной быстротой набрала высоту 3000 метров и с этой высоты начала пикировать перпендикулярно снежной равнине. На какое-то мгновение зрителей охватил страх. Что задумал пилот? Каждый старался вспомнить фигуры классического воздушного балета. Тюлян, казалось, даже и не думал выполнять хотя бы одну из них. Машина стремительно неслась к земле и вдруг на высоте около тысячи метров неожиданно перевернулась и вновь устремилась вверх. Переворот в нормальное положение заканчивается обратной петлей. Это очень сложная в исполнении фигура высшего пилотажа, которую никто, возможно, и не пытался выполнить на «яке».

Обычно сдержанный, русский генерал не мог скрыть своего восхищения и восторга:

— Какой молодец, этот французский майор!

Через несколько минут вся группа выполнила серию упражнений в составе звеньев, включая карусель с виражами на 360°. Успех был полным. Советский генерал не скупился на похвалы и в конце экзамена произнес долгожданное: «Подготовка окончена!»

Вечером на опушке небольшой березовой рощи перед застывшими в строю французскими летчиками и советскими солдатами французский флаг взвился на вершину мачты и затрепетал от ветра над русской степью. Прозвучал первый салют французскому трехцветному флагу, поднятому в Советской России. Он был дан летчиками эскадрильи «Нормандия», которые направлялись на защиту своего знамени, свободы Франции и чести французской авиации.

Часть вторая

Сейчас будет дана команда к взлету. Застыв около своих машин, ждут приказа Альбер, Риссо, Дюран, Лефевр, Ля Пуап, Литольф, Кастелэн, Бегэн, Майе и другие. Они в шлемах, унтах, с планшетами через плечо и пистолетами ТТ у пояса. Приказ будет означать конец обучения и начало серьезного дела.

Командир авиабазы в Иваново полковник Шумов желает им счастливого пути. Наступает ответственная минута.

Внимание! В небо взлетает ракета. Ревут моторы, четырнадцать «яков» дрожат, как гончие. Вот они трогаются с места, несутся по снежному полю и безукоризненно взлетают звено за звеном.

Погода прекрасная. Все чувствуют себя превосходно. Курс прокладывать не надо: впереди вместо штурмана идет русский бомбардировщик Пе-2. Остается только следовать за ним.

Через час после вылета эскадрилья «Нормандия» благополучно приземлилась на аэродроме в двадцати километрах от Калуги, где ее встретил генерал-лейтенант Худяков — командующий 1-й воздушной армией, в составе которой «Нормандия» будет воевать в течение двух лет.

Летчики знакомятся со своими фронтовыми квартирами. Это своего рода подземное убежище из сосновых бревен — то, что здесь называют «землянкой». Внутри тепло, так как день и ночь топится огромная печь, но очень сыро. Вместо кроватей устроены деревянные нары, на которые кое-как удастся пристроить спальные мешки.

— Конечно, — замечает Ля Пуап, — это не отель «Риц». Однако, коллеги, не забывайте, что фронт проходит максимум в тридцати километрах от нас. Комфорта маловато, но, по крайней мере, мы в укрытии. Кому как, а мне нравится дрыхнуть в тепле.

Капитан Литольф собирает командиров звеньев. Первое задание: двенадцать «яков» под командованием майора Тюляна, ведомые по-прежнему Пе-2, должны пролететь над участком фронта от города Сухиничи до Калуги. Цель — усвоить ориентиры: дороги, леса и так далее.

На следующий день такое же задание. Но при возвращении приходится действовать самостоятельно, без «штурмана» — бомбардировщика Пе-2.

Пришла боевая пора. Первые боевые вылеты совершаются в составе четырех или восьми самолетов. «Нормандия» выполняет задачи по борьбе с вражеской авиацией, а также по сопровождению и прикрытию бомбардировщиков и штурмовиков.

На участке фронта, где действовала эскадрилья «Нормандия», в это время находилось одно из наиболее крупных соединений гитлеровской авиации, вооруженное отличной техникой, имеющее опытных летчиков, смелых и решительных, в то время еще не потерявших веру в победу. Довольно часто немцы в воздухе еще имеют численное превосходство, которое приходится компенсировать тактикой, хитростью и риском. На земле, однако, уже вырисовываются заметные изменения: немцы начинают проявлять определенные признаки слабости. Немецкий солдат уже не верит в победу, и тем более в скорую. Обмундирование немцев плохое. Ужасный холод берет верх даже над самыми закаленными. И в то время, когда усталость и обреченность постепенно охватывают почти все немецкие части, Красная Армия, напротив, приобретает твердую уверенность в победе. Страна напрягает все силы. Заводы работают день и ночь. На фронт непрерывно поступает боевая техника и материалы. Набив свои вещевые мешки гранатами и патронами, прославленная русская пехота с криками «Смерть захватчикам» устремляется в атаку.

Погода стояла нелетная. Небо было покрыто низкими свинцовыми тучами. Резко потеплело. Почва, еще несколько дней назад твердая, как камень, расползалась под ногами. Вся Россия стала похожей на огромную губку, впитавшую громадное количество влаги.

Французы с изумлением наблюдают за этим превращением в природе. Сначала им кажется, что воду победить невозможно. Но вот недели через две — три снег исчезает, подсыхает грязь, пробивается первая трава, раскрываются почки, зацветают деревья, березы сбрасывают свои длинные сережки и наступает русская весна — самая необычная весна в мире, одновременно нежная и буйная.

5 апреля Дюран и Прециози сопровождали два бомбардировщика Пе-2 в район Рославля. Бомбардировщики летели с такой скоростью, что сопровождавшие их «яки» едва успевали совершать необходимые маневры.

У Прециози неожиданно затрещало в наушниках:

— Алло!.. Внимание, Прециози... Подозрительные самолеты, проверь оружие!

Это Дюран. Через секунду его голос слышится опять:

— Алло!.. Это Фокке-Вульфы-190... Каждый на своего...

Начинается схватка. Два немца пикируют на бомбардировщики. «Яки» идут на сближение. Крутой вираж, и они заходят немцам в хвост. Прециози первым открывает огонь. Он отчетливо видит свою жертву, ловит ее в прицел, нажимает

гашетку. Все совершается в течение нескольких секунд. Вражеская машина переваливается с боку на бок, переворачивается, затем беспомощно летит вниз, врежется в землю и взрывается. Эта первая победа из двухсот семидесяти трех, которые французские летчики одержали за три года войны в России.

Дюран не хочет отставать. Он бросается в атаку. Разворот получается недостаточно крутым, и его противнику удастся ускользнуть. Дюран стискивает зубы от обиды. Быстрее, еще быстрее... Он снова устремляется на фрица и открывает огонь почти на встречно-пересекающемся курсе. Удача! Второй немец начинает дымить и через несколько секунд взрывается на земле.

В этот же день Майе и Альбер сопровождали группу Пе-2, углубившуюся в тыл немецкой армии более чем на 100 километров. Для самолета типа Як-1 это очень много, особенно при сопровождении, поскольку истребителям, прикрывающим бомбардировщиков, приходится маневрировать и, таким образом, совершать почти двойной путь. В итоге Альбер вынужден был совершить посадку на поле. Его самолет увяз в рыхлой влажной земле. Винт был поврежден. О взлете нечего было и думать.

Майе сделал более удачный выбор: он сел на шоссе, с которого на следующий день ему удалось взлететь и благополучно добраться до аэродрома.

Бурная оттепель ставит перед саперами почти неразрешимые задачи. Нужно устлать дороги бревнами, чтобы могли проезжать автомашины. Конечно, в это время приходится отказываться от каких-либо операций танковых соединений и даже пехоты. И вот тогда русские бросают в бой свою кавалерию. Она нападает неожиданно, деморализует немецкие части, действия которых парализованы распутицей.

Вылеты становятся все более частыми, более ответственными, а вместе с тем и более опасными. 13 апреля три звена под командованием Тюляна появляются над Спас-Деменском. Неожиданно из-за облаков вырываются двенадцать истребителей Фокке-Вульф-190. Завязывается первый крупный бой.

Тюлян успевает предупредить:

— Алло!.. Алло!.. Нормандцы, внимание!.. 444^[14], над нами «фокке-вульфы».

Ответ командиров звеньев прост и лаконичен:

— Видим!

Немцы, вероятно, решили серьезно проучить французов, побежденных в 1940 году, но осмелившихся снова воевать, да еще под советскими знаменами. В возбужденной пляске машин угадывается ярость, охватившая летчиков. Следует заметить, что почти все воздушные бои, в которых участвовали добровольцы

«Нормандии», отличались жестокостью и беспощадностью. За каждого бойца «Нормандии», сбитого в бою, они заплатили жизнями пяти своих летчиков.

В просторном весеннем небе начался смертельный поединок, завертелась бешеная карусель. Самолеты вошли в круг, один в хвост другому. Горе тому, кто не выдержит принятого темпа, кто отколетя от группы, кто свернет в сторону: пулеметная очередь будет наказанием за эту оплошность.

Круг расширяется, сужается, неожиданно разрывается, замыкается и разрывается вновь. Трещат пулеметы. Майе и Дюран первыми сбивают своих противников. Но Бизьен, Дервиль и Познанский никогда уже не вернутся на аэродром.

Генерал Худяков очень взволнован этими потерями. Три смерти за две недели боев — это тяжело. Он долго говорит с Тюляном. Он просит его принять все меры к тому, чтобы сохранить боеспособность «Нормандии». Слишком много смелости — это еще не все. При таком ритме она не долго просуществует. Будущее не замедлило подтвердить его правоту: через четыре месяца, несмотря на некоторое пополнение, в эскадрилье осталось в живых только пять летчиков.

После визита генерала Худякова в тот же вечер было объявлено, что «Нормандия» перебазирована в Мосальск. Это было первое (перебазирование из тридцати, которые она совершила на русском фронте. Отныне ее судьба будет тесно связана с судьбой 18-го гвардейского истребительного полка.

На рассвете 17 апреля впервые пять «яков» 18-го гвардейского полка и шесть «яков» «Нормандии» совместно блокируют аэродром в Сеще, не давая взлететь вражеским самолетам. В это время пятьсот советских бомбардировщиков наносят удары по четырём немецким аэродромам, в том числе и по сещенскому.

В дальнейшем «Нормандии» довольно часто приходилось вылетать на боевые задания вместе с 18-м гвардейским полком. Сколько раз летчики этого полка выручали наших летчиков из беды! Советские летчики относились к своим французским коллегам с большим уважением.

7 мая начались вылеты на штурмовку вражеских аэродромов. Был получен приказ, требующий уничтожать как можно больше немецких самолетов на земле. Именно эти действия, гласил приказ, являются наиболее результативными. Но они же были и наиболее опасными.

Больше всего летчики «Нормандии» боялись вынужденной посадки на вражеской территории. Ведь радио Виши уже неоднократно объявляло, что их следует рассматривать как франтиреров^[15], со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Поэтому не без легкого покаяния в сердце они выслушали приказ командования, переданный Литольфом:

— Сегодня, 7 мая, штурмовка вражеских аэродромов. Главный удар по аэродрому в Спас-Деменске. Цельтесь точнее и не опаздывайте с открытием огня. Не допускайте бесполезных заходов. Бейте как можно больше фрицев, но избегайте вынужденных посадок. Этого я требую прежде всего.

Под командованием Тюляна одиннадцать «яков» появляются над аэродромом Спас-Деменск. Зенитная артиллерия открывает ураганный огонь. Воздух непрерывно прошивают снаряды зенитных орудий. Одиннадцать истребителей стремительно пикируют на «мессершмитты», «фокке-вульфы» и «юнкерсы», находящиеся на стоянках. Видно, как загораются самолеты с черными крестами на крыльях. Немцы пытаются укрыться в траншеях и убежищах, но их настигают пулеметные очереди.

Кажется, будто все это происходит на учении.

— Алло!.. Алло!.. Задача выполнена. Сбор на высоте 3000 метров, — командует Тюлян.

Все, кроме Майе, выполняют приказание. Его машина подбита. Майе старается ускользнуть на бреющем полете. Но это ему не удастся, и он вынужден совершить посадку на вражеской территории, в двадцати километрах от Спас-Деменска.

Приземление страшное. Хвост самолета отламывается и рассыпается на мелкие куски. Майе получает тяжелые травмы. Он истекает кровью. Его захватывают плен. Почти три года ему пришлось потом провести за колючей проволокой концлагеря.

Боевой день закончился, В офицерской столовой подводили итоги первых боевых недель. Они были неутешительными, но все старались сохранять бодрое настроение. Прикидывали, когда вновь удастся поесть марсельского супа из устриц и омаров или парижских бифштексов с жареным картофелем. Говорили о Франции, о любви и возлюбленных, долго и утомительно сравнивали французские вина с русской водкой, спорили о том, насколько правдоподобны слухи о прибытии подкрепления.

Слухи подтвердились. Словно с неба свалились к нам пять летчиков, трое из которых прибыли с Мадагаскара. Дюран приветствовал вновь прибывших следующими словами:

— Все, что было у вас до сегодняшнего дня, — это цветочки. Ягодки впереди. Вы здесь на своей шкуре испытаете, что это далеко не одно и то же.

Снова перебазирование. Козельск, затем Хатенки — новые этапы нашего странствования по России. Здесь встречаем русских конников, возвращающихся из Сталинграда. Происходит грандиозное братание, потом угощение водкой, пляска под

знаменитую гармошку, без которой русский, вероятно, не смог бы жить. Слышится мелодия задушевной русской песни «Темная ночь».

Нужно услышать песню «Мама», музыка и слова которой хватают за душу, и другие рожденные войной русские песни, чтобы понять душу славянина. Прославление храбрости, любовь к родной земле, гимн подвигам на фронте и в тылу, самопожертвование во имя Родины, жажда жизни и презрение к смерти — все эти темы тесно переплетаются в песнях, дополняя друг друга, и все это на изумительно красочном и богатом языке.

В минуты отдыха по вечерам русские собираются в кружок с гармонистом и плясунами в центре. Все хором подтягивают припев, дружно хлопают в ладоши, ритм музыки все убыстряется, пляшущий кружится, идет колесом, и, когда один обессиленный замирает, на смену ему в круг выходит другой.

Во время одной из таких вечеринок Альбер сообщил о прибытии майора Пуйяда с семьей новыми летчиками и переводчиком. Это были лейтенанты Леон, де Тедеско, Буб, Барбье и аспиранты^[16] Вермейль, Матис и Бальку, бежавшие из оккупированной Франции не более года тому назад. Им устроили радужную встречу. Целую ночь произносили тосты, которые приходили на ум, начиная тостом за Францию и кончая тостом за здоровье маршала Сталина. Новички тут же были обучены пить по-русски, то есть всю рюмку одним глотком.

Новое пополнение было ценным в двух отношениях. Во-первых, оно принесло с собой аромат Франции, а во-вторых, оно прибыло как раз вовремя, так как немецкие истребители становились все более и более агрессивными и отчаянными. Они хотели вернуть былую уверенность пехотинцам, которые теряли почву под ногами от ударов Красной Армии.

Рассказывали о драматическом случае, происшедшем над вражеской территорией с экипажем одного из бомбардировщиков Пе-2. Командир самолета майор Петров был убит осколком 80-миллиметрового зенитного снаряда. Его штурман успел перебраться на сиденье пилота и ухватиться за рычаг управления. Он наугад потянул его, стараясь припомнить движения, которые в подобных случаях выполнял летчик. Совершенно не умея управлять самолетом, он сумел перелететь линию фронта на обьятой пламенем машине. Только после этого он оставил ее, выпрыгнув с парашютом.

Подобные подвиги поднимали боевой дух французских добровольцев. Потрясенный гибелью советского летчика, Ля Пуап так настойчиво преследовал одного из «фокке-вульфов», что в головокружительном пикировании повредил себе барабанные перепонки.

Его отправили в московский госпиталь.

На рассвете 27 июня пара Тюлян и Бегэн поднимается в воздух для «свободной охоты». Встреча с врагом не заставляет себя ждать. Мгновенно завязывается схватка. Тюлян обращает своего противника в бегство. Но у Бегэна в тот момент, когда он приготовился уже сбить вражеский самолет, отказывают пулеметы. Он пытается выйти из боя. Немец, сообразив, в чем дело, начинает преследование. Горючее у Бегэна на исходе.

Положение его отчаянное. Русские зенитчики всячески стараются оказать ему поддержку. На аэродроме весь личный состав «Нормандии», бессильный помочь Бегэну, наблюдает за поединком, исход которого ни у кого не вызывает сомнения. Разве только чудо может спасти их товарища. И произошло именно чудо — возвратился после погони майор Тюлян. Он кидается на «фокке-вульфа». Немец удирает, выпустив несколько очередей по идущему на посадку самолету Бегэна. Да, Бегэну пришлось бы туго. Когда самолет рулит к своему укрытию, внезапно замолкает мотор: в баках не осталось ни капли бензина.

Осенью Бегэн покинул «Нормандию». В 1944 году он был убит шальным снарядом зенитного орудия во время обычного патрульного полета над голландским побережьем. Так, выйдя невредимым из сотен переделок, Бегэн погиб от нелепой случайности.

Подвиг майора Тюляна, выручившего Бегэна, не остался незамеченным. Газета «Правда» посвятила французским летчикам несколько статей. Тюлян, Литольф, Дюран, Лефевр, Дюпра награждены русскими военными орденами Отечественной войны.

В середине июля Красная Армия начала наступление. Сорок восемь часов подряд, без единой минуты передышки громяхают десятки тысяч орудий, сравнивая с землей немецкую оборону на участке фронта протяженностью в 50 километров. Вот он, знаменитый русский огневой вал! Артиллеристы, пьяные от грохота и усталости, кажутся прикованными к своим орудиям. Казенные части орудий раскалились от продолжительной стрельбы. В расположении противника все полыхает, все разгромлено, смято, уничтожено.

После этого стального ливня наступает очередь летчиков схватиться в смертельном бою в летнем небе.

В промежутке между боями едва удастся выкроить время, чтобы под громохание пушек отметить национальный праздник Франции 14 июля. Трехцветный и красный флаги развеваются рядом на высокой мачте, установленной в центре небольшой лесной поляны. Капитан де Форж зачитывает короткий приказ майора Тюляна. Никаких речей. Вся церемония длится десять

минут. Десять минут, которые невозможно забыть. За обедом, в полдень, водки сколько угодно, но сейчас не до нее.

С четырнадцати до двадцати одного часа эскадрилья совершает двадцать пять вылетов и сбивает два Мессершмитта-110: одного сбил Альбер, другого — майор Пуйяд в паре с Бегэном. Для Пуйяда это была первая победа на русском фронте. Кроме того, был сбит один истребитель Фокке-Вульф-190, которого Кастелэн прошил пулеметной очередью с быстротой и точностью матадора.

В этот день летчики «Нормандии» познакомились с советским генералом Захаровым, опытным летчиком-истребителем, рослым, атлетически сложенным широкоплечим блондином с голубыми глазами. Уже один его внешний вид говорил об умении руководить людьми.

Но и этот светлый день был омрачен. Не возвратился с задания де Тедеско. Тяжело раненный, он не успел покинуть поврежденный самолет, который взорвался при ударе о землю. Гибель де Тедеско показалась всем особенно тяжелой в этот вечер. 14 июля 1943 года, когда Альбер своими рассказами напомнил об уличных балах в довоенные годы и о счастливых людях, которые могли танцевать при свете фонариков у входа в маленькие бистро.

Три последующие дня, без сомнения, останутся тремя самыми славными и вместе с тем самыми жестокими днями войны в истории «Нормандии». Летчики переутомлены. Они постоянно в воздухе. Глубокие морщины на лицах, лихорадочно блестящие от бессонницы глаза. Бои следуют один за другим. После посадки не проходит и десяти минут, как в небе, растерзанном разрывами снарядов, завязывается новая схватка. 15 июля Тюлян и де Форж сбивают два истребителя Мессершмитт-110. Этот немецкий скоростной двухмоторный истребитель не обладал достаточной маневренностью. Русские «яки» быстро пристроились им в хвост, и все закончилось после первых пулеметных очередей.

Жестокость боев достигает своего предела 16 и 17 июля. Большой отряд «Нормандии», возглавляемый Тюляном, встречается в 14 часов 30 минут с плотной группой бомбардировщиков Юнкерс-87 в сопровождении больших групп истребителей Фокке-Вульф-190, эшелонированных по высоте.

Литольф, Кастелэн и Леон, зайдя со стороны солнца, атакуют бомбардировщиков. За ними следуют Пуйяд и Бернавон. Тюлян и Альбер прикрывают их от истребителей. Небо кишит самолетами, которые взмывают вверх, стремительно пикируют и кружатся с ужасным ревом. Леон, вертясь как волчок, за десять минут

сбивает два истребителя. Пуйяд приканчивает бомбардировщика. Затем Тюлян и Альбер завязывают бой с двумя немцами. Тюлян, воспользовавшись тем, что солнце ослепляет врага, расстреливает его почти в упор. Не успел Тюлян проводить взглядом падающий на землю вражеский самолет, дымящийся словно сырое полено, как его атакуют четыре вражеских истребителя. Ему удается ускользнуть от них. Полностью израсходовав боекомплект и с очень небольшим остатком бензина, он возвращается на аэродром. Пуйяд уже здесь. Его лицо, обычно хмурое, сегодня выглядит особенно сурово. Он подбегает к своему старому товарищу и соратнику и еле выдавливает из себя:

— Ты знаешь, Литольф, Кастелэн и Бернавон не вернулись...

Капитан Литольф, суровый, аскетический Литольф, требовательный к своим подчиненным и еще более требовательный к самому себе, погибает в бою вместе с лейтенантом Кастелэном. Окруженный стайей набросившихся на него «фокке-вульфов» и «мессершмиттов», в багровом от пожаров небе под Смоленском он сбивает в неравном бою двух немцев, но погибает сам, врезавшись в землю на объятый пламенем машине. Случилось это 16 июля 1944 года в районе села Красниково, расположенного между двумя крупными русскими городами — Орлом и Брянском. К этому времени Литольф уже имел на своем боевом счету четырнадцать сбитых вражеских самолетов. Его жизнь может служить примером.

Тюлян стоит, прислонясь к крылу своего «яка», погрузившись в горестное раздумье. Вот он сдергивает свой шлем, устало проводит рукой по лицу, по слипшимся от пота волосам и говорит Пуйяду:

— Мы завтра отомстим за них. Ты, Пуйяд, примешь командование вторым Отрядом вместо Литольфа.

Но майор Пуйяд так и не успел принять командование вторым отрядом. На другой день вечером он был назначен командиром эскадрильи вместо майора Тюляна, который в тот день не вернулся с боевого задания. Это случилось в 5 часов 30 минут вечера в районе Знаменской. Здесь последний раз видели, как самолет Тюляна, точно гарпун, врезался в группу «фокке-вульфов». Их было более пятидесяти, а французов — десять. Никто никогда не сможет рассказать о разыгравшейся в воздухе драме. Тюлян унес с собой тайну своей смерти.

На следующий день Пуйяд сообщил результаты последних боев.

С 13 по 17 июля «Нормандия» совершила одиннадцать боевых вылетов, в которых было сбито семнадцать вражеских самолетов. Шесть наших летчиков не вернулись. За три месяца уже десять

добровольцев эскадрильи «Нормандия» отдали свои жизни в борьбе за свободу.

Глава II

Генерал Захаров, командир 303-й истребительной дивизии, в которую входила эскадрилья «Нормандия», вызвал майора Пуйяда в свой штаб, или, как мы его называли, КП. Он крепко пожал Пуйяду руку и долго молча смотрел ему в глаза. Наконец генерал заговорил:

— Майор Пуйяд, я прежде всего хочу вам сказать о том, что советское командование и вся наша дивизия, глубоко опечалены гибелью майора Тюляна. Он навечно останется для нас самым ярким образцом храбрости и героизма французских летчиков. С глубоким волнением мы узнали о гибели этого бесстрашного, образцового командира. Эта потеря еще больше скрепит дружбу между советскими и французскими летчиками. Вместе, плечом к плечу, пойдем мы к победе. Мы отомстим за погибших друзей. Вместе мы освободим наши земли от гитлеровских захватчиков.

Неожиданно генерал Захаров умолк и смущенно отвел глаза в сторону. После небольшой паузы, стараясь придать своему голосу оттенок суровости и твердости, хотя это ему явно не удавалось, он продолжал:

— Однако, майор Пуйяд, не следует никогда забывать о том, что путь, который нас ожидает, будет длинным и тяжелым. Поэтому я требую, чтобы без приказа или разрешения командования дивизии вы лично не вылетали на боевые задания.

— Слушаюсь, мой генерал, — ответил Пуйяд, заметно раздосадованный и решивший про себя никогда не считаться с этим ограничением.

Через три часа после разговора с генералом Пуйяд вылетает на барражирование во главе группы из шести «яков». Какая удача! Отряд захватывает врасплох двух «юнкерсов», имевших неосторожность и нахальство прогуливаться без сопровождения истребителей. Короткая, отрывистая команда по радио, и де Форж, Леон, Альбер и Риссо начинают классический захват в «клещи». Все совершается мгновенно. Несколько разворотов, и «яки» оказываются в хвосте «юнкерсов». Воспламеняется мотор первого бомбардировщика. Почти отвесно он пикирует к земле. Стрелок кормовой турели не отвечает. Он, видимо, убит первой же пулеметной очередью. Длинный шлейф густого черного дыма тянется за фюзеляжем. Создается впечатление, что самолет вот-вот врежется в виднеющуюся внизу маленькую березовую рощу. Ничего подобного! Величайшим усилием летчик выводит самолет из пикирования. Словно большая подбитая птица, он, судорожно покачиваясь, скользит параллельно земле, а затем взмывает в

небо и скрывается в облаках.

Через четверть часа после возвращения «яков» на аэродром пехота сообщила о падении подбитого вражеского бомбардировщика. С самым невозмутимым видом майор Пуйяд докладывает генералу Захарову:

— Товарищ генерал, сегодня, 19 июля, мы преподносим вам нашу тридцатую победу.

Генерал весело смеется:

— Ох, эти французы! Дисциплинка у них, видно, не на высоте, но это не помешает им очень скоро иметь в своих рядах Героев Советского Союза.

В этот же день, то есть 19 июля, прибывает новый летчик — аспирант Ларжо и возвращается из московского госпиталя де ля Пуап, которого Альбер обвинял в том, что он «оброс жиром», позабыв все из-за хорошеньких медицинских сестер московского госпиталя в Сокольниках.

Поздно вечером стало известно, что на соседнем аэродроме приземлился первый летчик, дезертировавший из немецкой армии.

— Если они все последуют его примеру, мы очень скоро превратимся в безработных, — шутит в офицерской столовой Ля Пуап, потирая от удовольствия руки при виде фронтовой порции водки.

— Ну, на это особенно не рассчитывай, — замечает Альбер, как бы предчувствуя, что его товарищ и он сам после окончания войны будут носить на груди Золотую Звезду за одержанные победы.

Вскоре из Москвы прибывает новое пополнение:

Дени, Астье, Фуко, Рей, де Сибур — сын знаменитого летчика и, наконец, Фору — стройный красавец, приехавший в Россию прямо со студенческой скамьи из Алжира. С этим же самолетом пришел список первых награжденных.

Сразу же после прибытия самолета весь летный состав выстроился на площадке около небольшой мачты, на которой развевались советский и французский флаги. В небе слышался отчетливый гул самолетов, летящих по направлению к фронту. Из-за горизонта доносился приглушенный грохот артиллерии. Вдали над рощами медленно клубился черный дым пожаров, раздуваемый степным ветром. Это были волнующие минуты и для тех, кого уже называли «старичками», и для еще «зеленых».

Перед строем в положении «смирно» застыл командир эскадрильи Пуйяд. Говорит советский офицер, отчеканивая каждое слово:

— Майор Пуйяд, от имени Советского правительства я имею

честь передать вам ордена Отечественной войны, которыми награждены погибшие в бою майор Тюлян и капитан Литольф.

И два ордена тут же прикрепляются к оставшимся после их гибели парадным кителям.

Затем награды получают Дюран, Лефевр и Дюпра. На лацканы их походных мундиров прикалывают ордена, на которых сверкают позолоченные серп и молот. Едва награжденные успели принять самые искренние поздравления своих друзей, как по лагерю мгновенно распространяется важная новость: скоро уедут наши механики. Они будут направлены на Средний Восток, а их заменят русские, не боящиеся тяжелых климатических условий и лучше знающие тонкости «яков».

На другой день аспирант Лоран, недавно прибывший с Мадагаскара, заставил волноваться всю эскадрилью.

Во время выполнения упражнения по самолетовождению он отстает от майора Пуйяда. Разыгрывается непогода. Потерявший ориентировку летчик блуждает как слепой. Под ним на земле однообразная картина: леса, дороги, озера и поля. Туман искажает очертания даже тех отдельных ориентиров, которые он сумел запомнить.

Что делать? Он не знает, где проходит линия фронта. Горючее на исходе. Волнение Лорана перерастает в тревогу: где приземлиться? Растерявшись, он летит то в одну, то в другую сторону, возвращается, снижается почти до земли, кружится над одним и тем же местом. И все-таки удача не покинула его. За одной из многих похожих друг на друга березовых рощ он вдруг видит пустынное поле. Месяц назад оно служило аэродромом. Он сажает машину и живет шесть дней в деревне Роканово, окруженный заботой колхозников. Проклятый Лоран! Он доставил много волнений своим друзьям из «Нормандии».

Снова перемена аэродрома. Полк будет теперь базироваться в Спас-Деменске. На арке, стоящей у въезда на аэродром, вывешено большое полотнище с надписью:

«Добро пожаловать, летчики «Нормандии», отважные сыны французского народа! Вместе с нашими союзниками мы победим ненавистного врага!»

Основной аэродром здесь служит нам только для отдыха. По утрам «яки» вылетают на другой, полевой, аэродром, расположенный всего в пяти километрах от линии фронта. С этого аэродрома взлетают дежурные звенья. Отсюда вылетают на новые подвиги Альбер, Лефевр и Ларжо. С этого же клочка земли поднимается в воздух Леон, чтобы спасти жизнь Фуко, самолет которого был серьезно поврежден зенитным снарядом. И именно

здесь произошло событие, которое глубоко опечалило всех летчиков «Нормандии».

Как-то ранним утром Пуйяд зашел в одну из землянок:

— Астье и Рей, вылетайте на нашу прежнюю базу в Козельск и доставьте туда срочное донесение. Возьмите По-2. Поведет самолет Астье, Рей — за штурмана. Будьте особенно внимательны в районе передовой. Вас могут обстрелять.

Через двадцать минут По-2, пилотируемый Астье, пролетал над линией фронта на бреющем полете со скоростью 120 километров в час. Немецкая противовоздушная оборона решила отыграться на беззащитной жертве.

Орудия, пулеметы и даже винтовки — все было пущено в ход. В течение двух минут машина была буквально изрешечена. Как удалось Астье сделать разворот и под градом пуль, петляя и маневрируя, достичь русских позиций, — никто, даже он сам, не смог объяснить. Чем яростнее обрушивались на него фрицы, тем с большим упорством старался он удержаться в воздухе. В это время на заднем сиденье вместо штурмана лежал искромсанный труп Рея. После посадки в Сухиничах, где Астье сделали перевязку прямо на аэродроме, он вернулся в полк и привез с собой тело погибшего товарища.

Ужасное зрелище. Астье подавлен настолько, что не может вымолвить ни слова. Закончились последние вылеты. Шесть летчиков понесли наспех сколоченный из новых досок гроб к могиле, только что вырытой русскими солдатами. В необычной тишине, которая царит над степью, озаренной багровыми лучами заходящего солнца, раздается прощальный залп. Последние почести. Последнее «прощай». Так 29 августа 1943 года еще один из добровольцев «Нормандии» был похоронен в истерзанной войной белорусской земле.

Уже на следующий день немцы дорого заплатили за гибель Рея. Только за один вылет второе звено сбило три «юнкерса» и повредило три других.

В столовой Альбер высказал предположение, что немцы замышляют какую-то новую пакость:

— Я уверен, что немцы подбросили сюда бомбардировщики Хейнкель-111. Увидите, нам очень скоро придется с ними повозиться. Завтра — 31 августа, и надо бы закончить месяц как следует. Однако осторожность не повредит. Негодяи, безусловно, будут находиться под сильным прикрытием.

Действительно, последний день августа выдался ужасным. Как и предполагал Альбер, эскадрилья встретила в воздухе, кроме истребителей Фокке-Вульф-190, бомбардировщиков Юнкерс-87 и Юнкерс-88, также знаменитые бомбардировщики Хейнкель-111.

Утром Лефевр, Альбер, Риссо и Ля Пуап сбили один бомбардировщик Юнкерс-87. Это была сорок вторая победа «Нормандии».

После полудня десять «яков» вылетели с заданием прикрыть с воздуха Ельню. Город горел. Над ним стояла плотная туча дыма и пепла. На высоте 3500 метров самолеты сновали, как потревоженные пчелы.

— Внимание! «На 9 и 3 часа» «хейнкели», прикрываемые «фокке-вульфами», — слышится в наушниках.

Десять «яков» набрасываются на сотню с лишним немецких бомбардировщиков, сопровождаемых большими группами истребителей. Немцы решили сравнять Ельню с землей. Вся их авиация на этом участке фронта была в воздухе.

«Нормандия» бросается в атаку первой. После боевого разворота, при котором моторы отдают всю свою мощь, «яки» атакуют группу в тридцать «хейнкелей». Завязывается ожесточенный бой. Кажется, что в один клубок смешались крылья, фюзеляжи, винты. Образовалось настоящее месиво металла и дерева, бурлящее в урагане огня. Противники стараются упредить друг друга. Дюран приканчивает первого «хейнкеля». Схватка достигает кульминационной точки. Лица летчиков искажены от невероятных перегрузок. От прилива крови к голове темнеет в глазах, прикованных к прицелам, а пальцы судорожно сжимают гашетки. В фантастическом круговороте на максимальных скоростях, напоминающем гонки мотоциклистов в «колесе смерти» на ярмарке во время праздников, каждый ждет ошибки своего противника. Рано или поздно она должна произойти, и ее не прощают. Фуко, Леон, Риссо и Матис бьют точно в цель и поджигают три «фокке-вульфа». Но и немцы не остаются в долгу. Сбиты капитан де Форж, аспиранты Лоран, Фору и де Сибура. Лорану и Фору удается спастись, но для де Форжа и де Сибура утро 31 августа было последним.

Еще одна тяжелая ночь в землянках, когда хорошее настроение поддерживается искусственно и всякие шутки кажутся вымученными. Съездившись в спальных мешках, перед тем как забыться во сне, каждый вспоминает дорогие образы оставленных в далекой Франции родных и знакомых или товарищей, которых уже больше нет в живых. И каждый не в силах заглушить в себе внутренний голос: «А завтра? Чья очередь? Может быть, моя?» И вот наступает завтра, само собой разумеется, не дающее ответа на этот вопрос. Говорят, что дни не похожи один на другой. Но на фронте они все похожи как две капли воды. Их можно сравнить с серией фотокарточек, отпечатанных с одного и того же негатива.

Нет ничего более обыденного, более монотонного, чем жизнь летчиков на войне. Встают, едят, вылетают, сражаются или не сражаются, погибают или не погибают. А вечером, если возвращаются, обедают на том же самом месте, из той же тарелки, чтобы потом погрузиться в сон, который, сколько бы ни продолжался, всегда кажется очень коротким. Сильная усталость остро чувствуется в каждом мускуле, туманит голову. Сердце бьется в такт с мысленно произносимыми словами: «За кем очередь? Кто следующий?» Но лица напрягаются в насмешливой улыбке, и с уст срываются только шутки и анекдоты. И лишь когда в середине анекдота взгляд рассказчика нечаянно остановится на пустом спальном мешке, в котором товарищ уж больше не расправит свое усталое тело, его глаза начинают мигать в замешательстве, словно смерть бросила на мнимого весельчака свой неподвижный наглый взгляд.

Если погибает товарищ, в этот день о нем говорят почти шепотом, на следующий день уже громче, затем делят между собой его пожитки, а потом только изредка можно услышать: «Да, ты помнишь такого-то?..» Так от человека остается лишь мимолетное воспоминание.

Первое сентября. Лето уходит. Пожелтевшие листья падают с деревьев, медленно кружась над землей. Воздух становится более холодным, утренний рассвет более серым. Русская осень подкрадывается мелкими, торопливыми шагами. А за нею уже угадывается такая страшная зима.

Перед самым наступлением холодов погибает Дюран. Леону один раз удастся ускользнуть от снаряда, но через два дня другой снаряд, пробив кабину, пригвозждает его к сиденью. Самолет врезается в землю в шести километрах к востоку от Ельни.

Ряды летчиков тают. Строй эскадрильи печален и горестен. Погибло больше, чем осталось в живых. Прибывшего пополнения — Мурье, Жуар, де Сэн-Фалль — недостаточно, чтобы заткнуть дыры, пробитые немецкими пулеметами. Нужно, чтобы пополнение превышало потери, но все получается наоборот.

Эскадрилья опять перебазировается. Неужели это последнее перемещение перед концом, перед полным истощением из-за отсутствия бойцов? С угрюмым видом объявляет Пуийад о нашем переезде из Спас-Деменска в Мышково. Всего лишь двадцать километров по прямой отделяют нас от нового аэродрома, но двум квадратным приземистым грузовикам, выпущенным на одном из тракторных заводов, эвакуированных на Урал, понадобилось четыре часа, чтобы преодолеть это расстояние. А их вели опытные шоферы — ребята необычайно расторопные и ловкие. Пришлось переправляться через реки, двигаться по

дорогам, от которых осталось только одно название, тащиться по шоссе, разрытому гусеницами танков, изуродованному воронками от снарядов, пробираться через обезображенные леса со скошенными на метр от земли деревьями, проезжать мимо сгоревших танков, опрокинутых и исковерканных автомашин, перевернутых повозок, разбитых орудий, развороченных блиндажей. Такой умопомрачительный вид имела бывшая линия фронта под Спас-Деменском, оставленная вермахтом после длительных, жестоких и кровопролитных боев.

В Мышкове «Нормандия» пробыла 15 дней. За это время поступили новые самолеты, вооруженные 20-миллиметровыми пушками, и Лефевр, Ля Пуап, Риссо, Альбар и Фуко успели увеличить список своих побед над «фокке-вульфами». Буквально накануне переезда на новый аэродром погиб Ларжо.

За эти пятнадцать дней пропали без вести Прециози и Кастелэн. Бегэна и нашего знаменитого Альбера наградили орденами Отечественной войны.

6 сентября Матис, раненный в руку, был вынужден выпрыгнуть с парашютом. Его подобрал экипаж русского танка, совершавшего разведывательный рейд в тылу у немцев. Матис имел при себе увольнительное удостоверение убитого немецкого солдата, и лишь с большим трудом ему удалось доказать своим спасителям, что это удостоверение взято им в качестве сувенира.

Осень в полном разгаре. Дни становятся короче. Ряды французских летчиков продолжают таять. Но надо крепиться, так как битва за Смоленск только начинается.

Цель очередного русского наступления — форсировать Днепр, величавую реку, которая на протяжении двух тысяч с лишним километров медленно несет свои воды по плодородным цветущим полям Белоруссии и Украины.

На Днепре стоят города, наименования которых при чтении боевых коммюнике звучат, как сигналы фанфар. Это Смоленск, Могилев, это Киев — сердце, разум и душа прекрасной Украины, это Днепропетровск и изумительная плотина Днепрогэса, которую русские взорвали во время наступления немцев, уничтожив в несколько секунд чудо, созданное по пятилетнему плану. Сразу же добавим, что еще до полного освобождения Украины начались работы по восстановлению плотины и русские рабочие, самоотверженные в труде, как и солдаты на фронте, подготовили электростанцию к пуску в рекордно короткий срок.

Сегодня за эту реку и эти города идут кровопролитные сражения. В честь любого уголка освобожденной земли Москва салютует залпами всех батарей московской противовоздушной обороны. Когда опускается ночь, над столицей вспыхивает огромный фейерверк, в свете которого вырисовываются величавые башни Кремля.

«Нормандия» продвигается вместе с советскими войсками. Очередная база «Нормандии» — Барсуки, небольшой городок, находившийся под немецкой оккупацией в течение двух лет. Он только что освобожден. На городской площади под дулами карабинов советских кавалеристов собраны предатели, сотрудничавшие с немцами в период оккупации. Отдельными группами их подводят к кирпичной стене и после зачитания приговора расстреливают. Треск залпов сливается с гулом орудий, громяющих в нескольких километрах к западу от города. Уже шесть месяцев непрерывно слышится этот гул, но сегодня кажется, что он приблизился еще больше.

Начинаются дожди. Французы с большой радостью встречают перемену погоды. Вместе с дождями на фронт прибывает армейский театр. Его программа включала народные танцы, небольшие водевили, сатирические пьески о нацистских руководителях, сольные номера и хоровые выступления.

Период передышки затягивается. Как она необходима! Спать, спать... Одна только мысль о том, что можно досыта выспаться на деревянной кровати, доставляет огромное, неведомое ранее наслаждение. «Сегодня вылетов не будет» — эти слова кажутся пределом счастья. Летчики встают поздно. Бродят по городку,

разговаривают с редкими прохожими, которым удалось спастись от немцев, угнавших с собой все трудоспособное население, уничтожив предварительно стариков и больных.

Местные жители рассказывают им о действиях советских партизан. В глухих районах партизаны — целые воинские соединения, поддерживающие постоянную связь с Москвой, — причиняли немцам много хлопот. Порой разыгрывались ожесточенные бои. Но чаще, выходя из бесконечных лесов, куда немцы не осмеливались углубляться, опасаясь засад, партизаны нападали на часовых, врываются в избы, где размещались немецкие офицеры. После завершения вылазки они снова уходили в леса.

Передышка кончается. В ночь на 18 сентября в небо взвиваются красные и зеленые ракеты. Это По-2 покидают аэродром и направляются громить немецкие тылы. Эти самолеты имеют небольшую скорость и обеспечивают большую точность бомбометания, если можно так выразиться, они «доставляют на дом» одну бомбу весом в 250 килограммов. Трудно представить, каким образом в полнейшей темноте им удастся отыскать склад боеприпасов, эшелон с продовольствием, избы, в которой размещается немецкий штаб, — все то, что служит для них целью. Они выключают моторы и без шума, по спирали, подбираются как можно ближе к цели, чтобы сбросить бомбу с такой же точностью, с какой солдат кидает гранату. Когда, вытянувшись в своих спальных мешках, наши летчики слышат стрекотание мотора одиночного По-2, пролетающего над аэродромом, они не могут удержаться, чтобы не отсчитывать в уме те несколько минут, которые отделяют их от сильного глухого взрыва.

— Ну, получили по зубам, — бормочет Альбер, заслышав взрыв.

И все засыпают с легкой улыбкой на губах и со спокойным сердцем.

19 сентября «Нормандия» снова начинает активные действия. На ее счёту еще три сбитых самолета. Но на следующий день Бальку оказывается застигнутым врасплох крупной группой «фокке-вульфов», вынырнувших из-за облаков со стороны солнца. Его самолет, охваченный пламенем, врежется в землю и взрывается на небольшом поле около Княжьего Села. Русские похоронили Бальку на площади, в центре села.

Смерть Бальку ожесточает его напарника Риссо. «Месть — это блюдо, которое надо есть горячим». И уже в ближайшие дни Риссо превосходит самого себя, сбив два немецких бомбардировщика Юнкерс-87. Успех Риссо вдохновляет его товарищей.

В день освобождения советскими войсками Смоленска и Рославля «Нормандия» сбивает семь вражеских самолетов.

Сколько радости сразу! Песни, шутки, состязания в красноречии. Появляется надежда, что конец войны не за горами, что теперь все пойдет очень быстро и что скоро снова можно увидеть Париж, наш Париж, с его балами, женщинами и маленькими быстро, Сенной, бульварами, Елисейскими Полями, о которых непрестанно напоминает Альбер.

Но скоро приходится расстаться с этими милыми иллюзиями. Бои возобновляются. Опять победы и потери. Много волнений доставил своим товарищам лейтенант Мурье, поднявшийся однажды в воздух на самолете командира полка. Десять раз он пытался сесть, и каждый раз казалось, что он вот-вот свернет себе шею. Наконец, ему удается посадить машину. Он бледен как полотно. Пуйяд подбегает к нему, готовый ругаться последними словами, но Мурье спокойно рапортует:

— Мой командир, ваш самолет спасся чудом так же, как и я. При взлете отломилось хвостовое колесо. Управление рулем высоты было нарушено. Мне пришлось жарко. Но я хотел спасти самолет любой ценой. И это мне все-таки удалось.

Другое происшествие. Жанель вместе с Бегэном, Риссо и Боном выполняли задание по патрулированию. На высоте около 2500 метров они замечают группу бомбардировщиков Пе-2, отбивающихся от полдюжины «фокке-вульфов».

— Идем на выручку?

— Идем.

Бегэн, увеличив скорость, увлекает за собой ведомых, и они ввязываются в бой. Русские обрадованы неожиданной помощью. Схватка продолжается. Немцы маневрируют, кружатся, уклоняются от боя, за исключением одного, который подбивает Жанеля. «Як» вспыхивает. Жанель выпрыгивает с парашютом, но парашют оказывается поврежденным пулями. Спуск скорее напоминает свободное падение. Жанель видит, как быстро приближается земля. Он старается приземлиться как можно мягче, сжавшись в комок. При падении Жанель повреждает себе позвоночник и теряет сознание. Он приходит в себя, находясь уже на броне русского танка. Его вывозят в московский военный госпиталь в Сокольниках, где он потом поправился.

5 октября на рассвете самолеты «Нормандии» взлетают, чтобы сделать еще один прыжок вперед. Фронт отодвинулся от Барсуков более чем на 150 километров. Немцы бегут повсюду, бегут так быстро, что им не всегда хватает времени на выполнение полученного приказа сжигать все при своем отступлении. Во главе «Нормандии» летел сам генерал Захаров на

своим скоростным Ла-5, который он по привычке пилотировал, не закрывая фонаря кабины. Самолеты садятся у деревушки Слобода.

Едва эскадрилья успела устроиться на новом месте, как прибегает запыхавшийся переводчик:

— Мой командир, только что звонили из дивизии. Приказано срочно направить четыре истребителя в Боровское для сопровождения прибывшего из Москвы «Дугласа», на котором к нам летит генерал Пети.

Прибытие самолета из Москвы всегда вызывало самые оживленные разговоры. Самый первый и самый главный вопрос у всех:

— Есть ли письма?..

Ведь во время войны в России так тягостна была мысль, что ты находишься в тысячах километрах от дома, семьи, родины и не знаешь, сможешь ли получить оттуда какие-либо известия. Хотя бы почтовую открытку, простую газету или журнал, пусть даже об охоте или о филателизме, но из Франции, написанные по-французски и изданные французами, вместо нелепых информационных бюллетеней из Алжира. Нам хотелось, чтобы бумага пахла Францией, ароматом ее земли, воздуха...

На этот раз самолет не разочаровывает бедных изгнанников. Есть письма и газеты. Прибыли также новые переводчики. Есть приказы о повышении по службе и награды. И, наконец, прилетел сам генерал Пети. Он лично хочет познакомиться с боевой жизнью, которую ведут его солдаты. Эта возможность ему предоставляется. В дни его пребывания в эскадрилье боевые вылеты не прекращаются. Он провожает самолеты, вылетающие на задание, и встречает их. И если не хватает одного или двух, подбегает к вернувшимся летчикам и взволнованно спрашивает:

— Кто не вернулся? Он спасся? Видели ли вы его? Не сгорел ли он в самолете?

Ну что ж, командование хотело на месте ознакомиться с тем, как живут добровольцы «Нормандии». Теперь оно знает даже, как они умирают.

Сначала не возвратился Сэн-Фалль, вылетевший на свое первое задание. На следующий день не вернулись Бегэн, Бон и Дени.

Генерал не хочет больше слышать о потерях. Но если бы он остался у нас до 15 октября, то он мог бы присутствовать при последнем вылете Барбье — последнего погибшего в полку «Нормандия» во время первой кампании в России.

Впоследствии гибель Дени и Бона подтвердилась. Но Сэн-Фалль и Бегэн были только ранены. Это уже удача. Если кто-либо

из летчиков не возвращается на аэродром, то еще остается надежда на то, что он остался в живых. Пропавший без вести не всегда погибает. Он может совершить вынужденную посадку, может выпрыгнуть с парашютом. Но если то или другое случилось на территории врага, судьба летчика была такой же незавидной, как и судьба летчика, убитого в бою. Из всех французских летчиков, попавших в руки к немцам, остались в живых только четверо. Об остальных мы так ничего и не узнали.

Спустя некоторое время допрашивали одного захваченного в плен немецкого летчика. Его спросили, зачем немецкая армия совершает такие ненужные жестокости, как полное уничтожение городов и сел. Он нам ответил:

— Das ist krieg^[17].

Подобное утверждение свидетельствовало о том, что у французских летчиков было очень мало шансов остаться в живых, попав в плен к немцам на русском фронте. Нужно было рассуждать и поступать так же, как этот немец.

Белый ковер покрыл землю. Природа словно стыдилась чудовищных разрушений и хотела прикрыть ужасные следы войны: воронки от снарядов, сожженные танки, развалины зданий, обломки разбитых самолетов, тысячи и тысячи трупов. Под легким белым покрывалом все это выглядело менее безобразно.

Отныне Россия в течение долгих пяти месяцев будет жить совершенно другой жизнью, непохожей на ту, которая началась после весенней оттепели.

6 ноября 1943 года в десять часов тридцать минут утра, пролетев на бреющем полете над землей, в которой осталось столько наших товарищей, уцелевшие летчики «Нормандии» покидали фронт. В Москве их ожидал самолет полковника де Мармье. Он привез им благодарность Франции и по приказу де Голля прикрепил к их знамени орден Крест за освобождение.

Спустя несколько дней три летчика в меховых полушубках и высоких шапках, на которых горела эмблема Сражающейся Франции, пришли на Красную площадь. Они остановились перед Кремлем и несколько минут в полном молчании смотрели на его высокие башни со звездами на шпилях, горевшими красным огнем в спускавшихся сумерках.

— Я не раз говорил вам об этом, — пробормотал Альбер. — Самым трудным было выстоять. Нам удалось уцелеть в этом аду, и это не так уж плохо.

Риссо и Ля Пуап согласились с ним. Затем они направились в ресторан «Москва». Пробираясь через толпу, которая глядела на них с удивлением, Альбер закончил свою мысль:

— Нет, это еще не все. Похоже, что там, в Алжире, они наконец зашевелились и еще пошлют нам на нашу бедность божескую помощь. А пока, ребята, мы еще имеем возможность походить в кино и цирк^[18].

Часть третья

Алжир. Октябрь 1943 года. Дождь заливает аэродром. Полночь. Черное небо наполнено гулом транспортных самолетов и бомбардировщиков, спешащих на свои базы в Тунисе и Сардинии. Пятнадцать французских летчиков, составляющих первую группу пополнения «Нормандии», только что разместились в американском четырехмоторном самолете.

Все молчат, только Фельдзер говорит, как бы продолжая разговор, который вел сам с собой в минуты долгого раздумья:

— Они обрадуются, что мы вовремя идем к ним на помощь... Командир «Нормандии» Тюлян погиб... Большая часть летного состава вышла из строя... В России, очевидно, чертовски холодно, но мне становится жарко при мысли о наших потерях...

Я хочу сказать, но он кладет руку мне на плечо. Дорогой Фельдзер, душа нашей группы! Где бы мы были без него? Он глядит на меня и коротко бросает:

— Спи... Скоро будем в Каире.

Но первым засыпает он сам, уронив голову на грудь. За бортом самолета свирепствует буря. Мы прекрасно устроились в роскошных креслах. Ровный шум моторов убаюкивает нас. Раскаты грома не нарушают приятного ощущения покоя и умиротворения, царящего в кабине. Чтобы обойти район бури, самолет меняет курс. Из окон больше не видно морских просторов, самолет летит над ливийской пустыней. Утром нас встречают яркое солнце, ослепительное небо, ослепительный песок и там, вдали, на границе зеленеющего оазиса, зажатого между двумя полосками пустыни, — Каир, порт на Ниле, в центре плодородной нильской долины.

На аэродроме Хелиополис летчиков заключает в свои объятия один из старейших ветеранов иностранного легиона Аревиан. Он предоставляет в наше полное распоряжение принадлежащие ему клуб и ресторан.

В Каире мы попадаем в уголок довоенного мира: ни затемнения, ни патрулей, ни слежки. Всюду жизнь, бьющая ключом. Ирибарн — мой старый товарищ и коллега по летной школе, аккуратист Вердье, Баньер, весельчак Карбон, де Фалетан, Лебра, сумевший беспрепятственно пересечь всю Испанию, гастроном и большой лакомка Дуар, группа «африканцев» — Фельдзер, Марши, Делэн, Андре, Роже и Жан Соваж, Казанев, Кюффо, Амарже, Дешане, де Сейн, де Сэн-Марсо, Бриэ, Пенверн и я — все мы, ошеломленные, бродим по улицам, то и дело липнем носами к витринам, пьяные от музыки и ослепленные неоном.

Нас чествовали так, как будто мы служили в «Нормандии» с первого дня ее существования. Слава, окружавшая наших товарищей, доставалась и нам. В Тегеран мы вылетели с полным желудком и тяжелой головой.

Там нам пришлось пробыть около двух месяцев. Немало беспокойства причиняли всем пресловутые визы, которые мы долгое время не могли получить. Наша жизнь здесь почти ничем не отличалась от той, которую вели наши предшественники. Прием следовал за приемом. Однообразие этой жизни, к счастью, нарушалось проделками Карбона. Однажды во время высокопарной, ультрапатриотической речи примерно такого содержания: «Господа летчики! Вы направляетесь в СССР сражаться с тевтонским угнетателем. Мы знаем, что вы будете достойными посланцами вечно живущей Франции и что кровь, которую вы прольете на ледяных просторах степей в этих сражениях титанов, когда вершатся судьбы цивилизации, которая...» — наш Карбон принялся с аппетитом жевать перо, украшавшее шляпу его соседки, супруги иранского министра.

Военный атташе полковник Жувель потом вызвал к себе «проголодавшегося» Карбона и сказал:

— Карбон, получите две недели строгого ареста. Вы отсидите на пересыльном пункте и будете находиться там в распоряжении майора Смита.

Карбон прищелкнул каблуками:

— Слушаюсь, мой полковник.

В течение двух последующих недель из-за Карбона вся французская колония была словно в лихорадке. Появились карбонисты и антикарбонисты. Слухи об этой истории дошли до самого шаха. Начальство боялось, как бы это не переросло в дипломатический инцидент. А в это время на пересыльном пункте Карбон и майор Смит прониклись друг к другу необычайной симпатией на почве глубокого уважения, которое они питали к виски. Когда вышел срок наказания, Карбон не проявил ни малейшего желания покинуть своего нового друга и тюремщика. Приказания не помогали, пришлось прибегнуть к угрозам. И спустя еще долгое время Карбон не раз с любовью вспоминал виски сорта «блэк энд уайт» и майора Смита.

У меня из жизни в Тегеране сохранилось воспоминание об одной охоте на волков на горных склонах Демавенда и о том, как я опоздал во время почетного визита в иранский Сен-Сир. За это я был вызван к полковнику, который сказал:

— Каждое утро вы будете являться на манеж военной школы. Там вы будете получать от дежурного иранского офицера самую норовистую из чистокровных иранских лошадей. Я хочу

посмотреть, удастся ли вам ее приручить. Это принесет вам только пользу.

— Но я же летчик, а не кавалерист, — возразил я. — Кроме того, я никогда не ездил верхом. Приручение лошади, возможно, и является наиболее благородным завоеванием человека, но я все же предпочитаю этому виски. Направьте меня лучше на пересыльный пункт...

Полковник нахмурил брови, но не мог удержаться от улыбки.

— Убирайтесь, — проворчал он, — на этот раз я вас прощаю. Но в дальнейшем извольте быть аккуратнее. Франция должна быть всегда точной.

В Тегеране нас представили майору Пуйяду, нашему будущему командиру. Мы познакомились с Матисом, возвратившимся после ранения в Каир. Несколько ночей напролет мы его расспрашивали о России. С тревогой в сердце мы следили за разворачиванием событий на конференции, от которой, говорили, зависит наша судьба. Но вот в один из декабрьских дней 1943 года нас сажают в огромный советский самолет, и, следуя по пути пионеров «Нормандии», мы направляемся в Россию.

Баку. Здесь наш первый русский обед: котлеты, картошка, блины, которые мы запиваем чаем и молоком.

— Обжоры, поторопитесь, — бросает Вердье, держа в руке словарь. — Вылетаем.

Над Кавказом идет снег. Холод нам кажется ужасным. А мы так легко одеты.

Погода не улучшается. Наш маршрут изменен. Вместо того чтобы сделать посадку на сталинградском аэродроме, мы поворачиваем к Каспийскому морю и застреваем в Астрахани. Волга уже скована льдом. Соваж так окоченел, что не может даже открыть рта, чтобы сказать несколько слов. Мои полуботинки из черного шевро на тонкой подошве имеют жалкий вид. Я пытаюсь согреть ноги, пританцовывая на месте, проклиная снег и холод, что довольно странно для бывшего чемпиона Франции по лыжам среди студентов университетов.

Нам предлагают открытый грузовик для ознакомительной поездки в Астрахань. Предложение принимается. Мы никак не можем двинуться с места. Дует ледяной ветер. Наш водитель, засунув голову под крышку капота, кажется, изучает свой мотор, как воскресный ребус.

Наконец мотор затрещал. И вот мы, проголодавшиеся, стуча зубами, шмыгая носами, дурачась, трясемся в автомашине по дороге к гостинице «Интурист». В первый же вечер мы решили познакомиться с русским кафе. Марши, Соваж и я идем наудачу,

навстречу мелкому колючему снегу. Неожиданно вдали свет и шум.

Я говорю:

— Мне кажется, это должно быть кафе.

Ускоряем шаг. Подходим. Толкаем дверь. Сидящие за столиками не были бы более ошеломлены, если бы увидели входящих марсиан. Мы поворачиваем назад и бродим по улицам.

Из громадных рупоров доносятся ставшие впоследствии такими знакомыми слова: «Говорит Москва». О! Это радио на улицах, это «говорит Москва», металлический и чистый бой Кремлевских курантов! Кто из нас не вспоминает об этом? И кто из нас может сказать, что эти звуки до сих пор не стоят в наших ушах?

Так маленькая группа французских летчиков провела свою первую ночь на советской земле, в устье величественной Волги, в центре города, называющегося Астраханью.

На следующий день через пять часов полета мы уже в Москве. Огромный заснеженный город кажется нам прекрасным. Мы смотрим на новый для нас мир широко раскрытыми глазами. Самые разговорчивые словно онемели. Не хватает слов, чтобы выразить наши ощущения. Лишь учащенное биение пульса выдает силу наших чувств и нашего возбуждения.

Краткие приветствия. Рукопожатия. Нам предоставлена гостиница «Савой» — одна из гостиниц для иностранцев. Можно доехать автомашиной или метро. Я предпочитаю метро. Ведь о нем столько говорили! Мне не терпится сравнить его с нашим, парижским.

Зрелище совершенно необычайное! Какие станции! Белый, красный и розовый мрамор и порфир. Все кругом горит, сверкает, переливается, а спешащая толпа безразлична к этой красоте, которую она видит ежедневно.

Так нас встречает Москва.

Соваж, Марши и я получаем в «Савоие» общий номер. Гостиница шикарная. В комнатах очень тепло. К нам снова возвращается уверенность в своих силах. Звонит телефон:

— Давай, Марши, отвечай. — обращаюсь я к товарищу.

— А что говорить?

— Назови хотя бы номер комнаты...

— Какой?

— 17-й.

— Но как это произнести по-русски?

— Сем-над-цать...

— Сем-над-цать, — говорит в трубку Марши.

Из трубки доносится молодой, приятный женский голос,

выговаривающий какие-то непонятные фразы, Марши начинает выписывать ногой круги. Он несколько раз повторяет: «Сем-над-цать», придавая своему голосу самые убедительные интонации. Через десять минут раздается стук в дверь. Мы спешим открыть. Входят две очаровательные русские девушки, улыбающиеся, жизнерадостные, ненапудренные и довольно скромно одетые, Мы не можем подыскать нужных слов, даже прибегая к помощи нашего «словаря». Все настолько неожиданно. Девушки заразительно смеются и с трудом дают нам понять, что они — наши гиды и что им поручено познакомить нас с Москвой.

— Пойдемте в Парк культуры, — предлагают они тут же.

Это, наверное, классический маршрут, напоминающий парижский треугольник: Эйфелева башня — Триумфальная арка — музей Гревэна.

Парк культуры немного напоминает и Гайд-парк и Булонский лес. Он тянется вдоль берега Москвы-реки. Между деревьями выставлены военные трофеи: немецкие танки, пушки, самолеты, стрелковое вооружение, обмундирование.

В Парке культуры я познакомился с одной продавщицей пива. На следующий день она пригласила меня к себе. Меня интересовала только кружка пива, которое нелегко было найти в 1943 году, во-первых, и порция водки — во-вторых. Вот так я и очутился в первый раз в моей жизни в русской квартире. Но что удивительно даже сегодня — это, каким образом после выпитого пива и водки я сумел, не зная ни одного слова по-русски, не зная адреса, добраться с самой окраины Москвы до желанной гостиницы «Савой»!..

После осмотра Парка культуры нам предложили пойти в Большой театр и посмотреть восхитительный балет. Кругом зима, война, все живое и неживое, казалось, напряглось в нечеловеческом усилии, но в театре мы увидели покой и великодушие, очарование и свет, сверканье люстр, игру красок, красоту движений и поз — словом, картину того мира, который, казалось, навсегда отошел в прошлое.

Итак, в течение нескольких дней мы совершали прогулки по Москве, посетили музей Ленина, ходили в кино, на приемы в военной миссии, встречались с оставшимися в живых летчиками из «Нормандии», которые самыми простыми словами рассказывали нам о только что пережитой ими героической эпопее.

Комфорт, тепло, привольная жизнь — все это, казалось, никогда не кончится. Но вот однажды вечером мы услышали:

— Соваж, Марши, де Жоффри и все остальные, приготовьте свои чемоданы. В 19 часов поездом отправляемся в Тулу.

Мы встречаем это не без некоторого сожаления. Кончилась наша жизнь туристов. Какими веселыми и интересными были вечера, проведенные вместе с депутатом Марти, журналистом Шампенуа, писателем Эренбургом, де Сейном, де ля Пуапом, Сэн-Марсо, де Панжем, сбежавшим из Эль-Аламейна, и другими товарищами! Прощайте, московские друзья! Прощай, передышка, уют, привал на этом пути к смерти! Ведь мы приехали сюда не по билетам «Интуриста».

Нам понадобилось пять часов, чтобы попасть из Астрахани в Москву. Поездка же от Москвы до Тулы заняла двенадцать часов. Поезд почти не двигался. В вагоне, обогреваемом железной печкой, мы дремали на деревянных полках. Было холодно. На улице стоял, по крайней мере, 25-градусный мороз, а мы были в легких туфлях.

Тула. На перроне пустынного вокзала гуляет ледяной ветер. Выходим из вагона и начинаем приплясывать от холода. Наконец переводчик Эйхенбаум объявляет:

— Садимся в этот грузовик. В нескольких километрах отсюда аэродром, где нас разместят, там и обогреемся.

Славный человек этот Эйхенбаум! В прошлом механик по вооружению, он был переведен с Мадагаскара в Джибути по причинам «дисциплинарного порядка», то есть за симпатии к де Голлю. Оттуда он убежал на «Потезе», который пилотировал его друг, тоже механик. Самолет приземлился в Аддис-Абебе. Оттуда Эйхенбаум перебрался в Британское Сомали, затем в Южную Африку, потом в Англию, снова возвратился на Средний Восток и уже оттуда направился в Советский Союз. Отличное знание им русского и немецкого языков было для нас очень кстати. В течение двух лет он приходил па помощь каждому из нас, улаживал недоразумения, отводил все удары. Не было случая, чтобы он отказался помочь.

Карабкаемся по бортам в грузовик, открытый для всех ветров России, в котором дорогой буквально превращаемся в сосульки. Господи, какой холод! Какой чертовский холод! Наконец аэродром. Жестокое страдания окончены.

Нас встречает Альбер:

— Привет, ребята! Ну как, все еще прогуливаетесь? Как кто-то сказал, настоящее свадебное путешествие... Поистине медовый месяц!.. Прогуливаются, бездельничают, убивают время и, когда их не ждешь, все-таки прибывают. Привет! Очень рад. О чем говорят в Каире? Что творится в Алжире? Какие новости из Тегерана? Есть ли почта?

Подходит руанец Лефевр, уже имеющий на своем боевом счету десять сбитых вражеских самолетов, за ним Риссо, первыми

словами которого были: «Эй, парни! Нет ли среди вас кого-нибудь из Марселя?»

А вот и де ля Пуап, которого в шутку зовут виконтом, весь он — сплошная улыбка.

Не успели мы поздороваться с первыми встречающими, как раздается громовое «хорошо». Это — Бертран, носящий прозвища «старый вояка» и «бургиньонец» — один из ранее прибывшего пополнения.

— Привет, друзья! Вы все еще живы? Как вам нравится: русский язык — и я!

Чертов Бертран! Он был не очень-то способен к языкам. За восемь месяцев он выучил только одно слово «хорошо». Но зато каким он был преданным другом!

Итак, контакт установлен. Нас приняли. Жизнь продолжается. Война тоже.

— Ну, друзья, теперь наш черед, — произнес я вслух то, о чем думал каждый.

Глава II

Представьте себе пятьдесят парней с самыми различными характерами, самыми разнообразными — хорошими и плохими — качествами и привычками, людей, которые в течение шести месяцев отрезаны от мира в домике, занесенном снегом, — и вы получите представление о том, какова была наша жизнь в Туле с 25 декабря 1943 года по 25 мая 1944 года.

Из окон нашего маленького тесного жилища была видна необозримая белая равнина с редкими березовыми рощницами. На юге дымила трубами Тула с ее Домом Красной Армии, где есть клуб, ресторан, театр, бильярд и своя библиотека, предназначенная только для военнослужащих.

Под Тулой мы интенсивно занимались тренировочными полетами на истребителях. Все думали только об одном: «Скорее на фронт и затем — домой, если посчастливится вернуться». И старались перед боями как можно лучше провести время.

Как и следовало ожидать, приключения начались с первыми же полетами. Лорану и Риссо поручили перегнать два «яка» на завод в Москву. Риссо добирается благополучно, а Лоран из-за повреждения бензопровода садится с убраннным шасси на снежное поле под Москвой. При посадке он сильно ударяется о приборную доску и теряет сознание. Его приводят в чувство и доставляют в московский госпиталь. Но Москва далеко от Тулы, где живет Рита, та самая, по которой тоскует сердце Лорана. Чуть окрепнув, он убегает из госпиталя к нам. Он был не в состоянии больше переносить разлуку со своей возлюбленной. В дальнейшем Рита стала мадам Лоран и по окончании войны уехала с мужем во Францию.

12 января. Идет небольшой снег. Обучение в разгаре.

— Де Жоффри, приготовиться. Сделаем парочку кругов, — говорит мне уже знаменитый в то время Лефевр.

Я надеваю унты, летную куртку на меху и кожаный шлем с двойной фетровой подкладкой.

Подходим к двухместному учебному самолету Як-7 с двойным управлением.

— Остерегайся снега, — предупреждает Лефевр. — Он очень обманчив.

Через минуту машина отрывается от летной полосы, постоянно укатываемой катками, оставляя позади себя снежный вихрь.

Морозно. Мотор работает отлично. Я не слышу ни слова из того, что мне говорит Лефевр. Через десять минут полета я

полностью теряю ориентировку.

Пошел густой, липкий снег. Лефевр рукой показывает мне, что пора возвращаться, и как можно скорее. Начинается буран. По-прежнему веду самолет вслепую.

Кое-как с помощью Лефевра отыскиваю посадочную площадку и начинаю снижаться. Я приближаюсь к белой ровной, но обманчивой поверхности, совершенно ослепленный падающим снегом. И в ту секунду, когда самолет касается земли и начинает подпрыгивать, я замечаю впереди какую-то серую массу. Но уже поздно. Авария неминуема.

Столкновение произошло на скорости более ста километров в час. Как метеор, я врезался в истребитель Ла-5, который в это время выруливал на старт. Винт моего «яка» вгрызся в фюзеляж Ла-5. Два самолета, сцепившись, неподвижно застывают в густом облаке снега. Мой винт замер совсем рядом с кабиной летчика. Еще какая-то доля секунды, и летчик был бы обезглавлен. К счастью, он остался целым и невредимым, так же как и мы.

Лефевр взбешен:

— Хорошо же ты начинаешь...

Возразить нечего.

Долго потом Лефевр злился на меня. Но когда мы уезжали на фронт, он взял меня в свое звено, вероятно желая показать этим не только то, что все уже забыто, но и что именно меня он хотел бы иметь рядом в бою.

Пребывание в Туле явилось для нас периодом выжидания, предисловием к большой книге, при чтении которой каждый старался познать сердца и души других. У каждого, безусловно, есть о чем рассказать в этой книге.

Спустя несколько недель после моей аварии в Тулу прибыли новые летчики: сначала Бриэ и Пьерро, а через несколько дней Ле Мартело, мой друг Ирибарн, Лебра, Бурдые, Баньер и Муане.

Андрэ Муане со временем станет моим командиром звена на период обучения. Смелый, опытный, энергичный летчик, он был одним из тех, кто добился наиболее хороших результатов во время летней и осенней кампании 1944 года. Уже в чине лейтенанта он прибыл в «Нормандию» из Англии, куда перелетел 14 июля 1940 года, когда ему было девятнадцать лет. Андрэ Муане был одним из самых молодых летчиков военно-воздушных сил Сражающейся Франции. Вместе с полковником де Мармье в 1940 году он едет в Браззавиль и затем участвует в африканских кампаниях в Камеруне, Чаде и Эритрее. Он был одним из первых, кто создавал группу «Эльзас» во Французской Экваториальной Африке. Затем Муане возвращается в Англию, в группу «Иль-де-Франс», в составе которой участвует во многих воздушных

сражениях и одерживает несколько побед. Муане заканчивает войну в чине капитана. Он награжден орденами Почетного Легиона и Крестом за освобождение, а позднее избирается депутатом в Национальное собрание.

Баньер в свое время был заключен в тюрьму на юго-востоке Франции за то, что слишком громко высказывал свое мнение о политике правительства Виши. Но вскоре он убежал из тюрьмы и перебрался через Пиренеи. Этот парень заставил нас немало поохотать, рассказывая, как однажды он был вынужден следовать за гробом в центре похоронной процессии, чтобы ускользнуть от жандармов. От ареста в Испании его спас французский консул, и Баньер перебрался сначала в Гибралтар, а затем в Англию, где записался добровольцем в Россию. К тому времени он налетал всего лишь несколько часов и совершенно не имел опыта в пилотировании истребителей.

Лебра прибыл в Россию из эскадрильи в Ниме^[19]. По своему характеру он был страшно неуживчив и не мог удержаться от того, чтобы кого-нибудь не лягнуть. Он все время возмущался и сердился, вступал в пререкания со старшими. Он не признавал поражений и не терпел безразличия, с которым некоторые их принимают. Хитрый, решительный, идущий на любой риск, Лебра быстро пересек Испанию, избегая полицейских постов и потешаясь над всевозможными агентами, и, наконец, достиг Алжира.

Ирибарн присоединился к нам в Мекнесе^[20]. Когда я говорю об Ирибарне, во мне оживает целый мир воспоминаний. Товарищ в работе и в бою, в спорте и в развлечениях, друг по духу, с которым нас объединяли общие достоинства и недостатки, Ирибарн погиб в одно холодное зимнее утро в небе над Кенигсбергом. Дорогой Ирибарн! Отвага и верность делу увлекли его вместе с тремя другими летчиками «Нормандии» в ожесточенное преследование. Из этого боя Ирибарну не суждено было вернуться.

Лютый мороз не прекращается. Снег скрипит под ногами. Время от времени украдкой смотрим на термометр: выше отметки минус 25 градусов температура не поднимается, но часто падает до минус 30. Опускаем наушники меховых шапок, как можно меньше стараемся выходить на улицу. 15 февраля, в одиннадцать часов утра, мы все выстраиваемся у маленькой березовой рощи, около сверкающих под бледными лучами февральского солнца только что прибывших замечательных машин Як-9 с 37-миллиметровой пушкой. Серая окраска фюзеляжа, алая кровь советских звезд, окрашенная в три цвета французского флага носовая часть самолета — все это удивительно контрастирует с

ослепительной белизной снежной равнины.

В безоблачном небе слышится шум мотора: это летит «Дуглас» из Москвы. Самолет садится на нашем аэродроме, из него выходят русские генералы Шиманов и Левандович и французский генерал Пети. Через некоторое время начинается торжественное построение и церемония вручения орденов. Командир толка Пуыйд, капитан Бегэн, лейтенанты Альбер, Лефевр и де ля Пуап награждаются советскими орденами Боевого Красного Знамени. Младшим лейтенантам вручают ордена Отечественной войны I степени. Фуко, Жанель и Матис, которые в это время находились в госпитале, награждены орденами Отечественной войны II степени. Посмертно этим же орденом и французским орденом Почетного Легиона награждены погибшие: Леон, Бальку, Дени, Бон и Ларжо.

В морозном воздухе звучит Марсельеза, затем новый русский гимн, величавый и мужественный, с ярким патетическим звучанием. На мачте развеваются французский и русский флаги. Их цвета резко выделяются над окружающей нас белой равниной. Официальная церемония окончена. Предстоит дружеское празднество. Взяв меня под руку, Марши говорит:

— Вечером едем в Тулу. В Доме Красной Армии будет бал.

— А на чем поедем?

— На попутных...

Такой способ передвижения мне не особенно нравится. Однажды я забрался в кузов попутного грузовика и оказался в соседстве с гробом. Везли покойника на кладбище. Это несколько испортило мне настроение в тот вечер.

Вечера в тульском Доме Красной Армии были очень приятны. Расположенный в центре Тулы — города с населением более трехсот тысяч человек, — ДКА привлекал всю молодежь города и всех военных из гарнизонов, расположенных в черте города и его окрестностях. Почти каждый вечер начиная с семи часов перед входом собирается большая толпа. В вестибюле оставляют пальто, шинели, перчатки, кашне, галоши и валенки. На первом этаже расположены зрительный зал и зал для танцев. В буфете можно выпить пива, а иногда и водки. Здесь бывают спектакли, концерты, выступают певцы и народные ансамбли. Сюда не раз приезжала знаменитая московская балерина Лепешинская, которая исполняла адажио из балета Чайковского «Лебединое озеро». Мы часто слушали здесь выступления ансамбля песни и пляски Красной Армии. Советское командование всегда уделяло много внимания досугу солдат как на фронте, так и в тылу. После представления обычно начинались танцы под аккордеон. Танцевали больше вальсы. Когда не хватало девушек, нередко

можно было видеть танцующих парами солдат. Для каждого русского танец является занятием важным и значительным. Гражданский или военный, мужчина или женщина, юноша или пожилой человек — все кружатся в быстром ритме.

В этот вечер «Нормандия» имеет определенный успех.

— Пошли, твоя очередь, — обращаюсь я к одному из стоящих рядом со мной летчиков. — Видишь, в углу стоит молодая женщина, военврач...

Танцует она изумительно.

Летчик спешит туда. Я же попробую пригласить на танец стоящую у стены высокую брюнетку. Только бы она согласилась... Иногда из-за застенчивости девушки отказываются. Именно здесь во время одного из этих танцев Лоран познакомился с очаровательной Ритой, с которой он потом обручился за десять минут до своего отлета в Париж.

А эти чудесные беседы со студентками, многие из которых прекрасно знают Золя, Бальзака и Ромэна Роллана. Они нередко ставили меня в тупик. Французская литература здесь в почете.

Если вечера были очень приятны, то возвращения были совсем не из приятных. Часто мы опаздывали на предоставленную нам машину и приходилось добираться пешком по мрачному, нескончаемому бульвару, который тянется через весь город с севера на юг. Перебирались через реку по льду. Проходили мимо монументальных ворот оружейного завода, который работал днем и ночью и производил, в частности, армейские пистолеты ТТ.

Обычно нужно было шагать добрых два часа, чтобы добраться до будки нашего часового. Укутанный в длинный тулуп, он обычно встречал нас громким возгласом:

«Кто идет?»

— «Нормандия», полк, французский летчик, — старались мы отвечать как можно быстрее, потому что в России часовые не медлят и стреляют...

В один из вечеров со мной произошел трагикомический случай, который мог бы окончиться для меня весьма печально. На следующий день по этому поводу меня вызвал Пуйяд:

— Я слышал, что вчера с вами приключилась забавная история...

— Да, мой командир. И если бы мне попался тот балбес, тот хулиган, которому хватило остроумия снять крышку люка канализационной трубы в самом центре бульвара, то ему бы несдобровать...

И я рассказал командиру, как было дело.

Было особенно досадным то, что, проходя днем, я видел эту проклятую дыру. Я даже сказал Соважу, что, мол, ночью надо

поостеречься, чтобы не угодить туда...

И надо же случиться как раз тому, чего я опасался. Словно бездна разверзлась под моими ногами. К счастью, я успел развести руки и уцепиться за край люка. Иначе я свернул бы себе шею. Умереть не при исполнении служебного долга, а в колодце с нечистотами, тогда как мы приехали стать героями, — надо признаться, что в этом не было ничего возвышенного.

Командир полка покатился со смеху:

— Учтите, де Жоффр, — сказал он мне, немного отдышавшись, — в России, как и повсюду, всегда надо знать, куда ставить ногу...

А затем, повернувшись к Бертрону, начал расспрашивать его:

— Ну, а вы? Кажется, и с вами произошло что-то забавное?

У Бертрона перехватило дыхание. Он покраснел. Бедный малый начал нервно жестикулировать, а затем, не выдержав, взорвался:

— Да, мой командир. Сделать такую пакость мне, настоящему бургиньонцу, старому вояке! Пошли мы с Мартэном в город, просто так, чтобы немного встряхнуться. Вы понимаете, о чем я говорю...

Прогуливаемся... Болтаем... Под конец мы запутались в лабиринте маленьких улочек на одной из тульских окраин. Толчемся на снегу и не знаем толком, куда повернуть, что-бы возвратиться в лагерь. Вдруг как из-под земли появляется группа людей в шинелях. Черт их разберет, кто это был! Была такая темень, что вряд ли можно было узнать родную сестру... Они подходят к нам вплотную. Ослепляют нас электрическим фонариком...

Я говорю Мартэну, что они, наверное, хотят проверить наши удостоверения личности.

Вынимаем документы. Суем им под нос. Но, черт бы их всех подрал, их самих и всех их предков! Чтоб их черти жарили на том свете на сковородке! Они незаметно стянули мой ТТ и начали хохотать. И удрали... Вы можете себе представить, мой командир, какую они сыграли шутку со мной!

В течение многих дней, каждый раз, когда Бертран собирался идти в город, находился какой-нибудь остряк, который небрежно говорил ему:

— Ты идешь в Тулу? Не забудь про свой ТТ. Может быть, ты встретишь того, кому его одолжил...

И каждый раз наш добряк Бертран краснел до ушей и, выкатив глаза на лоб, принимался ругаться на своем образном бургиньонском наречии.

Жизнь шла своим чередом. Дни стали прибавляться, но по-

прежнему было холодно. Злой рок тяготел над нами: мы ломали у машины все, что только возможно, от винтов до шасси. 18 марта эти неудачи приняли печальный оборот. Около одиннадцати часов в небо, затянутое тяжелыми тучами, для тренировочного полета поднялись Жуар и Бурдые. Жуар — ведущий. Бурдые следует за ним. Жуар входит в одну из огромных низких туч и передает по радио:

— Подтянись, Бурдые... Иначе потеряешься.

Бурдые подтягивается. Крыло в крыло пара исчезает в серой вате облаков, и там на скорости более четырехсот километров в час машины сталкиваются. Словно два паяца с вывихнутыми суставами, они, кувыркаясь, падают вниз. Жуар делает последние усилия и выпрыгивает. Его парашют раскрывается. Но спастись ему не суждено. Падающий самолет крылом задевает за шелковый купол парашюта. Он вспыхивает, как факел. Жуар падает на землю вместе с горящими обломками своего «яка» в нескольких метрах от врезавшейся в землю машины товарища. Бурдые был убит еще при столкновении. Когда нашли тело Жуара, он лежал, как живой. Он улыбался, лицо его было спокойным и казалось почти счастливым. Какая ужасная судьба! Неудача всегда настигала его в самую последнюю минуту на всех поворотах жизни. Именно в этот день спустя час после вылета Жуара пришло известие о присвоении ему звания младшего лейтенанта. И я не могу заставить себя не думать о том, что если бы это повышение, ожидаемое всеми уже несколько недель, было получено хотя бы днем раньше, Жуара, возможно, освободили бы от полетов 18 марта. И, возможно, он был бы жив и сейчас. Его отец, потерявший ранее еще одного сына, умер от горя год спустя после возвращения во Францию нашего полка.

Тела двух друзей были погребены около аэродрома в небольшой роще. Выла снежная вьюга. Ветер пригибал к земле тонкие березы. Когда я смотрел, как опускали в мертвую, промерзшую землю жалкие гробы из простых досок, я только тогда по-настоящему понял истинное значение слов «расставание» и «родная земля».

А ведь день 18 марта мог бы стать для нас замечательным. Из Москвы в этот день приехала новая группа летчиков во главе с капитаном Дельфино. Он был намечен с согласия Пуийяда и советского командования на должность командира нового французского авиаполка «Париж», который хотели создать по образцу «Нормандии». Капитан Дельфино был испытанным летчиком-истребителем, пережившим 1940 год. Впоследствии он возглавит «Нормандию» во время операций в Восточной Пруссии и закончит войну, имея на своем боевом счете 16 сбитых

вражеских самолетов. Личные качества этого летчика, и особенно его сильный и энергичный характер, были залогом успешной деятельности полка. Но по организационным причинам этот полк так и не был создан, а все вновь прибывшие летчики были включены в состав «Нормандии».

Среди них были мои старые товарищи по службе:

Женес, Пинон, Лемар, Эмоне, два брата Шалль, Перрэн, Мансо, Керне, Меню, Микель, Гастон, Табюре. Свою службу в полку «Нормандия» им пришлось начать с участия в похоронах.

За катастрофой 18 марта следует ряд других неудач. Эмоне садится левее полосы и повреждает два самолета. Шик, наш переводчик, которому только что разрешили вылеты на истребителе, несмотря на недостаточное количество налетанных часов, приземляется, забыв всего-навсего выпустить шасси. А 30 марта в присутствии генерала Захарова, писателя Ильи Эренбурга и бывшего министра Пьера Кота произошел довольно необычный случай, виновником которого, или, если хотите, удачливым героем, на этот раз оказался аспирант Монье.

Учебные полеты были в полном разгаре. Лефевр вызвал летчиков 3-й эскадрильи, в которую входил Монье, и сказал:

— Господа, сегодня выполняем упражнение на полет звеньями в сомкнутом строю, затем одиночный пилотаж и, наконец, перестроение над Сталиногорском. В заключение пройдем всей эскадрильей над аэродромом в парадном строю. По самолетам! Взлет через пять минут. Действуйте так, чтобы наши гости видели, на что мы способны!..

3-я эскадрилья взлетает звено за звеном. Последнее время погода стояла отвратительная, но сегодня на небе ни единого облачка. Упражнения, рассчитанные по минутам, следуют одно за другим. Они выполняются точно, быстро и ловко.

Перестроение происходит над Сталиногорским металлургическим комбинатом, высокие трубы которого выплевывали в прозрачную синеву неба клубы черного дыма. Машины проходят над группой наших гостей безупречно. Представление окончено. Один за другим самолеты садятся. И вдруг разыгрывается драма. Монье, который садился последним, по радио сообщает тревожную весть: отказал мотор, так как прекратилась подача топлива. Летчик еще может выпрыгнуть с парашютом, но он хочет любой ценой спасти самолет. Он решает сесть с остановившимся двигателем. Молниеносно очищается посадочная полоса. Считая секунды, мы сладим за посадкой. По мере приближения самолета я ловлю себя на том, что говорю вслух:

— Маловато высоты... Очень мало... Слишком мало...

Самолет идет на снижение. Остается какая-нибудь сотня метров до посадочной полосы, а до нее сплошная стена деревьев. Я стискиваю зубы, закрываю глаза и чувствую, как меня прошибает холодный пот. Машина задевает верхушки деревьев. Со страшным грохотом, как при ударе гигантского молота по наковальне, она падает на землю, подскакивает и вновь падает, разваливаясь на куски. Все бросаются к месту падения. Я подбегаю одним из первых. Что с Монье? Невероятно! Он приподнимается среди обломков, встает и даже делает несколько шагов. Мы замираем. Монье улыбается. Он жив. Из продолговатой раны на правой щеке струится кровь. Монье держит руки на поясице, как-будто у него приступ радикулита. Его подхватывают. Увозят на медпункт. Он все-таки успевает сказать нам:

— На этот раз пока еще не конец.

Это ужасное испытание было четвертым в жизни Монье.

В Англии в 1941 году он врезался в дом, пролетев перед этим под проводами высокого напряжения. В 1942 году во время высотного полета он потерял сознание. Предоставленный самому себе «харрикейн» завертелся в воздухе, выполняя такие акробатические фигуры, от которых даже у самых бесстрашных встали волосы дыбом. В тот момент, когда самолет вот-вот должен был врезаться в землю на глазах у охваченных ужасом людей, ожидавших неминуемой катастрофы, Монье пришел в себя и сумел посадить самолет так, как будто бы ничего не произошло. В Палестине в 1943 году неисправность мотора заставила его приземлиться, вернее «приводниться», на озеро Тибериад. И хотя самолет при этом скапотировал, Монье все же удалось выбраться из полузатонувшего самолета и добраться до берега.

Наконец, пятую отсрочку у смерти он получил позже в Антоново, когда ему пришлось возвращаться одному после исключительно тяжелого бреющего полета и приземлиться с абсолютно сухими баками.

Да! Можно сказать, что Монье, наш «победитель смерти», еще не раз заставит нас постареть на десять лет за несколько секунд. Одаренный необычайной силой, Монье не мог жить без приключений. После войны он по-прежнему продолжал играть с судьбой, испытывая реактивные самолеты «Ураган» производства фирмы Дассо.

В этот же памятный день Бертрана пригласили выступить по московскому радио. Ему предстояло сказать несколько слов землякам. Передача получается необычайно комичной. Бертран тщательно подготовил внушительную речь. Вот он четким шагом подходит к микрофону. И вдруг мы видим, как оратор бледнеет.

Он ищет свои записи, но не находит их. Оператор волнуется. Бертрану остается только импровизировать. И вот на своем бургиньонском наречии, сочным, густым голосом старина Бертран говорит то, что у него лежит на сердце:

— Алло... Алло... Говорит Москва! Алло... С вами говорит Бертран. Бургиньонцы, братья! Бургиньонцы, друзья! Не беспокойтесь, очень скоро я вернусь к вам, и тогда мы все соберемся вместе и выпьем добрый бокал вина... Ну, пока! До скорого свидания, братья!

Выступление закончено. Побагровевший от напряжения, но счастливый Бертран возвращается к нам. Мы буквально покатываемся от смеха. У него гордый и радостный вид. Он невозмутимо восклицает:

— Ну как, ребята?.. Слышали, как я здорово выкрутился?

Водка тоже начинает играть с нами злые шутки. Как-то утром, когда нас особенно одолевала скука, которая, казалось, падала с небес вместе с колючим снегом, когда завывал сердитый, ветер, когда нос примерзал к покрытому инеем оконному стеклу, через которое мы пристально и молчаливо всматривались в огромную белую равнину, неподвижную и безмолвную, когда в глубине души начинался приступ невыносимой тоски, уныния, томления, мой друг Гастон попытался найти в этом зелье утешение для души и столь необходимое тепло для тела. Все видели, как в этот день он частенько прикладывался к своей объемистой фляжке, что в то время никому не казалось удивительным. Мы не обращали на него никакого внимания до тех пор, пока он не упал на пол в самом разгаре наших воспоминаний о прошлых временах. Весь день Гастон пролежал в беспамятстве. Я не отходил от него ни на минуту, и временами мне казалось, что он все больше и больше коченеет. Ночь прошла ужасно — для меня, по крайней мере. Однако на следующий день, когда солнце стояло уже высоко в небе, Гастон, поднявшись раньше меня, распевал во все горло модное в то время танго «Татьяна», как будто с ним ничего не произошло.

16 апреля 1944 года русское командование поручило «Нормандии» воздушную оборону Тулы. Это была высокая честь, оказанная нам. Триста тысяч жителей, оружейные заводы и юные посетительницы Дома Красной Армии — вот чью безопасность мы должны были обеспечить.

В ожидании возможного нападения немцев учеба продолжается. 21 апреля, около полудня, лейтенант Фуко выполнял «замедленную бочку», заканчивая свой утренний вылет. Чтобы исполнить эту классическую фигуру высшего пилотажа, он на большой скорости начал переворачиваться на спину. Высота

100 метров. Внезапно машина резко пикирует. Четверть секунды, и страшный взрыв потряс лагерь. Пламя... Дым... Ничего не осталось ни от Фуко, ни от его самолета.

— Может быть, он недостаточно оправился от тяжелого ранения, полученного им в прошлом году, — в сильном волнении говорит нам Лефевр. — У Фуко получилось уплотнение позвоночника. Из-за этого он чувствовал головокружения, иногда даже терял сознание.

Мы не отвечаем.

Бедный Фуко! Только это мы и можем произнести, провожая его останки в маленькую березовую рощу, которую мы, увы, начинаем посещать слишком часто.

— Господа летчики «Нормандии»! Я заверяю вас, что через месяц мы будем на фронте. Наберитесь терпения, ждите, готовьтесь. Я жду еще пятерых летчиков: капитана Матраса, лейтенанта де ля Салля и аспирантов Бейссада, Версини и Лорийона, которые должны прибыть через несколько дней. Будет сформирована еще одна эскадрилья — «Канская»^[21]. Мне также сообщили, что в первых числах мая к нам поступит новая партия самолетов — двадцать истребителей Як-9, вооруженных 37-миллиметровой пушкой. Не рвите удила. Серьезные испытания не заставят себя ждать. Очень скоро мы приступим к выполнению боевых заданий.

Этими ободряющими словами открывает совещание командир полка Пуйяд, собрав всех нас в своем штабе. Наше настроение было не на высоте. Раздражало бесконечное ожидание. Нам казалось, что учиться больше нечему, что мы полностью подготовлены, чтобы идти колошматить немцев. «Довольно проигрывать гаммы! Мы желаем большого концерта!» — рассуждали мы. Но сейчас эта нервозность, эта неудовлетворенность исчезают в мгновение ока: их как рукой снимает обещание командира полка Пуйяда.

И, будто для того чтобы придать этим обещаниям больше веса, на нашем тульском аэродроме разворачивается лихорадочная деятельность. Бесперывно прилетают и садятся истребители Як-9, Ла-5, штурмовики Ил-2, бомбардировщики Пе-2 и американские самолеты «Аэрокобра» и «Бостон». Их пилотируют советские летчики с обветренными, загорелыми лицами. Частенько прилетают По-2, пилотируемые молодыми летчицами. Мы ведем нескончаемые разговоры с прибывшими летчиками о различных методах обучения. Понемногу я начинаю понимать, каким образом Советское правительство смогло поднять весь русский народ, такую многонациональную страну на борьбу против агрессора. В Советском Союзе, может быть, больше, чем где бы то ни было, смелость и героизм почитаются как высшая добродетель человека. Смелость и героизм воспевают поэты, прославляют писатели. Портреты героев помещаются во всех журналах и во всех газетах. Как-то я увидел на фюзеляже одного самолета написанную большими красными буквами фамилию: «Матросов».

— Кто это? — заинтересовался я.

Все страшно удивились, что я ничего не знаю о подвиге этого простого русского солдата, удостоенного посмертно звания Героя

Советского Союза. Закрыв грудью амбразуру немецкого дота, он дал возможность своей роте продвинуться вперед.

Из советских летчиков больше всего говорят об Иване Кожедубе, асе из асов, сбившем в войну 62 вражеских самолета. Однажды он сбил шесть самолетов за четыре часа.

К тому времени Ивану Кожедубу было всего двадцать пять лет, но он уже имел звание майора, тогда как начал войну младшим сержантом летного училища. Он родился в крестьянской семье в одной из деревень около города Шостки, Сумской области. Теперь он — депутат Верховного Совета СССР. Уже во время обучения Кожедуб всегда был впереди своих товарищей. В июне 1943 года его направляют на участок фронта под Курском, где он одерживает более двадцати побед.

Его девиз: «Имей горячее сердце и холодный рассудок». Сосредоточивая в бою все внимание на своем противнике, Кожедуб вместе с тем видит все вокруг и успевает вовремя дать совет своему товарищу. Летчики его звена рассказывают, что во время боя они постоянно слышали его голос по радио:

— Королев, «мессершмитт» справа. Иванов, внимание... Смотри назад. Василий, прикрой хвост Иванова. Хорошо, Петр... Ну, теперь «мессершмитт» мой!..

В последний день войны над Берлином он сбил два вражеских самолета. После окончания войны Кожедубу в третий раз присваивается звание Героя Советского Союза.

Другой ас — трижды Герой Советского Союза полковник Покрышкин — сбил за войну 59 вражеских самолетов.

Хорошо известны также имена советских летчиков братьев Глинка. Старший брат уже был знаменит, имея на своем боевом счету 25 сбитых самолетов, когда младший изнывал от нетерпения в летной школе. Он умолял брата взять его с собой на фронт. В ответ старший говорил о порядке, послушании, дисциплине. Однако младший все-таки добился своего, попал на фронт и там пошел по стопам брата. Через шесть месяцев он стал также Героем Советского Союза.

Ниже я подробнее расскажу о моем друге майоре Амет-Хане Султане, применившем знаменитый таран.

Знаете ли вы, что такое таран? Это наивысшее самопожертвование русского летчика, который, израсходовав полностью боеприпасы, устремляется на вражеский самолет и ударяет его своей машиной. В девяноста случаях из ста — это неминуемая гибель. Амету удавалось попасть в число счастливых.

Русские летчики, которых мы часто встречаем в столовой, рассказывают нам об ожесточенных воздушных сражениях под Сталинградом. Может быть, тогда не все отчетливо себе

представляли, что Сталинградская битва была самым серьезным испытанием для русской авиации.

Слушая рассказы о сталинградских боях, мы невольно испытывали необычайное возбуждение. Новые самолеты все прибывали. Альбер постоянно увивался около Нины — писаря нашей части, чтобы не прозевать вовремя получить «ультрасекретные сведения». Это он сообщил, что нам якобы отведен участок фронта между Оршей и Витебском, где немецкие летчики будут экзаменаторами для тех из наших аспирантов, которые захотят стать офицерами...

Первые майские дни, однако зима, напрягая последние силы, все еще старается оттеснить весну. Когда всем уже кажется, что весна прочно закрепилась на своих позициях, вдруг начинает падать снег. Но контратаки генерала Зимы, так же как и контратаки немцев, были в конечном счете обречены на неудачу. Наступает наш черед познакомиться с прелестью бурной русской весны, которая так очаровала наших товарищей в прошлом году. Кажется, едва только успел стаять снег, как уже зазеленели березы, поднялась трава, сочная и густая, замелькали первые цветы.

В один из вечеров этой сказочной русской весны я послал своей жене письмо. Вот что я писал:

«Моя жена и моя дочурка, Антуанетта и Клодин, здесь наступила весна... Хочется кричать от радости. «Весна» — волшебное слово, заставляющее мечтать! Природа, животные, люди — все чувствуют себя возрожденными. Будущее уже совсем близко, замечательное, с чудесным ароматом цветов, с зелеными листьями, трепещущими на ветвях, с колосющимися хлебами, с небом, в котором сверкает яркое солнце.

Для тебя, Антуанетта, это — еще один шаг, который ведет к нашей встрече. Это радость и счастье быть любимой и любить, это наша любовь, это мы, это горячие поцелуи, что мы дарили друг другу, и те, что ждут нас впереди.

Для меня весна — это великая битва, в которую я бросаюсь вместе с природой, пробуждающейся, как и люди, от своего кошмара. Это заря прекрасной, лучезарной победы, первые шаги по пути к дому, это месть, сверкающий меч, который сразит нацистских захватчиков».

Но время было не подходящим ни для эпистолярных излишаний, ни для стилистических упражнений. После нескольких

тренировочных стрельб обучение объявили законченным. Ненужные вещи отправили в Москву в сопровождении верного Эйхенбаума. Теперь с минуты на минуту мог поступить приказ, Приказ с большой буквы, и тогда шестьдесят «яков» поднимутся в воздух и покинут Тулу. На фронт!

В ожидании отлета мы — Марши, Ирибарн и я — прогуливаемся по окрестным деревням.

Мы вникаем во все, как самые настоящие репортеры, а если чего-нибудь не понимаем, то спрашиваем еще и еще раз. Так постепенно мы начинаем представлять себе настоящую картину жизни русской деревни.

Во время наших прогулок мы нередко находим винтовки, патроны, немецкие каски — следы наступления вермахта, которое докатилось почти до Тулы.

Однажды мы совершили поездку на автобусе за тридцать километров к югу от Тулы, в Ясную Поляну, где находится усадьба Льва Толстого. Она варварски разрушена нацистами. В центре березовой рощи — могила Толстого — простой холмик земли без надгробия и надписей, покрытый только полевыми цветами, — так пожелал писатель. Рядом с оскверненной фашистами могилой великого писателя зарыто около восьмидесяти солдат вермахта, убитых в бою вблизи дома писателя.

По возвращении из поездки узнаем долгожданную новость: наконец-то мы вылетаем на фронт. Прибыла сверхсекретная телеграмма. Кто-то знает ее содержание. Кто-то о ней слышал. Возбуждение растет, охватывает весь лагерь, достигает города. Русские спешат поздравить нас и выпить за наши будущие успехи.

Скоро становится известным, что 20 мая нас будет инспектировать генерал Пети. Последуют резолюции: «к отправке на фронт готовы», «для участия в боях годны». Будет выпита последняя стопка водки, и 25 мая, точно в десять часов, шестьдесят «яков» «Нормандии» покинут тульский аэродром, чтобы приземлиться в Дубровке. Начнется вторая кампания «Нормандии».

Часть четвертая

25 мая 1944 года полк «Нормандия» снимается с места. Эскадрильи «Руан», «Гавр», «Шербур» и «Кан» одна за другой, звеньями, поднимаются в воздух. Полк сопровождает генерал Захаров на своей машине Ла-5. Направление — на запад. Первую посадку намечено сделать в Боровском, к югу от Смоленска. Боровское — бывшая русская авиабаза, взорванная и сожженная немцами при отступлении, — было для нас промежуточным пунктом. Здесь мы не задерживаемся и сразу же летим в Дубровку.

Никогда я еще не ощущал такой жажды битвы. Слишком долго я вел праздный образ жизни. Я чувствовал в себе прилив новых сил и энергии, а также (почему не сказать об этом?) смутное желание мести. Я спешил помериться силами с этими молодчиками из люфтваффе и испытывал необходимость подавить в себе несколькими собственными победами горькие воспоминания о крупном общем поражении в июне 1940 года.

Под нами сплошная равнина. Леса сменились полями. Воронки от бомб, пепелища на месте селений говорят о войне. Мы пролетаем над Днепром и, оставляя позади себя сильно разрушенный Смоленск, продолжаем наш полет по направлению к Дубровке.

Легкий прозрачный воздух пронизан солнечными лучами. Передо мной самолет Лефевра, сверкающий, как начищенная кастрюля у образцовой хозяйки. По радио я слышу его голос:

— Алло, де Жоффри... Внимание... входим в боевую зону. Не забывай про гашетки и прицел. Включи компрессор на всякий случай. Если встретим «отца и сына», то, может быть, это немного подогреет тебя в первом бою...

Он словно прочитал мои мысли, я только что думал о моем будущем первом бое. И когда Лефевр напомнил мне об «отце и сыне», я не смог сдержать лёгкого радостного возбуждения. Правда это или нет, но рассказывали, что в районе Смоленска почти постоянно крутится в облаках пара истребителей Фокке-Вульф-190. Один из них пилотирует отец, другой — сын. Очень ловкие и очень опасные противники, они нападают неожиданно и охотятся за всем, от санитарных По-2 и возвращающихся на базу поврежденных самолетов до отдельных автомашин на дорогах.

Но сегодня мы без каких-либо приключений приземляемся около небольшой деревушки Дубровка, в пятнадцати километрах от линии фронта.

В Дубровке нас разместили в избах. Мы спим на деревянных

кроватях, кое-как приспособив наши спальные мешки. Столовая весьма неплохая, а для нас это играет немаловажную роль. Она также находится в избе, похожей на все белорусские избы, внутри стены ее украшены трогательными приветственными надписями: «Добро пожаловать, «Нормандия»! Слава отважным французским летчикам, которые вместе с Красной Армией громят проклятого врага!»).

Но нас ждали не только одни приветствия. Клопов также хватает. Они свирепо нападают ночью, и именно против них мы начинаем наши первые сражения и выходим победителями.

Лампы у изголовья — одно из новшеств, которое сразу бросилось нам в глаза. Они сделаны из гильз 37-миллиметровых снарядов. В латунном стакане, наполненном керосином, плавает самодельный фитиль. Лампы несколько примитивны, но сделаны довольно ловко. Даже те из нас, которых ошеломили неоновые витрины каирских магазинов, теперь, с восхищением смотрели на эти скромные светильники.

Сразу же после прибытия в Дубровку нас собирает Лефевр. Он дает указания и некоторые советы по поводу предстоящих боев.

— Итак, будем действовать парами. Всем держаться на одной высоте. Дистанция между самолетами — 50 метров. Каждый следит за хвостом своего ведущего. Скорость — 480. Оружие наготове. Баки переключать через тридцать минут полета. Делать все возможное, чтобы не терять из виду ведущего. Садиться только на запасную полосу. А теперь, господа, спать. Не забывайте о сигнале тревоги. Спокойной ночи! До завтра!

Пасха 28 мая 1944 года. Погода как будто начала устанавливаться. Дует легкий северо-западный ветер. Третья эскадрилья в хорошей форме. Восьмерка истребителей вместе с командиром полка Пуйядом совершает первый ознакомительный полет. Вместе с Лефевром, командиром моего звена, я устремляюсь к укреплениям Витебска, который находится еще в руках немцев. На той же высоте справа и слева от нас летят три других звена, внимательно следя за каждым уголком неба. Осторожность — прежде всего. Каждое плотное облако, которое мы пронизываем своими машинами, может скрывать врага.

— Прижимайся, де Жоффр, плотнее и разворачивайся влево! — командует мне Лефевр по радио.

Мы берем курс на юг и летим точно вдоль линии фронта. В небе ничего подозрительного. На земле все кажется спокойным. Вражеская противовоздушная оборона молчит. Правда, мы летим на высоте 4000 метров. В общем, все идет хорошо, даже, по моему мнению, слишком хорошо.

Мы находимся уже более тридцати минут в полете, но хоть бы какая-нибудь добыча попала нам в зубы. Вот, наконец, в моих наушниках слышно потрескивание. Раздается легкое покашливание и спокойный голос Лёфевра:

— Следуй за мной, барон. Прикрой меня на пикировании. У меня неприятности.

Самолет Лёфевра клюет носом и на предельной скорости устремляется к земле по направлению к Дубровке. Я следую за ним на близком расстоянии. Скорость свыше 500 километров в час. Высота резко падает. Стрелка вариометра сильно отклоняется, сигнализируя о слишком резком снижении. Что случилось? У Лефевра, наверное, серьезные неполадки. Он хочет любой ценой возвратиться на базу, до которой теперь совсем недалеко.

Какое счастье, что мы были на высоте 4000 метров!

Пикирование продолжается. Я по-прежнему прикрываю хвост самолета Лефевра. Наконец вдаль начинает вырисовываться взлетно-посадочная полоса нашего аэродрома. Я облегченно вздыхаю. Теперь Лефевру наверняка удастся сесть. Но вдруг его самолет начинает дымиться. Молочная струйка скользит вдоль фюзеляжа, превращаясь за хвостом машины в белую полосу тумана, которая с каждой минутой делается все более и более плотной. Мною начинает овладевать страх. Что это? Слишком перегрелся мотор? Или поврежден бензопровод? Последнее было бы намного хуже. И если это так, то образование тумана объясняется конденсацией вытекающего бензина.

В наушниках по-прежнему спокойно звучит голос Лефевра:

— Де Жоффри, иду на посадку... Я весь в бензине...

Я вижу, как он выпускает шасси и посадочные щитки. Кружась над аэродромом, продолжаю наблюдать. Он приближается к земле, приземляется и начинает даже рулить.

Я отчетливо вижу, как он открывает фонарь кабины. Он, должно быть, задыхается от паров бензина. И в ту секунду, когда я хочу закричать: «Он спасен!» — огромное пламя вырывается из кабины. Пламя, как факел Лефевр выпрыгивает на землю. Я вижу, как он катается по траве, чтобы сбить огненные языки, лижущие его одежду. Солдаты и механики бросаются к нему на помощь. Они сжимают Лефевра в объятиях и своими телами закрывают его так, что огонь появляется на одежде спасающих. В ста метрах от них вместо самолета — костер, в котором рвутся снаряды и патроны.

Я приземляюсь. Лефевра на носилках несут в санчасть. Его лицо почернело от копоти, но не повреждено. Одежда летчика сгорела, почти дотла. Особенно серьезно, кажется, пострадали

ноги. Он замечает меня. Его ресницы опускаются и вновь приподнимаются. Он улыбается, он совсем непохож на страдающего человека.

Лебединский, наш врач, не может сказать ничего определенного:

— Необходимо установить размеры и степень ожогов.

Глаза врача избегают наших встревоженных взглядов.

— Кроме того, — продолжает он, — не менее опасна закупорка почек.

В, три часа беднягу Лефевра увезли в московский военный госпиталь в Сокольниках. А через несколько дней на глазах у капитана Дельфино, который не оставлял его до последней минуты, Лефевр умер. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Похоронили Лефевра у основания памятника французским солдатам, погибшим в кампании 1812 года, — огромной гранитной пирамиды, окруженной барьером из стволов орудий, скрепленных цепями.

В Дубровке траур ложится на всех страшной тяжестью. Но жизнь идет своим чередом. Лефевра заменяет капитан Матрас, принявший командование третьей эскадрильей. Я остаюсь его напарником. Боевые вылеты продолжаются.

С самого рассвета до десяти часов вечера мы не имеем ни одной свободной минуты. И нас особенно раздражает то, что наша изнурительная работа дает пока мало результатов. Один только Бертран 1 июня подбивает Юнкерс-88, которому удастся, однако, уйти. Это еще не победа.

Наконец, первое приключение со мной. 5 июня около пяти часов дня я вылетел с Матрасом на «свободную охоту». Мы кружим над Витебском. Неожиданно, когда мы уже возвращались на свой аэродром, приходит в действие зенитная артиллерия. Множество огненных шаров и стрел отделяются от земли, направляясь к нашим самолетам. Я отчетливо вижу, как поднимаются в воздух несколько «юнкерсов». Угрожающие облачка разрывов зенитных снарядов начинают окружать мою машину. Они, кажется, предназначены специально для меня. К тому же Матраса не видно.

Я лечу на огромной скорости, и вдруг сильный удар потрясает мой «як». Задрожал весь самолет. Задрожал, впрочем, и я сам. В голове лихорадочно завертелись мысли: «Меня зацепило... Видимо, не очень серьезно... Самолет подчиняется управлению... Скорость не уменьшилась... А температура воды в радиаторе?.. Она поднимается... 130, 140 градусов... Дым... Он начинает проникать в кабину... Наверное, снаряд угодил в радиатор... Может быть, я еще сумею спасти самолет... Надо

держаться до конца... Нечего и думать о том, чтобы дотянуть до Дубровки... Это слишком далеко...

Дым становится все более густым. Усиливается запах гари. Приближается земля. Я вижу речку, которая вьется среди вспаханного поля. Задаю себе вопрос:

«Где же я нахожусь, над дружественной землей или над территорией, занятой немцами?»

Но этот вопрос ни к чему. Мотор начинает давать перебои, и земля так близко, что медлить невозможно. Надо садиться на первое попавшееся поле. Скорость — свыше 200 километров в час, и на этой скорости мой «як», не выпуская шасси^[22], касается земли. Скачок... Еще скачок... Всеми силами упираюсь в сиденье. Только бы выдержали ремни! Если они лопнут, я врежусь лицом в приборную доску. Они выдерживают! Я сохранию свой изящный профиль!..

Самолет останавливается. Наконец-то! Я вытираю потный лоб и, приподняв голову, вижу группу солдат, появившихся на опушке леса. Русские?.. Немцы?.. Сильно стучит сердце! Ура! Это русские, они бегут со всех ног в клубах пара от моего самолета.

— Французский летчик!.. «Нормандия», полк!.. 303-я Смоленская дивизия... — неуверенно бормочу я, но этого достаточно.

И толпа, в которой перемешались мужчины и женщины, начинает смеяться, аплодировать. Меня проводят в палаточный городок. Это полевой хирургический госпиталь Красного Креста, расположенный в нескольких километрах от фронта. Я в центре всеобщего внимания. Каждый хочет поговорить со мной. Испробованы все языки, включая даже язык глухонемых. Результаты далеко не блестящие. Я никогда не был полиглотом, но сегодня, видимо, совершенно одурел и соображаю хуже, чем обычно. Врач-майор вынужден отказаться от дальнейших попыток вести разговор. Он ограничивается тем, что характерным жестом приглашает меня к столу, на котором меня ждал обильный обед.

Вечером меня отводят в палатку, в которой живут двое женщин-военврачей. Они пытаются завязать беседу, но им приходится очень быстро от этого отказаться. Впрочем, у меня нет никакого желания разговаривать. Кругом стоны раненых и умирающих. Мой разбитый «як» не выходит из головы. В эскадрилье, наверное, ломают себе голову, думая о том, что же произошло со мной, думают о зенитках, их убийственном огне.

Нужно ли говорить о том, что я всю ночь не сомкнул глаз. Рано утром в расположение госпиталя прибыла легковая машина. Из нее вышел стройный полковник в безупречной форме. На голове фуражка с зеленым околышем, что означает

принадлежность к войскам НКВД. Он направился ко мне и по-военному отдал честь. Я кое-как объяснил ему, что со мной случилось, откуда я прибыл, в какой части служу. При словах «полк «Нормандия» он улыбнулся. Я протянул ему свое военное удостоверение, похожее на удостоверение советского офицера. Он крепко, даже слишком крепко, пожал мне руку:

— Хорошо, товарищ французский летчик. Вы мой гость, поехали ко мне.

Он подвел меня к своей машине и пригласил занять место в ней.

И вот мы катим по дороге, которая в отдельных местах, там, где почва особенно заболочена, покрыта деревянным настилом. Местность вокруг удивительно красивая. За изгородью видно море цветов, зеленые кусты и рощицы, извивается речка. Наконец, мы прибыли в расположение пограничного полка. После проверки документов в штабе меня представляют личному составу подразделения. Позади офицеров — неподвижный строй солдат. В своей строгой военной форме они напоминают изваяния из гранита. Меня проводят в подземное укрытие, где двое вооруженных солдат круглосуточно охраняют полковое знамя.

В полдень — баня по русскому обычаю, с паром. Вероятно, это лучший способ усилить кровообращение. Я, конечно, предпочел бы другое, но о том, чтобы избежать парилки, не может быть и речи, и я присоединяюсь к моющим. Их громкие довольные возгласы заглушают мои страдальческие вздохи.

Из бани я и полковник вышли красные, как кумач, и отдувающиеся: двое солдат с березовыми вениками изрядно поработали над каждым из нас.

Добрый глоток водки возвращает мне хорошее настроение. Вечером — торжественная встреча в клубе полка. Когда вместе со всеми офицерами штаба я вхожу в зал, двести пятьдесят солдат встают и дружно отвечают на приветствие полковника. Их голоса, слившиеся в мощный хор, звучат, как раскаты грома.

Пересекаю зал, проходя среди рядов солдат, дружелюбно и приветливо улыбающихся мне. Я взволнован этим проявлением доверия и симпатии. В глубине сцены вижу огромное полотнище со словами приветствия:

«Слава полку «Нормандия!»»

До тех пор пока мы не разместились на отведенных нам местах, никто в зале не садится. Никто не курит. Но вот все усаживаются. Начинается концерт. Артисты — те же солдаты. Они, безусловно, талантливы для обыкновенных любителей. Танцы и песни следуют друг за другом. Никто не сказал бы, что

артисты — простые бойцы одной части. Они были бы с интересом приняты на сцене лучших европейских театров.

Прошло несколько дней, в течение которых я неплохо отдохнул. Однажды ночью меня разбудил полковник и сообщил, что подана машина. Она отвезет меня в Дубровку, до которой было сто с лишним километров. Мы отправляемся. Меня сопровождают два офицера из штаба полка. И вот я еду в свою часть, не зная о том, что за тысячи километров от нашего фронта только что открылся второй фронт, которого мы так ждали и о котором столько говорили, не слишком веря в его реальность.

Дорога ужасная. От ударов на непрерывных рытвинах буквально разламывается все тело. Мы проезжаем через полностью разрушенный город Велиж, в котором до войны жили более тридцати тысяч человек. Страшные руины позволяют мне отчетливо представить ожесточение боев в районе Велижа и варварство немцев, которые во время своего отступления безжалостно прибегали к тактике «выжженной земли».

Я наклоняюсь к одному из моих спутников, который в суровом молчании глядит на горстку чудом уцелевших жителей, занятых разборкой кирпичей, и спрашиваю:

— Товарищ капитан, как же немцам удалось полностью уничтожить город?

Он слегка улыбается, но эта улыбка не вяжется с выражением ненависти в его глазах.

— Немцы — народ методичный, — отвечает он мне. — Они все заранее предусмотрели. Когда началось их отступление, специальные команды получили задание вывозить трудоспособное население, уничтожать тех, кого нельзя использовать на работах, и, наконец, предавать все огню, забрасывая строения зажигательными гранатами. Вот так же была уничтожена и вся моя семья под Киевом. Но мы отомстим за это, вы можете в этом быть уверены.

Печальные картины следуют одна за другой. На одном поле я вижу трех женщин, которые тянут плуг, впрягшись в него вместо лошади. Заметив мое удивление, капитан объясняет, что весь рабочий скот угнан или съеден немецкой армией. А теперь враг изгнан, и нужно обрабатывать землю любым способом. Вцепившись в дверцу машины, я долго не мог оторвать глаз от несчастных женщин. Это, казалось, символизировало нечеловеческие усилия русского народа, идущего на все жертвы ради победы.

Шесть часов непрерывной тряски, и перед нами раскинулась Дубровка. Мы выехали на рассвете, а прибыли на аэродром ровно в полдень. Первым вижу Матраса. Он широко разводит руками:

— Чертов барон! Что же с вами все-таки случилось? Вот что значит уколы зенитной артиллерии! Получили оплаченный отпуск?.. Путешествуете? Вам повезло... Вы прибыли вовремя. Сегодня вечером решили с вами разделаться: сигареты и все остальное уже подготовлено к дележу...

— Мой капитан! Прошу извинить. Я сожалею, но, наверное, не сегодня вечером я лишусь своих сигарет. Кстати, в котором часу ближайший вылет?

— В три часа, барон, «свободная охота» в районе Витебска. Но на этот раз уклоняйтесь от снарядов, — смеясь говорит мне Матрас, новый командир третьей эскадрильи.

Капитан Матрас представляет собой тип настоящего командира, которого уважают и любят. У него очень энергичное смуглое лицо, которому озабоченно нахмуренный лоб и горящие глаза под густыми бровями придают суровое выражение. Окончив летную школу в 1937 году, он, движимый жаждой подвига, перебирается в Россию. Покинув Париж на глазах у немцев, проехав оккупированную Францию, миновав Испанию, Северную Африку, Египет и Иран, Матрас менее чем через три недели оказывается в Москве. Мы совершили вместе с ним более шестидесяти вылетов и сбили вдвоем немало немцев.

Пока на фронте относительно спокойно. Вечерами мы читаем, пишем письма или играем в карты. В черном беззвездном небе время от времени пролетают одиночные невидимые самолеты, гул которых долго слышится в тишине ночи. Это ночные бомбардировщики или самолеты, выполняющие специальные задания.

Русские летчицы, или «ночные колдуньи», как их называют немцы, вылетают на задания каждый вечер и постоянно напоминают о себе. Подполковник Бершанская, тридцатилетняя женщина, командует полком этих прелестных «колдуний», которые летают на легких бомбардировщиках, предназначенных для действий ночью. В Севастополе, Минске, Варшаве, Гданьске — повсюду, где бы они ни появлялись, их отвага вызывала восхищение всех летчиков-мужчин.

Французы, как известно, любят шутку и прекрасный пол. Когда я хочу подразнить капитана Матраса, я прошу его разрешения обратиться к начальству с рапортом о назначении меня механиком в полк «ночных колдуний». Но однажды после этой шутки, ставшей почти классической, он спокойно отвечает:

— Оставьте меня в покое, барон. Завтра вам уже будет не до «колдуний». Приказано быть в полной боевой готовности, и мне думается, будет жарко.

Глава II

Альбер подходит к Бертрану и Марши, которые, мурлыча под нос незатейливую мелодию, приводят себя в порядок. Они чувствуют себя на седьмом небе. Командир полка Пуйяд поручил им сопровождать самолет, который летит в Москву.

— Было бы для чего так наряжаться, — ехидничает Альбер. — Двадцать четыре часа в Москве, конечно, не так уж плохо, я согласен. Но нужно суметь их использовать, а, по-моему, с такими рожами, как ваши, вряд ли добьешься многого...

Но сейчас даже насмешки Альбера не могут испортить хорошее настроение Бертрана.

— Отвались от меня, Бебе! Старый вояка чувствует себя везде как дома... А потом, мой русский язык... Не правда ли, Марши?

— Конечно, — отвечает Марши. — Они просто умирают от зависти.

— Что они болтают? Кто может помешать нам отлично провести время в Москве? Вперед, Марши!

И на глазах у всего изнывающего от зависти полка Бертран и Марши улетают в Москву.

Само собой разумеется, в Москве они не сделали ничего предосудительного и очень мирно спали одни в гостинице «Савой».

...По всему было видно, что серьезные события не заставят себя ждать.

В состоянии полной боевой готовности, посменно сидя в самолетах, готовые вылететь через пятнадцать секунд после сигнальной ракеты, мы ожидаем своего часа. Чтобы скоротать время, делимся воспоминаниями о прошлом. Вдруг, в тот момент, когда этого меньше всего ожидаешь, в небо взлетает зеленая ракета. Немедленно включаешь зажигание, стартер, и со скоростью свыше 400 километров в час мы взвиваемся под облака, которые золотят свое рыхлое брюшко под солнечными лучами.

Быстро забираемся в небо над Дубровкой. В наушниках голос с земли: «Алло! Внимание, раяки! Высота — 4000 метров... Направление — квадрат 37-Б, замечена группа вражеских самолетов...»

«Вас поняли... Вас поняли...» — следует ответ.

Радио замолкает. Начинается преследование вслепую какого-то невидимого врага в какой-то географической точке.

Через некоторое время в наушниках снова слышится потрескивание, и я едва различаю: «Алло! Раяки! Следуйте в

квадрат 38-А, высота — 5000 метров».

Мы преследуем привидение, которое ускользает от нас. От напряжения болит шея и вылезают на лоб глаза. Всем кажется, что вражеский самолет нужно искать выше, всегда значительно выше своего самолета. Надета кислородная маска, включен компрессор, а мы лезем все выше. Ага! Наконец!.. Вот он, Юнкерс-88, разведчик, его сразу различишь по длинному белому следу конденсированных паров, который отрывается от фюзеляжа и концов крыльев. Эти три длинные белые полосы могут стать причиной его гибели.

Слишком поздно... Пикируя, бомбардировщик уходит на запад. Перехват даже на полной скорости не удастся. Сегодня «юнkers» доставит полученные сведения и фотоснимки, завтра он, возможно, будет менее удачлив.

15 июня, под вечер, из штаба дивизии сообщили, что полковник Голубов, командир 18-го гвардейского полка, вместе с которым мы продвигаемся вперед уже несколько месяцев, в воздушном бою днем сбил два самолета противника — одного Мессершмитта-109 и одного Юнкерса-88. Стало также известно, что летчик с подбитого «мессера» спасся, выпрыгнув с парашютом, и пытается добраться до своих. На огромной равнине, которая тянется от Дубровки до линии фронта, не легко укрыться, и очень скоро переодетый в гражданское платье немец был обнаружен.

На земле чертовски начинает пахнуть наступлением. Ходят слухи, что 600 истребителей, 400 штурмовиков и бомбардировщиков прибыли на соседние с нами аэродромы и готовы вступить в действие по первому сигналу. По дорогам взад и вперед непрерывно движутся колонны танков, артиллерия, пехота. Миллион русских против миллиона немцев, тысячи танков и тысячи самолетов с той и другой стороны. Предстоят кровопролитные бои.

Мы все время наготове. Но в противоположность другим вечерам сегодня с приходом ночи наступила необычная полная тишина. Ни осветительных ракет, ни «ночных колдуний». Даже артиллерия замолкла. Сон не идет ко мне. Я думаю обо всех этих людях, которые сейчас молчаливо готовятся к штурму.

Зарождается новый день. Вдали на горизонте бледнеет полоска неба. Я вижу, как все отчетливее выступают знакомые предметы, и вдруг, ровно в 6 часов утра, начинается светопреставление. По всей линии фронта, от Витебска до Орши, заговорили тысячи орудий. Невозможно подобрать слова, чтобы описать огненную завесу, поднявшуюся от земли до неба, чтобы дать понять, какой дикий грохот объял вселенную, подавив

мгновенно все другие звуки. Мы не слышим друг друга. И когда все же хотим что-то сказать, наши голоса кажутся тонкими и смешными... Возникает ощущение подавленности и полной беспомощности перед этой войной, ее безмерной мощью, превратившей государства в тысячи гигантских заводов, извергающих потоки расплавленного чугуна и стали.

Но больше нет времени удивляться этому миру, конец которого наука, кажется, стремится приблизить. В действие вступает советская авиация. Со страшным гулом, группами по пятьдесят самолетов, проносятся бомбардировщики Пе-2, сопровождаемые истребителями. В тучах дыма, разделяющих землю и небо, кружатся, скользят тысячи самолетов, словно в каком-то волшебном балете.

Соваж хватает меня за руку и кричит:

— Гляди, барон, вон того подбили!..

Один бомбардировщик Пе-2 действительно откалывается от уже несколько нарушенного строя. Самолет пикирует. Его хвост дымится. Он спускается все ниже и ниже.

— Ну, чего они ждут?.. Почему не прыгают?.. — стараемся перекричать мы оглушительный рев моторов.

Пилот, наверное, ранен. Или, может быть, он хочет во что бы то ни стало спасти машину. Кто-то вскрикнул. Один парашют только что раскрылся, за ним — другой...

— Но где же третий?..

Третьего не видно. Бомбардировщик с ревом отвесно падает вниз и врывается в землю. Столб огня взметнулся над верхушками деревьев. Советский летчик погиб...

Немного погодя в воздухе взрывается еще один самолет, затем проходят несколько штурмовиков с зияющими пробоинами в фюзеляжах. Как они только держатся в воздухе?

— О, они настоящие смельчаки, — говорит дрожащим от волнения голосом Альбер.

Мы горим желанием быть среди них. Нас лихорадит от нетерпения. Мы взываем к Пуйяду и Дельфино:

— Ну, а мы?.. Ведь не на праздник же мы приехали?..

Пуйяд пожимает плечами.

— Не беспокойтесь, драки хватит на всех, и даже с избытком. Немецкие истребители еще не появились. Они ждут, когда закончится эта мясорубка, чтобы напасть самим. Вот тогда и наступит наш черед...

Наступление продолжается. Словно обессиленная от гигантского напряжения, молчит артиллерия, но на землю, превращенную в пылающий костер, вступили танки. Они достигли основного узла сопротивления немецких позиций.

Гусеницами и огнем своих орудий второй эшелон танков разрушает последние укрепления, где противник еще продолжает сопротивляться. Витебск обойден и взят в кольцо. Орша взята! Русские по-прежнему продвигаются вперед.

В 8 часов вечера, когда сумерки еще не опустились на землю, полк «Нормандия» совершает боевой вылет в полном составе, разбившись на две группы. Одной командует Пуыйд, а другой — его заместитель майор Дельфино. В первой группе 22, во второй 17 истребителей. Обе они получают задание блокировать с воздуха Борисов, к окраинам которого подошла Красная Армия.

Немецкие истребители висят в воздухе. Радио с земли непрерывно предупреждает:

— Внимание, товарищи!.. Немецкие самолеты «фокке-вульф»...

Но в воздухе не только «фокке-вульф», «мессершмитты» тоже прибыли на свидание. Капитан Шалль и его ведомый Керне сбивают два первых истребителя Мессершмитт-109. Обстановка накаляется. Немцы застигают врасплох Лемара и Гастона. У Лемара повреждено управление, в фюзеляже самолета зияет огромная пробоина. Самолет Гастона поврежден более серьезно. Он переворачивается в воздухе, оставляя за собой дымный след. Мы не спускаем с него глаз. Секунда — и все кончено. Наши сердца наполняются гневом и яростью. Прощай, Гастон! Но бой требует полного напряжения всех сил. Муане и Табюре яростно преследуют двух фрицев. Муане за несколько секунд превращает немецкий истребитель в пылающий факел. Это месть за Гастона!

Шалль и Микель носятся над Борисовом в головокружительном хороводе. Вот Шалль сбивает один самолет противника, затем Микель подбивает другой. Но фриц, перед тем как признать себя побежденным, пытаясь выйти из крутого виража, стреляет длинной очередью и серьезно повреждает машину Микеля, который приземляется с убранным шасси в районе Орши.

Да, это была настоящая потасовка. Жаль одного:

3-я эскадрилья не принимала участия в этом бою. Вот о чем я думаю ночью, когда командир полка сообщает о результатах сегодняшнего боя: семьдесят три вылета, семь сбитых вражеских самолетов. Гастон погиб, но Микель спасся.

Дорогой старина Гастон! Война, участия в которой он добивался долгое время, окончилась для него в первом же бою.

Дальнейшие события разворачиваются так молниеносно и стремительно, что мы не имеем ни одной свободной минуты для оплакивания погибших. Наступление развивается успешно — это самое главное. Советские войска продвинулись вперед более чем

на 200 километров и рвутся к Неману. Не давая врагу передышки, они преследуют разрозненные остатки вермахта. Они захватывают десятки тысяч пленных, но еще больше остается убитых на поле боя. Немецкий фронт рухнул. Освобождена значительная часть советской территории. Захватчики беспорядочно отступают к Литве и Восточной Пруссии. Эти бои — большой успех генерала Черняховского, самого молодого генерала Красной Армии. К сожалению, он не увидел дня окончательной победы. Позднее Черняховский погиб от вражеского снаряда в районе Кенигсберга, во время объезда района боевых действий.

Мы по-прежнему базируемся в Дубровке и, следовательно, несколько отдалены от района боевых действий.

Однажды русские нам рассказывали о необычайном случае, приключившемся с полковником Голубовым, командиром 18-го гвардейского авиаполка. Во время преследования на бреющем полете «мессера» его самолет загорелся, подбитый огнем зенитной артиллерии. В это время он летел со скоростью 400 километров в час. Голубов уменьшил скорость до 200, снизился, открыл фонарь кабины и выпрыгнул без парашюта из объятый пламенем машины.

— Он, конечно, погиб! — невольно вскрикиваем мы.

— Нет, он жив! — взволнованно говорит нам полковой врач, очевидец этого необыкновенного случая. — Голубов катился по земле более двадцати метров, потеряв сознание от страшного удара при падении.

Действительно, около полудня перед застывшими в строю летчиками 18-го полка и «Нормандии» приземляется «дуглас». Перед притихшим строем к самолету проносят на носилках полковника Голубова с перевязанной головой. Когда носилки оказываются около нас, огромным усилием воли он заставляет себя приподняться на локтях. Глубокие складки избородили его мертвенно-бледное лицо. У него повреждены тазовые кости, сломано пять ребер, трещины на черепной коробке, все тело в сплошных ссадинах. Слабым, едва слышным голосом он, словно пришелец с того света, произносит слова, которые я никогда не смогу забыть:

— Товарищи летчики 18-го полка и вы, наши друзья — французы из «Нормандии»... Я сожалею, что вынужден вас покинуть. Но очень скоро я вернусь и буду с вами до окончательной победы. Поклянитесь мне, что вы свято выполните ваш долг! До скорой встречи, друзья! Слава Красной Армии!

В один голос мы выкрикиваем:

— Клянемся!..

Через шесть месяцев полковник вернулся к нам. Было тяжело смотреть, как он ковылял по полю, словно собранный из разрозненных частей. Но едва он немного поправился, как сразу же вылетел на очередное боевое задание во главе 18-го полка, сдержав таким образом данное им слово. Он командовал нами до окончательной победы. Этот человек сумел победить даже смерть.

Снова для нас наступает затишье. Наше времяпрепровождение в эти дни напоминает период каникул, хотя никто из нас не хочет и думать об отдыхе. Андре, специалист по ловле раков и великий строитель, пытается запрудить речку и устроить купальню. Вода в речке заметно красноватого цвета, но мы не обращаем на это никакого внимания, пока в один прекрасный день Андре не врывается в наш блиндаж с громким криком:

— Вы не знаете, что я только что выяснил?..

Мы, разумеется, молчим.

— Ну так вот. В течение двух недель мы бултыхаемся в речке и не знаем, что выше нас по течению на берегу расположился госпиталь, где оперируют и лечат тяжелораненых. Теперь вы поняли, откуда красноватый цвет и аптечный запах...

Это открытие бросает нас в дрожь, но потом мы перестаем думать и об этом.

Вскоре мы узнаем об исчезновении Фалетана. Вместе со своим механиком он вылетел на Як-7, чтобы отремонтировать свой истребитель, который из-за аварии оставил в 50 километрах от Дубровки. Два дня мы ждем его возвращения. Но ни Фалетан, ни механик не вернулись. И лишь спустя несколько месяцев русские солдаты нашли останки Фалетана и механика в лесу, у разбившегося-Як-7. Стал ли он жертвой какой-либо неисправности или добычей немецкого истребителя? Никто никогда не сможет ответить на этот вопрос...

1 июля Пинон и Перрэн достойно отплатили за смерть товарища. Юнкерс-52 на бреющем полете углубился на 200 с лишним километров за линию фронта. Пинон и Перрэн заметили его и одновременно открыли огонь. Они прошли пулеметными очередями сначала правый, затем левый мотор «юнкерса», и он врезался в сосновый лес на скорости свыше 300 километров в час. Отличная работа!

В конце июля нам объявили о перебазировании ближе к фронту. Хорошо осведомленные люди, Альбер, разумеется, в их числе, утверждают, что мы будем действовать у границ Польши, вдоль берегов Немана. Ходят также слухи, что нас направят в район Докудово, где базируются три советских истребительных авиационных полка, которые, говорят, попали в большую

переделку. Аэродром, на котором находились самолеты, подвергся нападению большой группы немцев, пытавшихся выйти из глубокого окружения. Летчики вынуждены были отбивать атаку огнем авиационных пулеметов.

В ожидании перебазирования командир полка Пуйяд использует наше непродолжительное бездействие, чтобы уточнить подробности гибели Гастона и Фалетана. Де Панж и Пистрак на По-2 совершают воздушную разведку до самого Докудово. На обратном пути к аэродрому они замечают на поле остатки сгоревшего самолета и решают идти на посадку. То, что с ними произошло дальше, теперь нельзя вспоминать без смеха, однако эта история могла бы закончиться самым неприятным образом.

Исследовав обломки, они установили, что здесь разбился какой-то другой самолет.

— Возвращаемся, Пистрак, — коротко бросает всегда лаконичный в разговоре де Панж, — залезай.

Пистрак забирается в кабину и усаживается. Де Панж, безразличный ко всему, что его окружает, включает зажигание. И вдруг из соседних кустов выбегают два русских солдата. Угрожающе размахивая пистолетами и автоматами, они подбегают к самолету, вскарабкиваются на крылья и кричат:

— Кто вы?

— «Нормандия», — отвечает де Панж.

В гуле работающего мотора солдатам слышится «Германия»... С руганью они хватают де Панжа и Пистрака за шиворот, стаскивают на землю и приставляют дула пистолетов к их вискам. Чудом солдаты не стреляют в своих жертв. Наша военная форма не может внушить им доверия. К счастью, к Пистраку скоро возвращается дар речи, и только после часа нудных объяснений ему и де Панжу было разрешено улететь.

14 июля поступает приказ о нашем перебазировании. Серая, пасмурная погода. Низкие тучи. Липкий, сырой воздух. Вещи собраны мгновенно. «Дугласы» вылетают с большей частью обслуживающего персонала. Мы должны присоединиться к ним в литовской деревушке Микунтани, на полпути между Вильно и Лидой.

1-я эскадрилья с Пуйядом во главе взлетает и исчезает на горизонте на небольшой высоте. Затем в воздух поднимается 2-я эскадрилья под командой капитана Мурье. Наступает наш черед. Я запускаю мотор, за которым с такой любовью ухаживает мой верный Лохин. Механики относятся к нам с чувством трогательной дружбы. Надо видеть их лица, их горящие взгляды, их счастливые улыбки, когда мы сообщаем им о наших победах.

Они радуются больше, чем мы. Но когда кто-нибудь из наших не возвращался, нам нередко приходилось наблюдать, как они уединялись, чтобы выплакать свое горе.

Все готово. 3-я эскадрилья сейчас вылетает. Но что это?.. Внезапно на бреющем полете появляется одно из звеньев 2-й эскадрильи. Мы стараемся разглядеть на машинах номера. Это самолеты де Сейна и Лебра. Матрас делает мне знак убрать газ. Лебра приземляется совершенно спокойно, но де Сейн беспомощно кружится над аэродромом, словно не видя его. И тут мы замечаем, как белая полоса дыма вьется вдоль фюзеляжа. Нетрудно определить, что это утечка бензина. Майор Дельфино подбегает к микрофону и настойчиво повторяет:

— Де Сейн, прыгайте! Де Сейн, прыгайте!

Кто-то подбегает к Дельфино:

— Мой командир... У де Сейна в хвостовом отсеке фюзеляжа находится его механик, сержант Белозуб...

Лицо майора мгновенно хмурится. Он понимает, какая трагедия происходит сейчас в воздухе, и отходит от передатчика. Жизнь де Сейна больше ему не принадлежит. Конечно, де Сейн может еще спастись, выпрыгнув с парашютом, но это означает верную смерть механика. Решение принадлежит русским. Прибегает один из советских офицеров, которого уже поставили в известность о случившемся. Он кричит в микрофон:

— Де Сейн, прыгайте! Я приказываю!

Но лейтенант де Сейн продолжает бороться за жизнь сержанта Белозуба. Он старается сделать все возможное, чтобы посадить машину. Но это ему не удастся. Самолет свечой взвивается в небо, сваливается на крыло, переворачивается на спину, пикирует, выравнивается и, переваливаясь с боку на бок, устремляется к посадочной полосе, но идет или поперек или под углом, но только не по оси. Де Сейн не видит полосу и прекрасно отдаёт себе отчет в том, что нормально приземлиться ему не удастся. Он прибавляет газ. «Як» встает на дыбы, задрав нос в небо. Картина ужасная. В последний раз де Сейн пытается посадить самолет вслепую. Самолет, словно взбесившись, делает свечу, опрокидывается на спину, ударяется о землю и исчезает в огромных языках пламени в нескольких сотнях метрах от нас.

Бледные и безмолвные, наблюдали мы за этой страшной трагедией. Поступок де Сейна, отказавшегося выпрыгнуть с парашютом. Только потому, что это не спасало его механика, — один из самых потрясающих героических подвигов, очевидцами которых мы были во время этой войны. Со сжавшимся от горя сердцем, но полные гордости за то, что француз так высоко поднялся в своей отваге, мы в полном молчании наблюдали за

его борьбой. Я потерял близкого друга, с которым все годы учился в лицее Сен-Луи и вместе готовился к поступлению в летную школу. Он должен был вот-вот получить звание капитана. Еще в то утро я завтракал вместе с ним. Де Сейн был чуткой, благородной натурой, скромный и простой.

В приказе по дивизии и в статье, напечатанной во фронтовой газете, особо подчеркивалось величие подвига де Сейна. Его подвиг приводился как самый убедительный пример боевого содружества полка «Нормандия» и Советских Военно-воздушных сил.

Через два часа после этой драмы на аэродроме в Микунтани полк «Нормандия» в торжественном строю почтил память лейтенанта Филиппа де Сейна и его механика Белозуба минутным молчанием. Так старинная французская семья, находившаяся за несколько тысяч километров отсюда, лишилась своего единственного сына.

Полк «Нормандия» покинул Белоруссию. Он перебазировался в Виленскую область. На новом месте нас встретила совсем иная жизнь. Дома, люди, их образ жизни и обычаи — все это совершенно отлично от того, что мы только что покинули. Деревянные строения уступили место каменным или кирпичным домам под черепичной крышей. Мы находим, что местность здесь похожа на поля Нормандии. Фермы кажутся зажиточными. Они группируются вокруг приходских церквей, как и во французских деревнях. Ферма, где размещаемся мы, имеет большое хозяйство и даже ручную колонку, чтобы качать воду, какие часто можно встретить у нас. Несколько часов назад мы находились в мире, со всех точек зрения непохожем на тот, в котором родились. Прыжок всего лишь на 400 километров, но нам уже кажется, что мы вернулись в свои родные края. Природа здесь чудесная...

— Все для туризма, — шутит Альбер, прищелкивая языком.

Маленькое озеро, воды которого подходят к стенам домов, становится нашим бассейном. А кругом раскинулись сосновые рощи, прорезанные хлебными полями, несмотря на войну переливающимися волнами золота. — Мой капитан, — обращаюсь я к Матрасу, — если вы не видите в этом чего-либо предосудительного, с вашего разрешения я буду спать на улице. У меня достаточно сил, чтобы перенести укусы польских комаров на свежем воздухе, но ночью в доме, оставаясь наедине с клопами, я чувствую себя абсолютно беспомощным... Матрас недоволен:

— Делайте все, что вам угодно... Но я должен вас предупредить, что, по словам русских, в окрестностях бродят банды немецких солдат. Они отрезаны от своих и стараются любой ценой вновь с ними соединиться. Иногда по ночам они посещают фермы, желая раздобыть что-либо из еды... Ну, а если, черт возьми, они вас застанут в таком мечтательном созерцании звезд?..

Несмотря на искренний совет, Ирибарн, Соваж, Микель, Шалль и я в течение двух недель нашего пребывания на этой ферме спали на открытом воздухе, предпочитая вероятный удар немецкого штыка неминуемым укусам клопов.

Первые дни мы посвятили приятному ничегонеделанью: веселые пирушки, способствующие пищеварению прогулки, сделки на «черном рынке». Я превратился в крупного специалиста по вопросам «черного рынка». Однажды ко мне обратился Матрас:

— У меня есть две рубашки еще из Англии, шерстяные

кальсоны и пара туфель. Что я могу получить за это?..

Видимо, желание попировать захватило и его.

— Мой капитан, — с видом знатока ответил я, — вам дадут два литра самогона, утку, две курицы и два десятка яиц.

Обычно одну рубашку обменивали на один литр самогона. Двор фермы, где мы жили, был похож на пеструю ярмарку, настолько здесь перемешалось многообразие красок и птичьих криков.

Среди нас выявились повара самого высшего класса.

Одни были специалистами по приготовлению кур, другие — фаршированных уток, третьи — рагу. Благодаря самогону атмосфера на пирушках была непринужденной и веселой: много шуток, анекдотов, песен.

Иногда по утрам механики 1-й эскадрильи организовывали «охоту», в которой принимали участие Пьерро, Казанев, Микель, Шалль и я. Как только становилось известно, что в соседних лесах появилась немецкая банда, мы немедленно превращались в ударную группу. С автоматами в руках, гранатами на поясе, с нашим верным ТТ на боку углублялись мы в лесную чащу зеленых польских массивов.

Мы устраивали засады, замаскировавшись в кустах обычно вблизи пересечения лесных тропинок и дорог. Держа палец на спусковом крючке, мы ждали наступления темноты, зная, что немцы могут появиться только ночью.

Время проходило в зловещем ожидании. Многие томительные часы слышался только легкий шум ветра в верхушках деревьев, поскрипывание сосен, крик одинокой лисы, завывание волка. И вдруг, именно тогда, когда все начинали уже клевать носом, какой-то посторонний звук нарушал тишину. Это был едва различимый шорох, непохожий на остальные шорохи ночи. Слабые звуки, выпадающие из величественной симфонии ночного леса: осторожные шаги, шепот, бряцание оружия, приглушенная ругань. Вот на темном фоне зелени вырисовываются колеблющиеся тени вооруженных людей. Принудить их сдаться — задача не из легких. Мы стреляем наугад. По команде трещат все наши десять автоматов... Крики... Падают тела... Несколько одиночных выстрелов в ответ. Затем наступает тишина и ожидание рассвета. Иногда находили трупы, иногда их не было. Но всегда широкие полосы крови на мху показывали, что наши пули достигли цели.

Изредка мы направлялись на экскурсию в Вильно, и тогда впечатление, что мы приближаемся к Франции, еще больше усиливалось. Нет больше изб, нет куполов. Перед нами дома, построенные в готическом стиле, отели международного класса,

напоминающие отель «Палас» в любой столице. В некоторых кварталах война не оставила никаких следов, хотя в Вильно происходили ожесточенные бои и на городском кладбище прибавилось восемь тысяч немецких могил. Потом мы занялись посещением польских деревушек, где старались усовершенствовать нашу науку обмена и завязать небольшие знакомства, которые забывались на следующий день. Однажды под вечер, возвращаясь с Ирибарном после обычной прогулки, мы видим, что на ферме идет бой. Автоматические зенитные орудия превращены в полевые и бьют прямой наводкой. Сильно пахнет гарью.

— Наверное, это бродячие фрицы, остатки вермахта, — говорит Ирибарн. — Голод заставил их все-таки выбраться из леса.

— Наверняка. Но как же нам быть? Как пробраться к себе? Они могут нас подстрелить, как куропаток...

Мы решаем не подавать никаких признаков жизни, чтобы действительно ее не потерять, и в ожидании конца суматохи проводим ночь, забравшись в лесную чащу.

Хорошая мысль!

Наутро узнаем, что группа немцев с полным презрением к смерти атаковала ферму и русские солдаты встретили их огнем, получив до этого приказ стрелять без предупреждения, как только что-нибудь покажется им подозрительным.

Наконец дни безделья и праздности заканчиваются. Возобновляются вылеты. Началась битва за Неман. Вылеты для блокирования с воздуха Каунаса — столицы Литвы — следуют один за другим.

Майор Дельфино предупреждает нас, что зенитная артиллерия врага действует в последнее время особенно активно. 28 июля около семи часов утра вылетает одно звено 4-й эскадрильи с задачей патрулировать в зоне, которая казалась такой спокойной и безопасной. Внезапно в эфир врывается голос капитана Шалля:

— Внимание, зенитки! Внимание, зенитки!

Немцы открывают редкий, размеренный огонь по нашим самолетам. Похоже, что в этом секторе батареи противовоздушной обороны обслуживаются настоящими снайперами. Через несколько минут самолет Женеса сильно поврежден. Машина де Шарраса вспыхивает в воздухе, и он прыгает с парашютом. Через час его находит де Панж.

Мы покидаем Микунтани и перелетаем в Алитус — городок, расположенный километрах в пятидесяти к югу от Каунаса, на левом берегу Немана. Окруженный кокетливыми виллами, он

кажется вымершим. Городской мост, построенный по последнему слову техники, взорван, и его фермы покоятся в водах реки, лениво бегущей к Балтийскому морю.

Трупы повсюду: на тротуарах, в домах, на берегу реки, в реке. В личном блокноте де Пенверна, парня из 3-й эскадрильи, сохранилась такая запись: «Алитус, 30 июля 1944 года, на берегу Немана. Купался в реке, окруженный плывущими по течению трупами немецких офицеров!» И это настоящая правда.

Наш новый аэродром находится на территории бывшей литовской авиабазы, служебные и жилые помещения которой были полностью уничтожены еще во время наступления немцев на Москву. Солдатская казарма служит нам столовой, а Мы сами удобно разместились в небольших коттеджах на правом берегу Немана.

Едва устроившись, мы устремляемся в пустынный город, раскинувшийся на противоположном берегу. Я кричу Соважу:

— Если хочешь разделить с нами компанию, придется побарахтаться, переплывая Неман!

Но Соваж оказался хитрее. Едва успел я очутиться в воде, раздевшись донага, как он уже гнал какую-то лодку, орудуя веслом.

Город Алитус ужасно разрушен. Двери домов сбиты с петель ружейными прикладами. Все разбито, загажено, уничтожено. Можно без преувеличения сказать, что здесь бились буквально за каждый метр.

Мне выпала честь участвовать в первых воздушных боях 30 июля. Под командованием Матраса мы патрулируем четырема парами. Погода установилась хорошая. Лишь редкие облака могут укрыть нас от врага. Пролетая над Сувалками, находившимися еще у немцев, Шалль и Беиссад увидели четыре вражеских самолета и вступили с ними в бой. На полной скорости Матрас и я следуем за нашими товарищами и ввязываемся в схватку. Перед нами четыре истребителя «фокке-вульф», сопровождающие бомбардировщиков Юнкерс-87 и Юнкерс-88. Летчики люфтваффе, «усачи», как мы их называем, бьются как львы.

Первым одерживает победу Андре, и мы видим, как летчик подбитого самолета прыгает с парашютом. Наши рации не умолкают ни на одну минуту:

— Внимание, Пен!

— Берегись, Ле Мартело!

— Монье, развернись!

В наушниках сплошной рев и визг. Мы кружимся, как сумасшедшие. Я делаю крутой вираж и в перекрестии прицела

успеваю заметить черную свастику немецкого самолета. Резко нажимаю на гашетку и даже не стараюсь увидеть результаты. Меня пьянит запах пороха. Мой самолет кружится, пикирует, как бешеный, Взвивается свечой, делает перевороты. Зубы у меня стиснуты, в висках стучит. Остальные пары потеряны из виду, и я остался один в небе над Сувалками. Кончились боеприпасы. Вдали сверкающий Неман — чудесный ориентир. Десять секунд бреющего полета, и я на аэродроме. Я горю, как в лихорадке. С нетерпением ожидаю разбора атаки. Монье и Бейссад отсутствуют. Андре отделался благополучно, но его «як» весь изрешечен. Осколком зенитного снаряда у него оторвало элерон и часть крыла. Но он все-таки сбил одного «фокке-вульфа». Ле Мартело сбил другого, а Шалль — бомбардировщик Юнкерс-87.

В половине пятого наступает очередь 4-й эскадрильи схватиться с Мессершмиттами-109, которые ожесточенно атакуют группу штурмовиков. Поздравляем Перрэна, который, уничтожив одного из «мессеров», спас летчика-штурмовика, жизнь которого висела на волоске. Перед заходом солнца вылетает 1-я эскадрилья. Она настойчиво, но безуспешно преследует восемнадцать «фокке-вульфов». По возвращении Альбер и де ля Пуап не скрывают своего раздражения. К тому же, так и не вернулись Бейссад и Монье. Поэтому, несмотря на узаконенные сто граммов водки, в столовой в этот вечер царит угрюмая тишина. Однако мы рано начали оплакивать исчезнувших Бейссада и Монье. Уже на следующий день после боя нам стало известного том, — что Монве, прыгнув с парашютом, опустился в пятидесяти метрах от русских окопов, где был подобран русскими солдатами под самым носом у немцев. Правда, Бейссад объявился только после войны, вернувшись из плена. В тот же день возвратился из Москвы командир полка Пуйяд. Он привез с собой письма и массу новостей. — Господа, — объявил он летчикам, — в июне число наших официально признанных побед достигло восьмидесяти восьми, и мы занимаем сейчас второе место среди французских истребительных частей, действующих на всех фронтах. Кроме того, Сталин подписал приказ о присвоении полку «Нормандия» наименования «Неманского» за участие в боях по форсированию реки Неман. Отныне наш полк будет называться полком «Нормандия — Неман»!

Бои становятся все более ожесточенными. Враг бешено сопротивляется. 1 августа 3-я эскадрилья атакует большую группу самолетов в составе свыше пятнадцати бомбардировщиков Юнкерс-87, сопровождаемых двенадцатью истребителями «фокке-вульф». Вместе с нами в бою участвует заместитель генерала

Захарова майор Заморин. Сегодня нам как никогда надо показать свое умение. Мурье бьет наверняка. «Фокке-вульф» переходит в штопор и взрывается. Фельдзеру не везет. Немец поливает его огнем всех своих пулеметов. Самолет загорается. А когда горит «як», все заканчивается быстро. Единственное спасение — парашют. Фельдзер открывает фонарь кабины. Ослепленный дымом и огнем, он выпрыгивает с парашютом. И... опускается на территорию, занятую немцами, где его захватывают в плен.

С обожженными руками и лицом, ничего не видя из-за распухших от ожогов век, он едва ощущает удары, которые сыплются на него градом. Фельдзера приводят на командный пункт, а затем переправляют в штаб. Там его подвергают нескончаемым допросам, сопровождаемым ударами и угрозами:

— Вы же француз! Почему вы сражаетесь в России? Значит, за деньги? Вас сейчас расстреляют на месте! Где находится ваш полк гнусных изменников?..

И удары опять сыплются на распухшее лицо Фельдзера. Но мужество и сила воли его таковы, что немцы, так и не сумев сломить его дух, отказываются от дальнейших допросов.

Однако приключения Фельдзера на этом не заканчиваются. Его бросают в лагерь военнопленных. Он бежит оттуда, пересекает всю Германию, пробирается во Францию и хочет немедленно вернуться в Россию. Но на это у него не хватает времени. Конец войны застаёт Фельдзера в одной из столиц балканских государств, откуда он самолетом намеревался добраться до Москвы.

Несколько часов спустя после печального случая с Фельдзером аспирант Пинон, выпрыгнув с парашютом из машины, подбитой огнем зениток, также попадает в плен. Все говорит о том, что он был зверски убит, как и большинство наших летчиков, захваченных в плен.

В этот же день Лорийон утрачивает «невинность»: вместе с Ле Мартело он сбивает свой первый Юнкерс-87. Я даже немного завидовал ему. Заметив мое хмурое лицо, Лорийон, похлопав меня по плечу, сказал:

— Барон, это не так уж трудно. Ты пристраиваешься в хвост фрицу и, когда видишь, что черные кресты начинают лезть тебе в глаза и ты вот-вот дотянешься рукой до свастики на хвосте самолета, нажимай на гашетку, и он хорош для гроба. Не вешай носа! Скоро придет и твоя очередь.

Лорийон, любитель стрельбы с близкой дистанции, через месяц таранит истребителя «фокке-вульф». Он настолько прижался к нему, что срезал своим крылом киль вражеского самолета.

Ночью мы подвергаемся первой бомбежке. Звено «хейнкелей» забрасывает нас небольшими бомбами. Загорелись три самолета. Я не двигаюсь. Бежать все равно некуда. Укрытия пока еще не вырыты. Кроме того, я страшно устал. Зенитки вступают в игру и присоединяются к концерту. Взрывы бомб сотрясают землю, и наши деревянные бараки качаются, как корабли во время шторма. Микель тормозит меня:

— Слушай, барон! Может быть, лучше все-таки укрыться?..

Я сонно бормочу:

— Негодяи! Мешают нам дрыхнуть... И еще такое освещение от зажигательных бомб! За все это они дорого заплатят!

Несмотря на непрерывную работу, несмотря на усталость, мы находим время «приземлиться», то есть найти понимающую, сострадательную душу, которая помогла бы нам забыть всю суровость нашей жизни. Конкуренция жестокая! Перевернув вверх дном весь Алитус, куда начинают возвращаться жители, мы все же отыскиваем какую-нибудь подругу, соглашающуюся погулять с нами по берегу Немана, по лесу, где мы собираем фиалки, цветущие иногда рядом с трупами немцев. С Андре и Пенверном мы организуем на реке необычную рыбную ловлю с помощью гранат или просто взрывчатки. Оглушенная рыба сотнями всплывает на поверхность. Вот тогда и начинается спорт! Приходится бороться с быстрым течением, чтобы собрать рыбу. Но зато вечером вся эскадрилья угощается довольно изысканным блюдом, приготовленным из неманского палтуса.

От нас уезжают прикомандированные к полку два советских офицера: капитан Шурахов и офицер связи Кунин. Короткая прощальная церемония. Пуйяд вручает им ордена Военного креста. Бриэ доставляет их в Москву. В этот же день их заменяет майор Вдовин, вместе с которым мы воюем до самой победы.

На фронте опять все спокойно. Наши действия в основном ограничиваются прикрытием самолетов Пе-2, которые производят аэрофотосъемку линии фронта.

Наступило 8 августа — день моего рождения. Я был озабочен с утра. Мне хотелось достать несколько литров самогона и водки, чтобы достойно отметить с друзьями из 3-й эскадрильи мои 24 года. Господь бог меня не оставил. В этот день прилетел самолет с почтой, сигаретами, новыми званиями... Правда, на меня приказа не было, я по-прежнему остался аспирантом. Зато повышения в чине других, как по волшебству, заставили появиться на свет тщательно запрятанные бутылки, и моя годовщина слилась с радостным событием в жизни тех, кто поднялся выше по служебной лестнице. Всю ночь стоял страшный галдеж.

Вскоре до нас доходят слухи, будто немцы сосредоточили на нашем участке фронта более семисот истребителей и бомбардировщиков и подготавливают серьезный массированный удар.

Однако нас еще больше ошеломили сообщение переводчика Эйхенбаума о том, что к нам со дня на день должен поступить новый истребитель — Як-3, И пока мы его ожидаем, Альбер подводит итоги боевой деятельности полка на Восточном фронте за период второй кампании, то есть за три последних месяца.

— Тысяча пятнадцать боевых вылетов, двенадцать безусловных побед, три вероятных. Погибло шесть наших летчиков.

Чудесным утром 13 августа полк, по-прежнему базирующийся на аэродроме в Алитусе, «отхватил» знаменитые истребители Як-3. Советские летчики-перегонщики, прилетевшие на них из Саратова, выстроили машины около КП. Весь личный состав полка устремился к ним! Всех охватило необычайное возбуждение. Я одним из первых подбегаю и начинаю поглаживать самолет, которому отныне будет вверена моя жизнь.

Славный Лохин стоит рядом со мной.

— С такими машинами, — восклицает, он, — войне скоро конец!

Распределение новой техники между четырьмя эскадрильями не проходит без споров и взаимных упреков. Каждый, выбрав себе определенный самолет, который по неизвестным причинам кажется ему лучше всех остальных, с ожесточением защищает то, что рассматривает уже как свою собственность. Истребитель Як-3 — очень легкий по весу самолет, имеющий, безусловно, много общего с истребителем Як-9, но отличается от него более высокими летными качествами, более совершенной формой и тщательностью отделки. Русские инженеры, работавшие под руководством конструктора генерала Яковлева, изменили очертания фюзеляжа, заметно усовершенствовали мотор и улучшили оборудование кабины. Обзор изумительный, особенно вперед. Самолет обладает отличной маневренностью. При выполнении «свечи» создается впечатление, что машина никогда не остановится. На пикировании самолет развивает большие скорости. Не успеешь отдать ручку, как стрелка уже показывает скорость свыше шестисот километров в час. Это, безусловно, достоинство, которым, однако, нужно уметь пользоваться. Вооружение прежнее: 20-миллиметровая пушка во втулке винта и два синхронных крупнокалиберных пулемета.

Единственный недостаток — на первых машинах не особенно надежно выпускались шасси. Но это не в состоянии уменьшить нашего энтузиазма. Мы с горящими от восхищения глазами вертимся около новых машин.

— Ну, как? Нравится?

— Спрашиваешь! Теперь попадись нам «фокке-вульфы» и «мессершмитты»...

Звуки гонга приглашают нас на сбор: предстоит экскурсия в Каунас. Едем в удобном немецком автобусе, взятом в числе других военных трофеев под Сталинградом. Шоссе тянется вдоль Немана через живописные деревушки, почти не пострадавшие от

войны. Разбитые немецкие танки, валяющиеся в придорожных канавах, словно вехи, отмечают путь победы.

Каунас раскинулся на обоих берегах Немана, но большая часть города — на правом. Советские саперы строят деревянный мост вместо каменного, взорванного немцами во время отступления.

Перед войной Каунас насчитывал 150000 жителей, преимущественно литовцев и евреев. Последние занимали особый квартал на окраине города, отделенной небольшим холмом. Они жили в деревянных и кирпичных домиках, построенных для них русскими в 1940 году после вступления в Польшу и Литву. Немцы превратили еврейский квартал в концентрационный лагерь. Они опоясали его колючей проволокой, выйти за которую можно было только через сторожевой пост, охраняемый часовыми. Ежедневно на рассвете собирали мужчин и производили проверку. Затем их отправляли на строительство укреплений, и если вечером обнаруживали, что кто-либо сбежал, то его семью, даже детей, тут же расстреливали. Евреи умирали от голода, и литовцы всячески старались передать им что-нибудь из продуктов. Мучения евреев продолжались три года и трагически закончились 14 июля, за несколько дней до прихода советских войск. В этот день немцы зверски уничтожили всех евреев. Войска СС заставили хозяев заминировать собственные дома, в которых были заперты семьи. Затем эсэсовцы приказали несчастным самим подорвать свои жилища. Страшный взрыв потряс город. Чудом уцелевшие при взрыве обезумевшие от ужаса люди были безжалостно расстреляны эсэсовцами все до последнего человека.

Когда мы очутились на месте каунасского гетто, то увидели тысячи обезображенных трупов, разбросанных среди обломков жилищ. Потрясенные, мы сфотографировали эту ужасную картину. Когда мы вернулись в город, только у меня одного хватило сил говорить. Я глубоко убежден, что отчетливо выразил мысли каждого в моих товарищей в следующих словах:

— Подлые негодяи! Они заслуживают того, чтобы ими поступали так же. Но они знают, что на такое зверство никто не способен. Очень жаль, что мы никогда не сможем заставить их полностью ответить за те несчастья, которые они причинили людям...

Не удивительно, что после этого страшного видения мы не получили большого удовольствия от осмотра Каунаса. Мы медленно прошли по главной улице города — широкой аллее, обсаженной деревьями, где когда-то старички мирно совершали свои послеобеденные прогулки, мельком взглянули на оперный театр и здания официальных учреждений. Наше внимание не

привлекла и величественно возвышающаяся в конце бульвара Сталина православная церковь, представляющая собой смесь византийского стиля и рококо. Магазины пусты, кафе безлюдны. Создавалось впечатление, что мы попали в вымерший город. Однако вскоре нас окружили тесной толпой каунасы — исключительно вежливые, внимательные и любезные люди.

— Вы француз? — кричит мне один из толпы.

— Разумеется!

— Парижанин?

— Да...

— Это здорово! Я жил там.

И вот, пораженный, я слышу настоящее аргю парижских рынков.

Нас окружают красивые, элегантные женщины, аккуратно и со вкусом одетые. Используя «эсперанто», состоящее из смеси русского, литовского и английского языков, завязываем беседы, которые преследуют, конечно, вполне определенную цель. Меня приглашает к себе жена одного врача, владельца очаровательного домика на набережной. Но едва я успел опробовать удобство кресел, как приходится уходить. И капитан Матрас, видя мою раздосадованную физиономию, покатывается со смеху:

— Не расстраивайтесь, де Жоффри, вам еще не раз представится возможность вернуться сюда!

Вечером в столовой командир полка обращается к нам с небольшой дружеской речью:

— Господа! Отдых окончен. Приступаем к работе. Командование требует от нас использовать каждый вылет для того, чтобы уничтожать как можно больше бошей^[23]. Где бы они ни находились: в автомобиле, на лошади, в самолете, в строю или в одиночку — мы должны повсюду их атаковать и уничтожать. Их надо преследовать неотступно, не давая им ни малейшей передышки.

В соответствии с этим приказом начались наши первые такие вылеты. Грузовики, поезда на станциях, конные обозы, солдаты на полях — все попадало в прицел. Точность огня нового истребителя Як-3 была исключительной. Настоящая артистическая работа, правда, не всегда безопасная.

В этих своеобразных боевых действиях особенно отличаются летавшие в паре Шалль и Микель. Они — первоклассные воздушные снайперы, которые тщательно отшлифовывают каждый маневр. Иногда для, лучшего прицеливания они спускаются так низко, что буквально прижимаются к земле и нередко на ступице винта или на хвостовом оперении доставляют на аэродром обрывки телеграфных проводов.

— Мой капитан, — докладывает как-то Шалль. — Я был вынужден спуститься несколько ниже обычного, чтобы обстрелять группу фрицев, которые занимались починкой телефонной линии. Если даже они и не перебиты все, то, по крайней мере, я прибавил им работы, захватив с собой все провода.

25 августа Дуар, который все свое свободное время проводит у приемника на полковой радиостанции, врывается в нашу комнату. Лондонская Би-Би-Си только что передала сообщение о том, что войска генерала Леклерка во взаимодействии с поднявшим восстание населением Парижа освободили французскую столицу. Париж освобожден! Новость мгновенно распространяется по лагерю. Русские нас обнимают. Инженер-капитан Агавельян устраивает салют, и начиная с девяти часов утра все, что может стрелять, стреляет! Наиболее оптимистически настроенные уверены в близком конце войны. Разгромленные на Востоке и разбитые на Западе, фрицы не могут больше тянуть с капитуляцией. Голько Альбер не разделяет всеобщего ликования:

— Не обманывайте сами себя, — охлаждает он наиболее горячие головы. — Фрицы так просто не опустят руки, не радуйтесь раньше времени. Вот увидите, они нас заставят еще помучиться!

Но никто не хочет слушать зловещие предсказания Альбера, который, однако, оказался так жестоко прав.

Через два дня устраивается грандиозный банкет. Пуйяда и Захарова буквально носят на руках. Каждый готовится к возвращению. Каждый видит себя уже вернувшимся на родину.

Но на следующий день наша радость омрачается гибелью Бертрана, одного из немногих, кому перевалило за сорок и кого называли ветераном дижонского звена, старым воякой. Летавший вместе с ним Марши сразу же после посадки с мертвенно-бледным лицом, по которому струился холодный пот, глухим голосом доложил о происшедшей драме:

— Мой командир! Около двенадцати часов мы находились к западу от Гумбиннена на высоте примерно 400 метров. Все было нормально. Вдруг я увидел, что Бертран начал пикировать на цель, которую я так и не мог разглядеть. Он мне только сказал по радио: «Пошли, Марши... Вперед!» Я следую за ним. Отдаю ручку. Скорость быстро увеличивается: 500... 650... затем 700 и даже выше. Я говорю себе: «Бертран излишне усердствует». Но не отстаю. Земля приближается с колоссальной быстротой. И вот в лучах солнца я вижу какой-то отделяющийся от самолета предмет, вероятно кусок правого крыла. Машина Бертрана сразу входит в штопор. Со скоростью более 750 километров она мчится к земле. Дикая скорость. Я лечу, как в тумане. От напряжения

перед глазами черные круги. Фонарь кабины сорван. Но вот рукоятка становится более податливой, мой «як» выходит из пике. Я спасен! Еще бы какая-то доля секунды, и я последовал бы за Бертраном до конца!

Старина Бертран! Он никогда не вернется в свою родную Бургундию, чтобы выпить кубок красного вина за встречу со своими земляками, о чем он говорил по московскому радио.

Нас предупреждают, что не следует развивать слишком больших скоростей на пикировании. И теперь каждый раз, когда мы с Матрасом устремляемся в пике, чтобы обстрелять немцев на земле, мои глаза постоянно следят за стрелками приборов.

1 сентября мы оказываем авиационную поддержку русской пехоте и танкам, которые проводят разведку боем с целью прощупать немецкую оборону к югу от Немана. Это нам позволяет увидеть собственными глазами исключительно четкое взаимодействие советской пехоты и авиации. Штурмовики, Пе-2, Ла-7, Як-3 подвергают непрерывным бомбардировкам и обстрелу укрепленные позиции немцев. Особенно страшные разрушения производят штурмовики. Это настоящие крылатые танки.

Война, любовь и кухня продолжают оставаться тремя движущими стимулами нашей жизни. Кюффо и де Сэн-Фалль вылетают на самолете за 100 километров от нашей базы, чтобы купить несколько кур. Мы устраиваем пиры Пантагрюэля, заканчивающиеся, как правило, сумасшедшим покером.

После бурно проведенной ночи вылетаем на «охоту». Во время одного из таких вылетов ветеран 1-й эскадрильи Дешане, заядлый курильщик и обладатель глотки, способной пропускать любую жидкость, лишь бы она была достаточно крепкой, захватывает врасплох немецкий танкер с бензином, на корме которого развевался огромный флаг со свастики. Команда судна, не разобравшись в отличительных знаках, приветствовала его самолет, дружно размахивая руками. Даже находясь один в кабине, Дешане не может удержаться, чтобы не состричь вслух: «Я вас заставлю сейчас по-иному шевелиться!» Он делает разворот почти над водой, и вот самолет уже над судном. Пулеметы и пушка выплевывают огненные очереди. После второго захода весь мостик залит кровью. После третьего захода судно, на котором то здесь, то там появляются языки пламени, теряет управление и, вертясь на водоворотах, скользит вниз по течению. Скоро оно налетает на сваи моста и взрывается. Это было последним эпизодом перед отлетом в Антоново, новым этапом на пути к Франции. Или, точнее, — не будем излишне красноречивы — на пути в Пруссию.

Антоново. Сегодня это название никому, кроме нас, уцелевших из полка «Нормандия — Неман», ни о чем уже не говорит. Антоново — это всего лишь небольшая деревушка, находящаяся неподалеку от железной дороги, которая связывает Каунас с Кенигсбергом. Она стоит в тридцати километрах от границы с Восточной Пруссией, в самом сердце района песков и сосновых лесов.

За время пребывания в Антонове полк пережил период наиболее активных боевых действий. Без преувеличения мы можем сказать, что никогда грозная опасность так низко не нависала над нами. С 19 сентября по 27 октября 1944 года задания, воздушные бои, штурмовки непрерывно сменяли друга друга в каком-то дьявольском ритме. Все летчики без исключения проделали громадную работу. Таких результатов, которых они добились за весьма короткий промежуток времени, не имела ни одна другая истребительная группа в мире. В Антоново наши ветераны из 1-й эскадрильи вновь встретились со своими знакомыми из БАО^[24], который обслуживал их еще в прошлом году под Орлом. Они поспешили сообщить об этом нам, новичкам.

— Вам повезло, ребята! Позаботятся о нас здесь отлично.

Личный состав четырех эскадрилий поселяется на ферме, превращенной в общежитие. Здесь мы поистине в настоящей деревне. Песчаная взлетная полоса зажата между двумя рядами домов. Неподалеку течет Шеклеп с множеством излучин вокруг деревни.

Сегодня дежурит 2-я эскадрилья. Несмотря на рано наступившую в этом районе осень, погода превосходная. А это означает непрерывную работу. Вот на бреющем полете над аэродромом проносится Мурье, возвращающийся с одиночного боевого задания. Над полем он совершает одну из фигур высшего пилотажа — «замедленную бочку».

— Клянусь, — восклицаю я, — одного ему удалось сбить!

Начало неплохое! А ведь мы здесь всего только одни сутки. Генерал Захаров будет доволен, ведь он говорил нам о том, что необходимо закрыть наглухо русское небо для немецких самолетов.

Предсказание оправдалось. Мурье вогнал в землю один вражеский самолет и, конечно, сумел бы сбить и другой, если бы не заело пушку. Пилоты обступили его плотным кольцом. Все поздравляют его с успехом.

— Я надеюсь, что сегодня выдадут дополнительно по сто граммов водки, — говорит Мурье.

Дневная порция водки, на получение которой мы имели право по вечерам после возвращения с боевых заданий, является предметом строжайшего учета. Двойную порцию выдают тогда, когда о наших победах пишут во фронтовых газетах. Статистика этих побед в Красной Армии ведется самым тщательным образом. Для того чтобы сбитый вражеский самолет был засчитан, необходим по крайней мере один свидетель. Им может быть второй летчик из звена или любой другой пилот, участвовавший в бою и подтверждающий факт падения подбитой вражеской машины на землю. Наземные войска могут быть также свидетелями. Благодаря им были засчитаны некоторые наши победы.

Кроме дополнительной порции водки, каждый сбитый самолет давал право на получение премии, размеры которой колебались в пределах от одной до пятнадцати тысяч рублей, в зависимости от типа сбитого самолета. Около трехсот тысяч рублей, примерно десять миллионов французских франков, полученных летчиками «Нормандии» до конца войны, были переданы ими в фонд обороны Советского Союза, и на эти деньги были построены новые истребители.

Теперь время исчисляется уже не днями, а боевыми вылетами, особенно заданиями по штурмовке. Для каждого находится паровоз, поезд, баржа, колонна автомашин, ферма, командный пункт... Все средства хороши в этой тактике постоянного изматывания противника.

Особенно отличается Карбон. Он ввязывается в драку при каждой возможности. То он вступает в поединок с Хейнкелем-111 на высоте более 7000 метров, то сражается один против четырех «фокке-вульфов», требует подкрепления и, когда ему по радио сообщают, что все самолеты находятся на задании, ловко выходит из боя и возвращается на базу. При посадке механизм выпуска шасси не срабатывает, но благодаря своему исключительному мастерству Карбон спасает свою шкуру. Едва успев переменить самолет, он снова поднимается в воздух и снова вступает в ожесточенный бой.

22 сентября. Осень только что началась, но над Пруссией уже дуют холодные, пронизывающие ветры, заставляя нас дрожать при мысли о приближении новой зимы. Еще одна зима! Альбер был прав... Во многом можно упрекнуть немцев, но только не в том, что они легко опускают руки.

В этот день звено в составе Вердые и Делэна начинает свою обычную работу, заключающуюся на этот раз в обстреле эшелона

на железной дороге Тильзит — Инстербург. После выхода из пикирования и горки, проделанной для того, чтобы избежать огня зенитной артиллерии, Делэн возвращается, надеясь присоединиться к своему напарнику. Но того нигде не видно. Серое, тяжелое небо пусто, как гладкая стена. Вердье исчез. Делэн вновь и вновь возвращается к месту атаки. Остается одна надежда: может быть, он на бреющем полете уже летит к аэродрому. Возвратившись в Антонове, Делэн выскакивает из кабины и спрашивает:

— А Вердье?..

Вердье не вернулся. Он исчез в этот день, 22 сентября, около семи часов тридцати минут утра, и тайна его исчезновения, вероятно, никогда не будет раскрыта. Тот, кого Бертран называл «ученым», оставил после себя в полку незаполнимую пустоту. До самого конца войны мы не хотели верить в его смерть и даже много лет спустя надеялись на одно из тех невероятных чудес, которые так часто свершались в военные годы и после войны, и ждали его возвращения.

Нам предстоит получить новые самолеты. Эту новость сообщает Альбер:

— Лоран, Ля Пуап, Кюффо, Амарже, собирайтесь. Мы вылетаем в Саратов. Побываем в Москве. Согласитесь, что я неплохой предводитель!

Лица отобранных летчиков расплываются в улыбке, настолько их радует предвкушение провести одну ночь в Москве. Остающиеся смотрят на них с черной завистью, которая, правда, в какой-то степени смягчается от перспективы пикантных повествований после возвращения. Но всех ждет разочарование. Группа, которую возглавлял Альбер, не прибыла ни в Саратов, ни в Москву.

В воздухе она получила приказание вернуться на базу. В России приказы тоже иногда отменяются.

По сугубо личным причинам, к огромному, но напускному неудовольствию Матраса и к великой зависти всех, включая даже командира полка, я больше не ночую в помещении, приготовленном для нас БАО. Я нашел себе пристанище в небольшом литовском хуторке, стоящем у самой границы летного поля. На самом лучшем из всех чердаков мира я наслаждаюсь отдыхом, спокойствием, тишиной и доброй кружкой холодного молока каждое утро. Здесь я нашел Стефу, прекрасную литовочку, которая каждый вечер успокаивает мои нервы, расшатанные ежедневными боями, напевая русские и литовские протяжные мелодии под гитару.

Всякий раз, вылетая на очередное задание, я проношусь над

хутором, и мой «як» дважды покачивает крыльями: это моя манера прощаться с той, что стоит у крыльца, размахивая подаренным мною платком, провожая меня в трудное путешествие, из которого я, может быть, и не вернусь.

Мне особенно запомнилось утро одного из сентябрьских дней. Матрас передал мне распоряжение:

— Барон, сейчас мы попробуем прибавить к нашему счету еще один железнодорожный состав. Трех хороших заходов, я надеюсь, будет достаточно.

Выполнение задания начинается с легкого покачивания крыльями над домом Стефы. Видимость отличная. Высота 1000 метров, и мой «як» скользит без какой-либо вибрации, мягко, как по маслу. Голос Матраса выводит меня из задумчивости:

— Внимание, барон. Подойдите ближе, осмотрим железную дорогу на Инстербург.

Для проверки нажимаю гашетки пулеметов и пушки, и в воздухе раздается треск короткой очереди. Теперь мы летим уже над железной дорогой.

Внизу, совсем рядом с нами, прямо в небо поднимается белый столб: это дым паровоза, в этом нет никакого сомнения.

— Алло, Матрас. «На 12 часов» вижу поезд.

Матрас покачивает крыльями самолета. Значит, увидел. Разворачиваемся и переходим в небольшое пики. Стрелка колеблется около отметки 500. Вот он — поезд!

Мы спускаемся еще ниже, летим параллельно составу в Некотором удалении, чтобы не обнаружить себя. Надо застигнуть состав врасплох, иначе он может увеличить скорость и скрыться в туннеле или его пассажиры успеют выпрыгнуть из вагонов. Кроме того, не стоит давать зенитчикам, если они сопровождают эшелон, возможности подготовиться к встрече. По-прежнему в легком пикировании мы скользим низко над землей. Разворот на 90°, и мы над целью! Теперь — не спускать глаз с прицела! Я отчетливо вижу силуэты товарных и пассажирских вагонов, сливающиеся в перекрестии прицела. Через десять секунд полета мы уже в пятистах метрах от дороги. Легкий разворот влево — это значительно увеличит сектор обстрела. Маневр окончен. Огонь! Резко нажимаю на гашетки! Трассирующие пули окаймляют паровоз. Он выплевывает пар во все стороны. Значит, котел пробит во многих местах. Вперед! Делаем заход с другой стороны. Глубокий вираж на бреющем полете. Огнем пушки и пулеметов я прочесываю состав по всей его длине. Зажигательные пули повсюду разбрасывают пучки огня. Солдаты, которым удастся спрыгнуть на насыпь, гибнут от осколков рвущихся боеприпасов. Французы, как известно, любят доводить до конца

начатое дело. Делаем третий заход. Весь состав объят пламенем, но Матрас и я еще раз бьем по паровозу. Паровоз буквально разваливается на куски, разрезанный длинными очередями наших 20-миллиметровых пушек.

В наушниках слышится голос Матраса:

— Внимание. Возвращаемся по-прежнему на брейющем. Задание выполнено!

Нам повезло, что немцы не прицепили к составу специального вагона с зенитными установками. Я присоединяюсь к Матрасу возбужденный, как школьник. Лихорадочное состояние боя во мне еще не затихло. Я стараюсь дышать более размеренно. Приближаемся к линии фронта. Все спокойно. Под нашими крыльями раскинулась притихшая равнина. Вдруг из рощицы в небо устремляются огненные молнии. Создается впечатление, что мы проходим полосу ужасной грозы! Все, кажется, оканчивается благополучно. Я облегченно вздыхаю, стараюсь успокоить сердцебиение, приговариваю вслух: «Не так-то просто подбить самолет на скорости более 500 километров в час, и к тому же на брейющем полете!»

Матрас сообщает:

— Через пять минут посадка.

Внезапно мой мотор начинает давать перебои. Повреждение! Стрелка указателя оборотов еще колеблется некоторое время, затем застывает. Смотрю на другие приборы. Черт подери! Давление бензина понизилось и продолжает падать! Что делать? Главное — не терять хладнокровия, иначе смерть. Проклятые зенитчики, они пробили мне бензобак! И к тому же после выполнения задания, за пять минут до посадки, на брейющем полете. Разве это не подлость?! Сообщаю ведущему:

— Алло, Матрас! У меня неприятность. Давление бензина — ноль. Сажусь на «брюхо», прямо перед собой.

Мне отвечает радио аэродрома:

— Алло, де Жоффри! Постарайтесь дотянуть до аэродрома. Мы освобождаем посадочную полосу. Садитесь на «брюхо»...

Им хорошо говорить! Я бы с удовольствием сел на аэродроме, но мой «як» не хочет. Слегка отдаю ручку, чтобы разглядеть то, что меня ожидает... Но у меня уже нет никакого выбора.

Поле, на которое я вынужденно приземлюсь, мне представляется не самым плохим. Оно заканчивается небольшим леском, вернее, рощей, но есть надежда, что мне удастся остановить машину ближе.

Зажигание выключено. Больше оно меня не интересует. Я продолжаю планировать, не отрывая глаз от указателя скорости. 300... 280... 240 километров в час. Надо кончать! Беру ручку на

себя. Самолет выравнивается. Слышится скрежет. Я коснулся земли. Страшная сила приковала ноги к педалям управления. Я напрягаю все мускулы, чтобы преодолеть эту силу, стремящуюся бросить меня вперед, на приборную доску. Сразу погасить скорость до нуля невозможно: чтобы избежать неприятностей, нужно не менее 150 метров пробега. В эту минуту мои мысли переносятся к моему механику. Это он повторяет мне ежедневно:

— Главное, не разбейте ваш самолет — это лучшая машина во всей эскадрилье.

Подлые гады, немецкие зенитчики! Самолет все еще несется по полю. Неужели это конец? Грохот становится ужасающим. От пыли в кабине ничего не видно. Я прилагаю невероятные усилия, чтобы удержаться на сиденье. Слышу сильный треск рвущейся обшивки, ломающихся ветвей, они хлещут по фюзеляжу машины, которая, словно метеор, пронизывает зеленый занавес. Мне кажется, что я участвую в гигантском бое быков в Техасе. Внезапно все затихает. Мой «як», почти без крыльев, с изогнутыми лопастями винта, с разодранным фюзеляжем, замирает у насыпи железной дороги Инстербург — Каунас на глазах советских солдат, работавших на пути. Я пережил страшные минуты. Я весь покрыт пылью. Срываю свой шлемофон, выпрыгиваю на землю и радостно пожимаю тянущиеся ко мне руки русских друзей. В глубине души я могу считать себя счастливым. Если бы я упал рядом с поездом, который мы только что уничтожили, за мою шкуру нельзя было бы дать и ломаного гроша...

Спустя некоторое время меня вызвал командир полка и прочитал довольно длинную нотацию, которая закончилась словами:

— Пусть это послужит для вас уроком, де Жоффри. До тех пор пока мне не доложили о благополучном прибытии, задание не может считаться выполненным...

Вместо моего «яка» — обломки. И я, следовательно, без самолета. Чтобы не отсиживаться, нужно выпросить машину у одного из своих товарищей по эскадрилье. Но никто, честно говоря, не любит одалживать свой самолет. Каждый летчик привыкает к своему самолету, как наездник к своей лошади, как гонщик к своему автомобилю.

И вот я брожу, как неприкаянная душа, приставая то к одному, то к другому с наигранной непринужденностью, которая никого не может обмануть. Все это не очень весело, тем более, что погода тоже не способствует хорошему настроению: ветер с Балтики нагоняет огромные, низкие дождевые тучи. В такую погоду, как говорят, хороший хозяин даже собаку во двор не выпускает.

И все-таки ничто не может остановить летчиков «Нормандии — Неман»! Ле Мартело и Монье вылетают на задание. Видимость совершенно отсутствует. Даже невозможно из одного самолета различить другой. После продолжительного слепого полета, потеряв ориентировку, Монье почти с пустыми баками, совершенно один оказывается над морем. Полагаясь больше на счастье, чем на свой опыт и знания, он поворачивает на восток и благополучно достигает аэродрома. Ле Мартело после ряда акробатических, не лишенных драматизма попыток удается приземлиться на «брюхо» к югу от Риги, в 180 километрах от аэродрома. Нам сообщили, что его жизнь вне опасности, хотя он и получил сильную контузию. Война для него закончилась. На санитарном самолете По-2 Ле Мартело эвакуируют в Москву, откуда он возвращается затем во Францию. В этот день исчезает также Керне, о котором мы в дальнейшем так и не получили никаких известий.

Наши потери серьезно беспокоят советское командование, и оно запрещает проводить полеты в таких сложных метеорологических условиях. Последовал приказ о прекращении вылетов: не будь его, добрая половина полка погибла бы без боя. Подниматься в плохую погоду на «яке», без специального оборудования для слепых полетов, без наведения по радио, вести машину более часа со скоростью свыше 500 километров в час, вступая в смертельную игру с туманом, дождем, морской стихией, да еще над Пруссией, — уж я-то знаю, что это такое!

К счастью, погода вскоре улучшается. Я получаю новый самолет, и нас переводят на аэродром в город Средники, расположенный на правом берегу Немана, где русские пытаются прорвать фронт и овладеть Мемелем — важным портом на Балтийском море.

На 3-ю эскадрилью возлагается оборона Таураге, завязываются воздушные бои. Подобных интенсивных и жестоких боев мы еще не знали. Немецкие истребители, кажется, не покидают воздуха. Радио безостановочно предупреждает:

— 444... В воздухе «мессеры» и «фокке-вульфы»...

В один из дней 3-я эскадрилья патрулировала над Таураге. Видимость отвратительная. Столбы дыма от пожаров на земле лишь усложняют положение. Кружась в этом пекле, я скоро теряю из виду Матраса. Таураге весь в огне. Я остаюсь один, затерявшийся в небе, затаянном черными и багровыми тучами. Смотрю вниз и вижу, как от взрыва рушится мост. Вздывается сноп пламени и вихрь огненных звезд. Я чувствую себя подавленным огромным размахом битвы и вдруг замечаю два «фокке-вульфа», которые на полной скорости стремительно

пикируют на мой «як». Меня охватывает азарт боя. Один из немцев открывает огонь, но я уже на развороте. Очередь трассирующих пуль проходит в нескольких метрах от фюзеляжа моего «яка», и я продолжаю карусель в небе над Таураге, во вселенной, напоминающей гигантскую огненную скатерть. Внезапно на моего преследователя устремляется какой-то «як», поливая его пулеметным огнем. Это наш смельчак Мерцизен! Он заметил, что я в опасности, и сразу же бросился на помощь. Благодарю, Зизи! Я не останусь у тебя в долгу!

Снова отвратительная погода не позволяет совершать полеты, но для сухопутных войск она не страшна. Красная Армия, прорвав линию фронта, устремляется в образовавшуюся брешь.

А мы возвращаемся в Антоново. Кто обретает свое прежнее место в общезитии, а кто и свой чердак. Усиленно говорят о скором наступлении в Восточной Пруссии, и те из летчиков, которые уже имели разрешение на отпуск, чтобы провести его в Париже или в Лондоне, заявляют командиру полка о своем желании отложить отъезд. Они слишком долго ожидали финала, чтобы рисковать не побывать на нем.

16 октября в десять часов тридцать минут утра снова началось то, что мы уже однажды пережили под Витебском и Оршей, но артиллерийская подготовка на этот раз длилась несколько меньше. Вслушиваясь в грохот орудий, мой друг Ирибарн предсказывал нам, что ближайшие дни будут заполнены грандиозными битвами и большими победами. Сам он едва уцелел во время сопровождения вместе с Казаневым бомбардировщика Пе-2, производившего фотосъемку. На глазах Ирибарна были сбиты и Пе-2 и его напарник Казанев. Казанев — блестящий летчик-истребитель, участвовавший еще в кампании 1940 года, — в этот день, 16 октября, был занесен в описки пропавших без вести. Ирибарну, раненному в этом бою, удалось посадить истребитель на «брюхо». Но ни мертвые, которых мы оставляли позади себя, ни опасности, которые грозили нам впереди, не могли остановить нашего порыва. У всех было такое чувство, будто они бросаются в последний бой. В 14 часов 3-я эскадрилья совершила боевой вылет и, сбив одного «мессера» и одного «фокке-вульфа», положила начало особенно славным дням в истории «Нормандии». Семь дней мы вели непрерывные воздушные бои. Не проходило и десяти минут после вылета, как в воздухе уже завязывалась схватка. Теперь все летчики полка открыли свой боевой счет. Число побед быстро росло. Цифры говорят сами за себя. 16 октября полк, совершив 100 вылетов, уничтожил около 30 вражеских самолетов, не потеряв ни одного своего! Это неслыханный успех. 17 октября «Нормандия»

совершила 109 вылетов и уничтожила 12 самолетов врага.

В этот же день в самый разгар наступления к нам присоединяются новые летчики, прибывшие из Москвы. Это Гидо, Углов, Анри, Ревершон, Блетон, Пикено и Монж. В честь их прибытия был устроен неплохой прием. 12 побед за один день — эта цифра сразу дала им точное представление о размахе и ожесточенности воздушных боев, в которых участвовали летчики «Нормандии».

На следующий день повторяется то же самое. В воздух поднимаемся через пять секунд после сигнала, пикируем, делаем виражи. И вот черный крест «мессера» уже в перекрестии прицела. Палец нажимает гашетку. К вражеской машине тянутся нити трассирующих пуль и снарядов... Взрыв... Дым... Вражеского самолета больше не существует. Вздурораженное сердце, работающее с максимальной нагрузкой, постепенно успокаивается... «Замедленная бочка» над посадочной полосой... Приземление... Осмотр машины механиком... Чашка чаю... Сигарета... И новый вылет! Рывок к черному горизонту! Снова стиснутые зубы, снова напряглись мускулы. Так проходят наши боевые будни.

18 октября сбито 12 самолетов, в том числе пять «хейнкелей». Одного из них сбил я. 20 октября совершен 71 вылет, 11 вражеских самолетов записано в наш актив. В целом за четыре дня наступления мы вывели из строя более 70 немецких самолетов. В этот день подбили нашего смельчака Эмоне. Его нашли потом в тяжелом состоянии: он сломал ногу при неудачном прыжке с парашютом. Эмоне с одним раненым советским летчиком продолжительное время скрывались в воронке от снаряда. Их вывез с поля боя русский танкист. Но танк сам попал в окружение и с трудом пробился к своим.

Битва достигает огромного накала, Немцы сражаются с дикой яростью. Они защищают каждый метр земли и оставляют трупы под каждым забором, под каждым кустом, в любой канаве. Каждый дом превращен в крепость. Каждая яма — пулеметное гнездо. Каждая полянка минирована. Надо преодолеть шесть линий немецкой обороны, за которыми шестнадцатилетние юнцы ждут русские танки, пытаясь расстреливать их в упор своими знаменитыми фаустпатронами. Красная Армия продвигается вперед медленно, и ценой значительных потерь ей приходится сдерживать яростные контратаки немцев.

Ночью грохот боя, который доносится с передовой, настолько силен, что мешает нам заснуть. Все горит... На двадцать километров видно огромное зарево. Горизонт почернел, небо затянуто плотной темно-серой тучей дыма. Ветер гонит дым на

нас. Вокруг аэродрома, в радиусе тридцати километров, все в зареве пожаров. Но даже в центре этого пекла, этого неистовства, этой чудовищной эпопеи мы находим, тем не менее, силы шутить, когда собираемся в нашей столовой. Вот Альбер — наш ас, — побагровевший от гнева, врывается в столовую, страшно ругаясь.

— Что с вами произошло, Альбер? — спрашивает Пуйяд.

— Это невероятно, мой командир! Когда я возвращался уже в родные пенаты, какой-то русский истребитель прицепился ко мне. Я заплатил за это удовольствие двадцатью минутами ожесточеннейшего боя!

— Невероятно!

— О чем я вам и говорю! И каждый раз, едва мне удавалось отцепиться от него, как он снова пристраивался мне в хвост... Надо сказать, целился он довольно точно. Я чувствовал, как его пули щекотали мне пятки! Хорошо, что я уже полностью освоился с моим «яком» и ускользнул от него.

— Перестаньте, Альбер, — утихомиривает его Пуйяд. — Старый вояка, такой, как вы, должен уметь сохранять спокойствие. Хорошо, что этот летчик напал на такого летчика, как вы. Для другого эта история могла бы окончиться намного печальнее.

Наш праздник еще не закончился! 22 октября было сбито 13 «фокке-вульфов». 23 октября — 8 «фокке-вульфов» и один «мессершмитт». Вылеты не прекращаются. Но физическое состояние летчиков оставляет желать лучшего.

Нас отмечают в приказе Верховного Главнокомандующего за наши сто побед за семь дней. Я также вношу свою долю: три победы — Юнкерс-88, Хейнкель-126 и Мессершмитт-109.

Стефа меня покинула. Она переехала в Каунас. Для нее было достаточно этих непрерывных взлетов и этого гудения моторов, которое постоянно наполняло небо над Антонове. Я не успеваю как следует оплакать наш чердак — бедное, но прелестное пристанище для сердца, измученного в этом круговороте, — как мы перебазировемся в Штирки, деревушку на границе, наполовину польскую, наполовину литовскую. Место здесь мрачное. Воздух смердит трупами и порохом. Мины окружают дома. Мы не осмеливаемся сделать лишнего шага.

27 октября подбивают Кюффо, пилотировавшего самолет командира полка. Кюффо спасается, выпрыгнув с парашютом. Пуйяд с самым мрачным видом сообщает об этом. Не удивительно, что обыкновенный серийный самолет может стать такой близкой и дорогой вещью: ведь очень часто от самолета зависит наша жизнь.

После того как Лемар при поддержке Риссо сбил два

Мессершмитта-109, полк получил передышку. Во время ее Мансо из 4-й эскадрильи стал жертвой несчастного случая. Прогуливаясь вместе с Перрэнном около аэродрома, он наскочил на мину. Взрывом ему оторвало ногу. Он упал и угодил на другую мину, которая перебила ему левую руку.

Шансов спасти Мансо не было. У него началась гангрена. Мансо мучился три дня. Бессильные помочь ему, мы стояли вокруг палатки, где наш друг, слабея с каждой минутой, боролся со смертью.

3 ноября на кладбище, изрытом снарядами и бомбами, под проливным дождем мы похоронили нашего друга парижанина Мансо, который всегда был в хорошем настроении, любил пошутить и всегда был приветлив со всеми. Могу откровенно сказать, что я тогда пережил одну из самых тяжелых минут в моей жизни.

Не знаю, какая тогда была причина — эта ли печальная история или же окончание периода славных боев, но нас охватила страшная меланхолия, знакомая всем, кто сражался вдали от родины. Зима, грязь и холод мешали полетам, которые не оставляют времени для раздумья. И мы думали слишком много. Скука от бесполезной жизни усиливалась с каждым днем. Ни праздничный обед, ни поездка в Каунас, где я напрасно пытался разыскать Стефу, не могли сбросить с меня это покрывало тоски.

В один из таких дней нас собрал командир полка и сообщил, что на днях он выезжает в Москву для решения ряда срочных вопросов. По достоверным сведениям, генерал де Голль скоро будет в Москве. Полк во время отсутствия Пуйяда возглавит майор Дельфино. Одновременно нам сообщают о получении новых самолетов и предстоящем перебазировании полка.

27 ноября на новых самолетах, которые мы успели уже освоить, на бреющем полете покидаем Штирки. Мы летим строго на юг, по направлению к Гольдапу, в Восточной Пруссии, где около живописного озера Вюстерзее, берега которого укутаны в пушистую снежную шубу, нас принимает прусская деревня Гросс Кальвечен. Теперь мы находимся уже на немецкой земле. На немецкой земле, но без немцев.

Кое-как размещаемся в домах, которые здесь построены из настоящего камня. Нашим дневальным приходится только топить печи и таскать воду. И здесь, в неприветливой обстановке зимней деревни, одна новость вызывает у нас радостное возбуждение. Возможно, генерал де Голль приедет к нам на фронт и привезет последние известия из Франции. Лихорадочная подготовка БАО, ряд инспекционных смотров генерала Захарова. Но, увы, генерал де Голль не добрался до своих солдат. Зато они добрались до

него. Советское командование приняло решение направить весь полк в Москву, чтобы представить де Голлю личный состав полка «Нормандия — Неман».

Прощай, тоска! Прощай, скука! Гросс Кальвечен волнуется. Все смеются, спешат, обнимаются, хлопают друг друга по спине и ниже. Широкая, праздничная улыбка сверкает у всех на лицах. При всеобщем ликовании Дельфино объявляет:

— Альбер за двадцать три победы (семь из которых одержаны за три дня в Антоново) и де ля Пуап за шестнадцать побед представлены к званию Героя Советского Союза. Отныне они будут носить на груди Золотую Звезду и орден Ленина.

Риосо прикрепит к своему кителю орден Александра Невского. Награды им вручат через несколько дней в Москве в торжественной обстановке.

И пока мы продолжаем бурно выражать свой восторг по поводу этих славных наград, прибывают машины, которые должны довести нас до Каунаса, откуда специальный поезд доставит всех в Москву, к нашим землякам из французской колонии.

В грузовиках, крытых брезентом, при морозе в 30 градусов мы трясемся по дороге из Гросс Кальвечена в Каунас. Долго мы будем помнить минуту, когда, наконец, добрались до каунасского вокзала, отупевшие от холода и желания спать. И хотя мы мечтали только о печке и кровати, нас ожидал роскошный ужин. Стол был накрыт в одной из комнат военного госпиталя. Никогда я еще не видел такого изобилия закусок. Четыре стосвечевые лампы сияли над большими банками икры, горами ветчины, грудками мяса. Необходимы все эпитеты Рабле, чтобы описать пиршество, которое происходило по соседству с палатами, где, может быть, умирали тяжелораненные. Особенность русского характера... В самой тяжелой и мрачной обстановке может вдруг вспыхнуть неудержимое веселье. В этот вечер как никогда прежде мы почувствовали глубину сердечной дружбы, которую питает к нам русский народ.

В 3 часа ночи весь полк занимает места в специальном поезде, в котором один спальный вагон предоставлен в распоряжение генерала Захарова, майора Дельфино, майора Вдовина и наших Героев — Альбера и де ля Пуапа.

Нам выделены два пассажирских вагона и вагон-ресторан. Чувствуется забота о нашей безопасности: за паровозом — платформа с зенитными установками. Ведь немцы были бы не прочь уничтожить нас оптом, так как не удалось уничтожить в розницу.

Внутри поезда царит веселье, а снаружи — тоскливое однообразие. Снег, снег кругом, насколько хватает глаз. Мы проезжаем разрушенный Смоленск, погребенный под снегом. Дует сильный ветер. Как прекрасно в наших вагонах! Поездка напоминает путешествие снобов, которые спят, пьют, спорят, едят... и опять едят, спят, пьют, мечтают в течение двух дней.

9 декабря поезд прибывает на московский вокзал. На этот раз мы размещаемся в гостинице Центрального Дома Красной Армии, отведенной для Героев Советского Союза и старшего офицерского состава.

Нужно ли говорить, каким веселым и радостным было наше настроение! После стольких месяцев фронта и жизни в деревнях мы чувствуем себя так же, как чувствовали бы себя провинциалы, все время грезившие о Париже и очутившиеся впервые на Монмартре. Но военная дисциплина, однако, остается в силе. Майор Дельфино нам объявляет:

— Завтра, в 11 часов 30 минут утра, во французском

посольстве — торжественная церемония вручения орденов и представления летчиков генералу де Голлю, главе Временного французского правительства.

На следующий день точно в указанный час мы все стоим в строю в здании посольства, деятельностью которого руководил тогда генерал Катру. В зал, освещенный ярким светом, от которого тысячами огней искрятся наши погоны и серебро зеркал, входит генерал де Голль. Его сопровождают генерал Жуэн и полковник де Ранкур. Церемония вручения орденов проводится в быстром темпе, так как наград слишком много. Генерал де Голль пожимает руки и находит слово для каждого. Мы не сводим с него глаз, потому что он представляет для нас нашу далекую родину. И как только заканчивается торжественная церемония, один и тот же вопрос вырывается из каждой груди:

— Мой генерал! Как Франция? Не забыли ли там про нас? Скоро ли, наконец, закончится война?

Жуэн, которому эта несколько официальная церемония, вероятно, уже надоела, подходит ближе к нам и с улыбкой спрашивает:

— Ну, ребята! Русские девушки сердитые, милые? Или и то и другое?

Ему объясняют. Он заразительно смеется. В свою очередь мы задаем вопрос ему:

— Правда, что командир полка Пуйяд сегодня вечером будет на приеме в Кремле?

— Да. Он приглашен на банкет, который будет дан маршалом Сталиным в честь генерала де Голля.

В 20 часов 25 минут генерал де Голль, Жорж Бидо и командир «Нормандии — Неман» Пуйяд под грохот орудий, салютующих Красной Армии, только что одержавшей новую победу в Венгрии, подъезжают к Кремлю. Их путь лежит через Боровицкие ворота. Лучи прожекторов освещают дорогу. Машины останавливаются перед Большим Кремлевским дворцом.

Гостей проводят в ярко освещенный зал, где собрались члены Советского правительства. Ровно в половине девятого появляется маршал Сталин. Лицо его выражает спокойствие и волю. У него на груди только одна Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, на золотых погонах большие звезды. Он производит впечатление человека сильного и умного. Его жесты, походка, плавные и непритязательные, напоминают о происхождении из простой семьи. Под густыми бровями задорно и лукаво сверкают черные глаза. Он здоровается с генералом де Голлем, который представляет ему Пуйяда и Бидо. Пуйяд смущен, но старается не показывать вида. Маршал Сталин весело приглашает всех к столу.

Перед каждый гостем полный набор бокалов и рюмок для вина и водки и самые разнообразные закуски. Бесшумно двигаются официанты, предлагая различные блюда из рыбы, копчености и т. п. Вскоре начинаются тосты. Сталин поднимает свой бокал за победу, за Черчилля, за Рузвельта, за всех союзников. Пуйяд впоследствии нам рассказывал, что было произнесено более тридцати тостов, следовавших один за другим с такой быстротой, что никто уже не знал, за что же он пьет. Наконец, Сталин произнес здравицу в честь Красной Армии и ее успехов. Он закончил ее словами:

— Ударная сила нашей армии — артиллерия! Надо иметь больше артиллерии. Артиллерию разных калибров. Настоящий артиллерийский ансамбль!

И он поднял бокал за здоровье Главного маршала артиллерии Воронова. Воронов подошел к Сталину и чокнулся с ним. Сталин продолжал, указывая на Воронова:

— Вот человек, который командует нашей артиллерией! Он подавил фашистскую Германию огнем наших пушек!

Французы несколько ошеломлены. Но тут Сталин поднимает тост за авиацию и здоровье Главного маршала авиации Новикова, затем за здоровье прославленного авиационного конструктора Яковлева. Наступает торжественная минута. Полковник Пуйяд чувствует, как забилося его сердце, Сталин смотрит прямо на него и произносит:

— Я хочу выпить за здоровье полковника Пуйяда, командира полка «Нормандия — Неман», который, мы надеемся, сможем скоро назвать дивизией «Нормандия»!

Маршал твердым шагом с поднятым бокалом направляется к Пуйяду. Пуйяд идет к нему навстречу. Маршал Сталин смотрит ему в глаза, затем они вместе осушают свои бокалы.

После просмотра одного довоенного кинофильма Сталин предлагает всем присутствующим попробовать русского шампанского. Повернувшись к Пуйяду, он говорит:

— Я люблю французских солдат.

Затем он подзывает генерала Яковлева, и между ними завязывается оживленная беседа о боевом применении авиации. Пуйяд восторгается самолетом Як-3, который, по его словам, превосходит все немецкие машины. Он, однако, сомневается, можно ли установить на этом истребителе более мощные пушки. Мощности вооружения он предпочитает лучшую маневренность. Сталин, который только что прославлял артиллерию, рассматривает самолет как «воздушную батарею». Он забрасывает Пуйяда вопросами. Француз определенно смущен, но по-прежнему возвращается к разговору о маневренности «яка»,

которая, то его словам, не позволяет усилить огневую мощь истребителя.

— Мы будем все-таки экспериментировать, — настаивает Сталин.

— Я высказываю свое мнение, — защищается Пуйяд, — мнение летчика-истребителя.

— Мне хотелось бы осуществить на практике, — продолжает Сталин, — такую концентрацию огня крупного авиасоединения, эшелонированного по высоте и состоящего из самолетов с различным вооружением, которая помешала бы истребителям противника приблизиться к ним.

Пуйяд охотно признает, что эта концепция превосходит его познания, базирующиеся только на боевом опыте летчика-истребителя.

Прием, устроенный маршалом Сталиным, заканчивается в половине пятого утра. Спустя несколько часов был подписан договор о союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Французской Республикой.

Последующие два дня были праздничными днями для полка.

В промежутках между посещениями военной миссии, возглавляемой генералом Пети, Большого театра, ресторанов «Савой», «Метрополь», коктейль-холла и неизбежной «Москвы» каждый куда-то исчезает, спешит, стараясь извлечь из каждого мгновения максимум приятного для себя. Музыка, накрытые столы, кавказские вина, танцы и другие вновь обретенные удовольствия помогают нам забыть, откуда мы прибыли и куда мы скоро возвратимся.

Но генерал Захаров торопит с отъездом тех, кто будет продолжать зимнюю кампанию в Пруссии. Другим, которые пробыли больше шестнадцати месяцев в России или больше двух лет на фронте, разрешено вернуться во Францию. Так от нас уехали Альбер, де ля Пуап, Мурье, де Сэн-Фалль, Риссо, Муане, Монье и доктор. Наконец, некоторые покидают нас по состоянию здоровья и по другим причинам: Кюффо, Амарже, Баньер, Жан Соваж, только, что получивший известие о смерти своего ребенка, Карбон, Лебра.

Должен сказать, что обратный путь был не из веселых. Московская передышка была слишком короткой, чтобы мы с радостью смогли бы согласиться вернуться к нашим «якам» в Гросс Кальвечен.

12 декабря, в восемь часов вечера, в поезде, который мчал нас в Каунас мимо полей, казавшихся еще более пустынными и более тоскливыми, многих друзей уже не было с нами. В последней зимней кампании в Восточной Пруссии принимали участие

только три эскадрильи, которые с декабря 1944 года по май 1945 года пережили последние месяцы этой титанической борьбы и апофеоз победы.

Часть пятая

Мы снова в Гросс Кальвечене. Стоит ясная солнечная погода. Сильный мороз. Озеро Вюстерзее представляет собой большое ледяное поле, блестящее и гладкое. Сосновые леса, которые окружают нашу базу, в зимнем убранстве. В нескольких километрах от нас находится знаменитый охотничий заповедник Геринга. Олени, лоси, козы и лани забредают даже на летное поле, будто выискивая на нем место для убежища. Но они жестоко заблуждаются в своих надеждах, так как мы устраиваем настоящую охоту на них. Но это скорее для того, чтобы как-то скоротать время, разогнать тоску, потому что мы не испытываем никакой нужды в запасах мяса и не столь воинственно настроены, чтобы убивать. Я с Микелем иногда устраиваю погоню за ланями в лесу, который покрывает более тысячи гектаров, пересекаемых лишь двумя автострадами.

На противоположном берегу озера — аэродром, на котором расположился 117-й штурмовой авиационный полк. Углов и я — частые гости у летчиков полка и очень скоро становимся друзьями с их командиром.

Летчики, прибывшие к нам в октябре, продолжают тренироваться и осваивать технику под руководством Гидо — инструктора, имеющего более двух тысяч часов налета, о чем он сам любит упоминать в разговоре. Обучение не всегда проходит гладко. Немецкие зенитчики недалеко, и они не дремлют. В конце декабря их первой жертвой становится опытный летчик Гидо. Он попал под обстрел. Снаряд пробил маслопровод. Ослепленный брызгами масла, летчик вынужден был приземлиться у наших друзей из 117-го полка. Большое количество налетанных часов, оказывается, не всегда служит гарантией неуязвимости.

Приближается рождество. Воздух необыкновенно чист и прозрачен. Его совершенно не ощущаешь: дышится легко и свободно. Но зато температура 30 градусов ниже нуля. На командном пункте вовсю трещат дрова в железных печках.

Я приступаю к великому предприятию — самостоятельному изготовлению самогона. Результаты не слишком обнадеживающие, даже несмотря на помощь Шендорфа и руководство двух русских. И только после многих часов утомительной работы, после нескольких дней терпения и тревоги мне, наконец, с превеликим трудом удается наполнить глиняный кувшин жидкостью, достаточно оригинальной по цвету, но обладающей такой необычайной крепостью и привкусом, что она оставляет далеко позади себя все элексиры, созданные на основе

деревя или нефти, которые пользуются большим почетом у солдат на фронте. Результат порождает энтузиазм. Все кричат:

— Мой командир! Попробуйте вы первым! Отныне «Нормандия» будет гнать собственную самогонку!

Командир полка протягивает свой стакан. Я наполняю его доверху добытым в муках продуктом, и, когда хочу поставить кувшин на место, он неожиданно опрокидывается — вся драгоценная влага выливается на пол на глазах оцепеневших от досады летчиков.

Больше у меня не хватило смелости возобновить самогонование, и я предпочел охотиться на зайцев, чем сидеть и ждать, как по каплям из змеевика вытекает не очень ароматная жидкость.

Рождество. Дельфино приглашает летчиков 117-го полка разделить с нами небогатую трапезу, которую БАО смог нам организовать.

Часы бьют полночь. Идет снег. Слышно, как в лесу воет ветер, порывы бури напоминают органную музыку.

— Не придумаешь лучше погоды для русского наступления, — произносит кто-то вслух.

Все молчаливо соглашаются. Чем ненастнее погода, тем больше русские солдаты любят внезапную атаку. Ложимся спать на заре. Все возрастающая злоба начинает подменять меланхолию. К счастью, в последующие дни небо проясняется, вылеты возобновляются, и 30 декабря майор Дельфино вызывает меня и Шалля на командный пункт:

— Де Жоффр и Шалль. Вылет в 10 часов. «Свободная охота» на большой высоте. Сектор Гольдэп — Даркенем.

И вот мы уже болтаемся в прозрачном морозном воздухе над Гросс Кальвеченом.

— Все в порядке?

— Абсолютно.

Над нами леса и озера, озера и леса, и больше ничего. Озера, скованные льдом, ослепляют нас при каждом выраже отраженными лучами яркого солнца. Солнце настолько сильно бьет в глаза, что мне приходится прилагать невероятные усилия, чтобы не потерять Шалля из виду. Он, как и я, любит бешеную гонку. Я пристраиваюсь к нему. Крыло к крылу мы продолжаем патрулирование. Все, казалось, должно было закончиться без каких-либо приключений, как вдруг на нас сверху падают два «мессершмитта». Мы застигнуты врасплох. Я, как сумасшедший, беру ручку на себя. Машина страшно содрогается и встает на дыбы, но, к счастью, не срывается в штопор. Очередь фрица проходит в пятидесяти метрах от меня. Опоздай я на четверть

секунды с маневром, и немец отправил бы меня прямо в тот мир, откуда не возвращаются, чтобы сделать очередной репортаж. Начинается воздушный бой. Каждый за себя, и бог за всех! У Шалля свой противник, у меня — тоже. В маневренности я имею преимущество. Враг это чувствует. Он понимает, что сейчас я хозяин положения. Четыре тысячи метров... Три тысячи метров... Мы стремительно несемся к земле... Тем лучше! Должно же сказаться преимущество «яка». Я крепче сжимаю зубы. Внезапно «мессер», весь белый, кроме черного зловещего креста и омерзительной, паукообразной свастики на фоне красного круга, выходит из пике и улепetyвает на бреющем полете к Гольдапу. Я стараюсь не отстать и, взбешенный от ярости, преследую его, выжимая из «яка» все, что он может дать. Стрелка Показывает скорость 600 или 750 километров в час. Я увеличиваю угол пикирования и, когда он достигает примерно 80°, вдруг вспоминаю о Бертроне, который разбился в Алитусе, став жертвой колоссальной нагрузки, разрушившей крыло. Инстинктивно я беру ручку на себя. Мне кажется, что она подается тяжело, даже слишком тяжело. Я тяну еще, осторожно, чтобы ничего не повредить, и мало-помалу выбираю ее. Движения обретаю прежнюю уверенность. Нос самолета выходит на линию горизонта. Скорость несколько падает. Как все это вовремя! Я почти уже ничего не соображаю. Когда через доли секунды сознание полностью возвращается ко мне, я вижу, что вражеский истребитель несется у самой земли, словно играя в чехарду с белыми верхушками деревьев.

Вид вражеской машины подхлестывает меня. Метр за метром, секунда за секундой я приближаюсь к ней. Она увеличивается, растет на глазах. Я ловлю ее в прицел. Мои трассирующие пули ложатся точно в цель. Тонкая струйка черного дыма отделяется от фюзеляжа. Стреляю снова почти в упор и, словно рубанком, буквально снимаю стружку с «мессера». Он накреняется, вздрагивает. Мгновение кажется, что он подвешен на невидимой нити. Затем наступает финал: «мессер», перевернувшись в воздухе, падает на поляну, окутанный пламенем и дымом, подняв тучи снега, земли и металлических обломков.

Ну, а мне не хватает времени, чтобы в знак поздравления пожать самому себе руку. Я слишком удалился от своей базы и окончательно потерял представление, где я нахожусь. Направление на восток! Внизу ничто не может послужить мне ориентиром: тянутся однообразные, сменяющие друг друга леса и перелески. Бензин на исходе. Его хватит самое большее на десять минут полета. На восток, только на восток, черт возьми! Держаться как можно дольше, скорее перетянуть за линию

фронта и сесть на первом же поле, чтобы спасти самолет.

В этот день удача сопутствовала мне. Без особых происшествий я приземлился на бывшем аэродроме, километрах в двадцати от Гросс Кальвечена. Два дня похода и постоянных расспросов. Ночь на ферме с дрожащими от страха крестьянами. Наконец, я добрался до одной из авиагрупп бомбардировщиков Пе-2, командир которой приказывает отремонтировать и заправить мой самолет. 2 января я возвратился на свой аэродром. Я был обессилен, умирал от голода и усталости. Первой фразой майора Вдовина была:

— Похоже, что вы начали увлекаться туризмом? Что же все-таки с вами стряслось?..

Раздосадованный, я с трудом сдерживаю резкие слова. Извиняюсь за то, что прибыл целым и невредимым, и направляюсь доложить о прибытии Пуйяду. Вечером майор Вдовин, поставленный уже в известность о моем приключении, дружески обнимает меня за плечи и от всей души поздравляет:

— Хорошая работа, товарищ де Жоффр!

А Матрас высказывает мнение, сложившееся обо мне в полку:

— Барон, «поделить» вас невозможно! Чем больше проходит времени, тем прочнее становится ваша шкура!

В этот же день мой товарищ Марши сбил в одном бою два «мессера», и полк «Нормандия — Неман» зарегистрировал свою двухсотпервую победу.

Боевая горячка вновь охватывает нас. Летаем парами, патрулируем днем в районе Шталупинена и Кенигсберга. Возглавляемая Дешане группа в составе Мартэна, Меню и Версини сталкивается с несколькими истребителями Мессершмитт-109. Мартэн творит чудеса. В первой же мастерски проведенной атаке он сбивает одного истребителя и подбивает второго, с которым затем расправляются Дешане и Меню.

Наступает очередь вылета нашей эскадрильи. Эйхенбаум с земли, находясь на передовой, наводит нас на противника. Мерцизен, Дуар, Кастэн, Блетон немедленно завязывают бой с четырьмя «мессерами». Мерцизен с малой дистанции расстреливает своего противника. Блетон и Кастэн в свою очередь подбивают два Фокке-Вульфа-190. Дуар — свидетель этого боя. Шалль и Микель при поддержке капитана Матраса сбивают еще одного «мессера». Но всякая медаль имеет обратную сторону: упоенный радостью победы, Микель садится, позабыв выпустить шасси.

Все истребители нашего полка перелетели на новый аэродром в Допинеме, в восьми километрах от фронта, на основном направлении наступления Красной Армии.

Орудия громяют всю ночь. От их грохота беспрерывно дрожит земля.

Создается впечатление, будто мы снова вернулись в Антоново. Вся авиация немцев в воздухе. Немецкие летчики пытаются любыми средствами помешать русскому наступлению, мы не знаем ни минуты передышки. Стоит сильный мороз. Мы переоделись в специальное обмундирование: унты из собачьих шкур, подбитые мехом комбинезоны, меховые шапки-ушанки. Но, даже несмотря на одежды полярников, я еще и теперь не могу понять, как у нас не отваливались от мороза пальцы, когда в струе воздуха от вращающегося винта нам приходилось закреплять свои парашюты голыми руками!

Но морозное небо, к счастью, принимает на себя заботу о нашем обогревании. Наша эскадрилья вступает в бой с шестьюдесятью Фокке-Вульфами-190, несущими под фюзеляжами бомбы весом 500 килограммов. Начинается чудовищное побоище. Самолеты заполняют все небо. Они кружатся, беспрестанно пикируют, порой вспыхивают и, оставляя за собой полосы дыма, устремляются вниз.

— Барон, не упusti, это твой...

Бедный «фокке-вульф» мечется под моими пулями. Он забывает сбросить бомбы, что, возможно, и позволило бы ему спасти свою шкуру. Две очереди, и вот он, пылающий, как головня, входит в штопор.

— Берегись, барон!

Это предупреждает Андре. Инстинктивно я беру ручку до отказа на себя, едва не сломав ее. Мой «як» взмывает вверх. Вражеские пули проходят ниже и зеленое металлическое чудовище с черным крестом проносится метеором под моим фюзеляжем. Его преследует Андре. Хотя снаружи минус 40 градусов, у меня на лбу выступают крупные капли пота.

Только успеваю вернуться на базу, как слышу:

— Барон, вам снова вылетать.

— Есть, мой командир! Через минуту, только проглочу чашку чаю.

— Хорошо, — торопливо говорит Дельфино, — отдохните немного. Вы, Микель, сегодня еще, не вылетали, возьмите его самолет. Де Жоффр вылетит на следующее задание.

Вылетает Дельфино, за ним сразу же отрывается Микель. Мы так его больше и не увидели. Уроженец Безье, мой товарищ по учебе в Ниме и по охоте на зайцев, Микель погиб буквально через несколько минут после того, как пожал мне руку, садясь в мой самолет. Смерть, предназначенная, вероятно, мне, досталась ему.

Несмотря на мороз, который, кажется, становится все

сильнее, атаки люфтваффе продолжаются. Тявканье пулеметов, громовые раскаты пушек, завывание моторов перемешиваются с глухими стонами ветра.

В вихре снега приземляется капитан Шалль, тяжело раненный в левую руку. Он нашел в себе силы уйти от неожиданно напавшего на него «фокке-вульфа» и благополучно посадить самолет. Вся кабина его залита кровью. Шалль только что сбил восьмой самолет противника.

Соваж-старший уничтожает одного «фокке-вульфа» и тут же вместе с Пикено и Шаррасом вступает в неравный бой почти с двадцатью «мессерами». Три «яка», каждый защищая хвост своего товарища, смело атакуют. Но виражи Пикено недостаточно крутые. Воспользовавшись этим, один из «мессеров» пристраивается ему в хвост.

— Ближе, Пикено, ближе...

Слишком поздно. Снаряд пробивает бензобак. Машина взрывается в воздухе. «Мессеры», довольные своей добычей, улетают. Соваж возвращается на аэродром, а Шаррасу еще удастся отомстить за Пикено: преследуемый им одиночный «мессер» задевает за верхушку дерева и разбивается.

Мы превратились в роботов и не испытываем больше никаких чувств, обычных для нормальных людей. Нам не хватает времени посмотреть на себя в зеркало. И, если бы мы это сделали, наш собственный вид, безусловно, испугал бы нас. Нам не хватает времени оплакивать погибших товарищей. У нас нет больше слез. Одна лишь мысль преследует нас — мысль о враге.

Через несколько дней Матрас и я сбиваем двух фрицев около леса под Инстербургом. Они не заметили нашего приближения. Это был лакомый кусочек! Пристроившись в хвост, мы уверенно препроводили эту пару в прусскую землю, к их предкам. Вечером мы потеряли нашего бедного Женеса. Кастэн садится на «брюхо» в районе Наумиестиса. За четыре дня наступления полк «Нормандия — Неман» уничтожил 25 вражеских самолетов, повредил 12, но мы потеряли трех летчиков, и семь «яков» были выведены из строя. Майор Дельфино может гордиться своим полком. Он сам участвует почти в каждом бою. Но еще неделя таких сражений, и от полка останется только воспоминание.

Когда нас внезапно предупредили о новом перебазировании, русские находились уже под самым Кенигсбергом, который пал только через два с лишним месяца после, пожалуй, одного из самых ожесточенных сражений за всю войну.

По дорогам нескончаемым потоком тянулись колонны пленных немцев, подавленных, нечесаных, обтрепанных. Навстречу им, по направлению к фронту, бодрым шагом с песней

шли подкреплении русских.

Мы направляемся в Эшенвальд, небольшой городок, расположенный в 50 километрах от Дюпенема, на берегу залива Куриш-гаф, на одном из пальцеобразных полуостровов в этой части Балтийского моря.

В окрестностях бродят большие стада коров. Вымя у животных набухли — вот-вот лопнут. Коровы так мычат день и ночь, что нам приходится многих из них прикончить, чтобы избавиться от этого шума.

Заблудился Шаррас. Видимость была очень плохая. Он перелетел Неман, даже не заметив этого, и полностью потерял ориентировку. Вдруг вдаль он заметил очертания крупного города. Он летит туда. Там его ждет «горячая встреча». Это был Мемель, порт на Балтийском море, где немцы были блокированы уже три месяца. Все же Шаррасу вместе с находившимся на борту самолета в качестве пассажира Пистраком удастся благополучно приземлиться на соседнем аэродроме.

Термометр все время показывает около 30 градусов мороза. Механики постоянно начеку. При такой температуре им приходится каждые 20 минут прогревать моторы.

В один из таких дней Матрас и я в 15 километрах к северу от Кенигсберга подстерегли одного «фокке-вульфа». Преследование на бреющем полете. Сосредоточенный огонь, и беглец обрушивается на землю, взметая огромное облако снега. На обратном пути Матрас приближается ко мне. Я вижу, как он вытягивает руку с поднятым большим пальцем. Слышу его голос по радио:

— Еще один, барон! Хорошо сработали на пару.

Перед посадкой, как всегда, «замедленная бочка» над аэродромом.

— Вот это счастливчик, барон. Не то, что я, — говорит спустя некоторое время Анри в столовой. — Представьте себе, мы втроем одновременно атаковали одного «фокке-вульфа». Высота пятьсот метров. Парень, конечно, защищался, как лев. Невероятно, но он оторвался на боевом перевороте, буквально цепляя крылом за землю, потом настоящая схватка самоубийц на виражах у самой земли. Ему удалось ускользнуть. Выпустили.

Шляпы...

29 января. Над Балтикой стоит густой туман. И не удивительно, что в нем заблудились летчики одного из звеньев 2-й эскадрильи — Дешаде и Меню. Проходят часы. Все в ожидании. Дешане возвращается один. О Меню мы больше ничего и не услышали. Никто не мог нам сказать, что же с ним случилось.

В этот же день нас навестили два «мессера». Аэродромные

зенитки отгоняют их, но майору Вдовину это кажется недостаточным. Он врывается на командный пункт, где мы обсуждаем этот неожиданный визит:

— Майор Дельфино! Необходимо сейчас же поднять в воздух шесть самолетов и штурмовать аэродром в Гросс Кубукине, с которого, несомненно, прилетели эти два «мессера». Это приказ дивизии. Командование возмущено тем, что немцы могут свободно разгуливать в нашем небе!

Мы просто отвечаем:

— Они пыжятся, проклятые фрицы!

Майор Дельфино, не совсем уверенный в том, что это необходимо делать, и заметно взволнованный гневом Вдовина, неохотно отдаст приказ штурмовать аэродром. Сегодня дежурит 3-я эскадрилья. Задание, следовательно, выполняем мы.

На этот раз приходится лететь через весь полуостров, на котором расположен Кенигсберг. Проходим над Балтикой, делаем лишь один заход на аэродром, поливая его огнем. Зенитки молчат, настолько неожиданным был наш налет. Но была минута, когда меня бросило в жар. Подожженный очередями зажигательных пуль, ангар, в котором, помимо самолетов, хранился большой запас бензина, взрывается прямо подо мной. У меня такое чувство, будто языки пламени охватили меня со всех сторон. Я уже думал, что мой «як» расколется пополам. Его резко подбросило, и я только чудом вышел живым из этой переделки... Когда я приземляюсь, Лохин насчитывает более тридцати пробоин, полученных самолетом от осколков при взрыве ангара. Из четырех истребителей, участвовавших в налете, три были довольно серьезно повреждены. Но налет был успешным. В дополнение к уничтоженному мною ангару Лорийон, разохотившись, потопил на море катер.

В вознаграждение мы отправляемся на поиски трофеев в городок Лабау. Повод: расширить наше знакомство со страной и углубить наши знания по архитектуре. Цель: принять участие в дележе трофеев в только что занятом городе.

Лабау — очаровательный городок. Здесь нет ни пустырей, ни грязи, ни лачуг, ни хижин, что можно встретить во всех других европейских городах. Ничто не отличает рабочие кварталы от остальной части города. Повсюду разбросаны когда-то кокетливые коттеджи, оборудованные по последнему слову науки о домашнем хозяйстве. Вернее, были разбросаны. Теперь все здесь разбито, замарано, растоптано и уничтожено войной. И один вопрос все время преследует нас:

«Как же могло случиться, что, имея такой достаток и живя в таком комфорте, немецкий рабочий мог стать ярым поборником

войны?..»

Всюду под слоем грязи и копоти проглядывали зажиточность и даже богатство. Казалось, будто ужасное стихийное бедствие застигло страну в период наивысшего процветания. Мы ходим из дома в дом, все более удивляясь этому первому открытому нами немецкому городу. И вдруг, когда наше изумление еще не прошло, мы натываемся на группу пленных французов. Сразу же завязывается оживленнейший разговор. Многие из них слышали о французских летчиках, сражающихся бок о бок с русскими. Кое-кто сообщает нам интересные сведения:

— 29 октября в одной польской семье я встретил летчика, который спасся, выпрыгнув с парашютом...

— Может быть, это Казанев!..

— Я, — перебивает другой, — видел, как советский истребитель с нашей трехцветной эмблемой на носу потерял крыло и упал во время обстрела железной дороги Жиллен — Инстербург...

— Это, может быть, Вердые...

— Или Керне...

Мы буквально забрасываем их вопросами. Через два дня приносим им еду и сигареты и узнаем, что их всех собирают в один лагерь в Инстербурге, над которым развевается французский флаг.

Позднее встречи с пленными французами учащаются. Наиболее тягостными были те минуты, когда мы оказывались рядом с ребятами из Эльзаса и Лотарингии, которых силой заставили служить в немецкой армии. Они носили ненавистную немецкую форму, но объяснялись на нашем родном языке. Пленные умоляли нас не бросать их на произвол судьбы, спасти их. Что могли мы для них сделать? Что могли мы им сказать? Только одно: посольство в Москве занимается этим вопросом. И мы уходили, заставляя себя не думать об этой ужасной картине войны, одной из многих, о которых не хотелось думать.

Наш знаменитый переводчик Эйхенбаум возвращается с передовой, где он некоторое время находился в танковых частях, и рассказывает:

— Мой командир, я участвовал в рейде на Кенигсберг в составе соединения тяжелых танков. Трудно себе представить жестокость боя. Нам пришлось давить своими гусеницами батареи, которые стреляли по нас. Чугун, бетон и человеческие тела — ничто не могло устоять перед русским тяжелым танком. Снабжение осуществлялось с самолетов. И все это происходило в условиях адского холода и на земле, по которой нельзя было сделать лишнего шага, чтобы не наскочить на мины.

— Вы молодец! Вас я представляю к Военному кресту, а де Жоффра — к Военной медали...

Это была награда за взорванный мною ангар. Теперь южное побережье Балтийского моря не имело от нас никаких секретов. С большим удовольствием мы пролетаем над пустынными пляжами, протянувшимися на много километров. Мы заигрываем с чайками и не перестаем любоваться морем, накатывающим на берег волны белоснежной пены, таким зеленым, таким человеческим, таким чистым после океана огня, металла и ужаса, который мы видели на земле.

В первые дни февраля, чтобы не утратить хороших манер, на нашей ферме устраивается прием. У нас в гостях летчики 18-го гвардейского полка, в их числе знаменитый Пинчук.

Повара БАО ухитряются приготовить вполне приличный ужин. Один майор, высокий и стройный блондин с голубыми глазами, пел и играл на пианино почти всю ночь. Он был очень популярен среди нас, но в тот вечер его успех превратился в триумф.

Утром, возвратясь с задания, я сообщил старшему инженеру полка Агавельяну:

— Истребитель очень сильно вибрирует...

Агавельян сразу же достает из своего кармана небольшой блокнот. Он на минуту задумывается и затем говорит:

— Ничего, товарищ де Жоффр. Я сменю мотор на вашем самолете за одну ночь.

Мне показалось, что он шутит. Но, придя на аэродром утром, я увидел моего славного Лохина, который уже заканчивал крепление капота мотора. Рядом с истребителем на порывшем от масла снегу лежали части старого мотора. Меньше чем за одну ночь, при сильном ветре, не имея возможности работать в перчатках, три русских механика произвели замену мотора в 1200 лошадиных сил.

Я хотел бы достигнуть величия этих людей. Особенно теперь, когда мы еще больше приблизились к фронту.

5 февраля покидаем наш аэродром, получив задание блокировать Кенигсберг с воздуха. 3-я эскадрилья должна затем совершить посадку в Повундене, в двадцати километрах к северу от столицы Пруссии. 1-я и 2-я эскадрильи получили боевое задание штурмовать первоклассную авиационную базу в Хайлигенбайле.

Налет прошел удачно, несмотря на то, что зенитная артиллерия врага действовала чрезвычайно активно и удивительно точно.

Я спрашиваю Соважа и Марши:

— Кажется, вы едва спасли свою шкуру?

— Помолчи, барон, — ворчит Соваж. — Я могу суверенностью сказать, что подобной атаки на бреющем полете мне никогда не приходилось совершать. Кстати, мы нашли время помочь приземлиться одному «фокке-вульф», который шел на посадку, и еще одному самолету, кружившемуся над аэродромом. Но зенитная артиллерия разошлась не на шутку.

Внезапно он словно спохватывается, и его лицо застывает:

— Ты знаешь, что несколько минут назад сбили Пенверна?..

Я мчусь на командный пункт. Андре, возбужденный, с бледным лицом, изборожденным морщинами, заканчивает свой доклад:

— Все очень просто, мой командир. Вместе с Пенверном мы были атакованы двенадцатью «фокке-вульфом». Мы сделали все, что от нас зависело... Но Пенверн не смог вовремя уйти. Его сбили.

Дорогой Пенверн! Мы отомстили за тебя уже через несколько дней. Матрас, Лорийон и я в районе Вилуйки сбили одного «фокке-вульфа». Однако наблюдая за тем, как падала обьятая пламенем вражеская машина, я меньше других испытывал радость от этой победы. Ведь эта смерть не могла возратить нам твою жизнь.

Спустя одиннадцать дней новое горе потрясло нас, но я был подавлен им больше, чем кто-либо. Участвуя в бою вместе с Соважем, Угловым и Шаллем, мой лучший друг Ирибарн слишком дал волю своей запальчивости и своему темпераменту. В 5 километрах от Бладио, к югу от Кенигсберга, его зажали два «фокке-вульфа». И пока Ирибарн брал на прицел одного из них, другой длинной очередью из пулемета разворотил брюхо его истребителя. Ирибарн был убит наповал в самый разгар боя. Смерть Ирибарна очень потрясла меня, и нет слов, чтобы выразить всю скорбь, которую я испытывал, находясь один в своем самолете. Я не мог не думать об этом падении в штопоре, которым мой брат по оружию закончил свою жизнь, честную и благородную.

В тот же день майор Дельфино пережил трудные минуты, которые невозможно забыть.

Днём он возглавил группу «яков» в составе Гидо, Мартэна, Версини, Перрэна и Монжа. К западу от Эйлау «яки» приблизились к месту ожесточенного боя между истребителями одного советского полка и «мессершмиттами».

В момент появления нашей группы в районе боя четыре «мессершмитта» отрываются от своих и атакуют Дельфино. Он предупреждает ведомых и начинает боевой разворот.

Буквально за две — три секунды ему удается пристроиться в хвост одному «мессеру». Он его подбивает, а Гидо приканчивает. Мартэн и Перрэн также сбивают своих противников. Монж исчезает с поля боя. Он возвращается к нам только через две недели.

Не имея возможности заниматься поисками Монжа, Дельфино бросается в атаку на последнего «мессера». Немецкий летчик, который залетел примерно на пятьдесят километров в глубь русской территории, даже и не думает спастись бегством. Увидев «як», он с остервенением атакует его. Дельфино в свою очередь тоже хочет уничтожить врага. И два истребителя вступают в поединок, длившийся более четверти часа. Дельфино столкнулся с очень опытным летчиком и почувствовал, что ему не удастся сбить немца, маневрирующего с такой удивительной легкостью. Кипя от гнева, Дельфино вынужден прекратить бой, опасаясь, что ему не хватит бензина.

Рассказывая эту историю в столовой, он заявил:

— Я никогда еще не встречал летчика такого высокого класса...

Как выяснилось впоследствии, Дельфино довелось встретиться с одной из редких в то время машин — истребителем Мессершмитт-309 с эллиптическим крылом.

В этот же день, после всех пережитых волнений, мы вылетели на юг, где нам предстояло участвовать в последних сражениях за Кенигсберг. Мир уже совсем близок, война вот-вот должна закончиться.

В те дни немцы стали применять самолеты Фокке-Вульф-190, с удлиненной носовой частью фюзеляжа, и Мессершмитт-109 типа «G» и «K» — новые, более маневренные и лучше вооруженные скоростные истребители. Наступали дни самых жестоких боев.

Глава II

Мы находимся на бывшей немецкой авиационной базе. Дома, в стиле казарм, тщательно замаскированы. В них мы находим комфорт, которого никогда не имел ни один солдат во Франции. Бетонная взлетно-посадочная полоса превосходна. Наши самолеты хорошо укрыты, механики и мы довольны.

Сразу же после прибытия Дельфино нас предупредил:

— Будьте внимательны. Русские сообщили, что вокруг все заминировано. Осторожность прежде всего. Сначала пройдут саперы. Я не хочу, чтобы среди вас оказался еще один Мансо.

Но, несмотря на предупреждение, мы сразу же отправляемся осматривать ангары, в которых собраны самолеты различных типов и разных возрастов. Очень много самолетов для туризма, но среди них неожиданно обнаруживаем Мессершмитты-108 в превосходном состоянии.

— Вот это нам весьма бы пригодилось, чтобы вернуться в Париж, — говорит мне Марши. — Представьте себе, что сейчас кто-то начинается аперитивами у домашнего очага, а мы вместо аперитивов имеем право только на свинцовую закуску, которой нас щедро угощают немецкие зенитчики.

Конечно, было заманчиво возвратиться в Париж на крыльях и сразу окунуться в сумятицу воскресного дня, который парижане имеют дар превращать в незабываемый праздник. Но хватит об этом мечтать. Фронтовая жизнь продолжается. Тяжелые потери, успехи, верные и ложные слухи — здесь, как и повсюду, сегодня, как и вчера. Нам так хорошо знакома эта жизнь военных летчиков, одновременно однообразная и напряженная.

Под Витенбергом Ревершона основательно потрепала зенитная артиллерия. Его товарищи — Соваж, Марши, Углов — также получают свою порцию осколков. Несмотря на это, Марши и Ревершон решают любой ценой выполнить задание, но вдруг в кабину самолета Ревершона попадает 80-миллиметровый снаряд. Перебита правая нога, открытая рана на руке, десятки царапин на лбу и на затылке. Кровь течет ручьями. Ревершон понимает, что вот-вот потеряет сознание. Последним усилием ему удастся убрать газ. Затем он делает разворот, круто снижается и на скорости 180 километров в час совершает вынужденную посадку. От удара его выбрасывает из кабины более чем на пятьдесят метров. Ему повезло — он падает буквально в нескольких шагах от палаток советского Красного Креста. Его немедленно кладут на операционный стол. Русские врачи считают его состояние безнадежным, но очень упорно и добросовестно ухаживают за

ним, настойчиво борясь за его жизнь. Это поразительно, так как смерть для военных врачей — вещь, на которую никто не обращает внимания. Переливание крови за переливанием, операция за операцией. Этот случай — одно из чудес Инстербургского госпиталя, когда железное здоровье Ревершона и его непреклонное желание выжить помогли советской медицине добиться удивительного успеха. Сегодня Ревершон — с ампутированной ногой и с несгибающейся рукой — по-прежнему водит самолеты.

19 марта на рассвете со стороны Кенигсберга доносится ожесточенная канонада. На командном пункте майор Вдовин знакомит нас с обстановкой на фронте:

— Немцы прилагают отчаянные усилия, чтобы разорвать кольцо окружения вокруг Кенигсберга и соединиться с частями, находящимися к югу от города, выравняв таким образом линию фронта.

— Что и говорить, — замечаю я после слов майора, — немцы еще достаточно сильны. Они еще заставят нас хлебнуть горя.

На следующий день, словно в подтверждение моих слов, шесть наших «яков» были атакованы двенадцатью «мессерами», в том числе шестью Me-109/G. Их пилотировали исключительно опытные летчики. Маневры немцев отличались такой четкостью, словно они находились на учении. Мессершмитты-109/G благодаря особой системе обогащения горючей смеси спокойно входят в отвесное пики, которое летчики называют «смертельным». Вот они откальваются от остальных «мессеров», и мы не успеваем открыть огня, как они неожиданно атакуют нас сзади. Блетон вынужден выпрыгнуть с парашютом. Он не успевает коснуться земли, как его берут в плен.

Блетона направляют в Пиллау, где его допрашивает полковник Брендель, командир третьей истребительной группы, в которую входили знаменитые немецкие асы. Носовая часть их самолетов была окрашена в желтый цвет, а на фюзеляже красовался туз пик.

— Месье, это моя сто вторая победа, — хвастливо заявил Брендель. — Вы француз из «Нормандии», не так ли? Может быть, вам знакомы эти два предмета?

Блетон сразу же узнал кокарду, которую носили наши летчики, и небольшой медальон с фотографией. Все это принадлежало Ирибарну. Кокарда из стали была вся измята и сплющена. Медальон мы вместе купили в Каире. Ирибарн носил его на шее.

Полковник Брендель вышел на минуту из комнаты. Воспользовавшись этим, Блетон быстро спрятал в карман кокарду

и медальон. Вернувшись, полковник сделал вид, что ничего не заметил.

Блетон пережил несколько ужасных бомбардировок, которые почти полностью разрушили Пиллау. Эвакуированный на быстроходном морском катере, он попадает в Мекленбург, откуда, воспользовавшись паникой, ему удается бежать и присоединиться к наступавшей русской армии. В день окончания военных действий Блетон на По-2 прилетел к нам в Хайлигенбайль и привез дорогие для меня реликвии — кокарду и медальон.

Наши потери в людях и технике настолько значительны, что майор Дельфино принимает решение перевести полк на двухэскадрильный состав. Матрас становится его заместителем, и они вдвоем имеют под своим командованием только 24 летчика и трех переводчиков, если не считать аспиранта Ромера, который выполняет функции нотариуса полка и занимается, в частности, перепиской с родственниками погибших пилотов и нашими взаимоотношениями с БАО.

24 февраля «Нормандия» торжественно отмечала награждение полка орденом Боевого Красного Знамени. В этот день я встретил своего старого друга Амет-Хана — дважды Героя Советского Союза, прославленного «короля тарана». Мы проводим вместе несколько часов, и я с большим интересом слушаю этого невысокого мужчину, с густыми черными вьющимися волосами, выбывающимися из-под лихо заломленной каракулевой шапки.

Все в нем необычайно выразительно и живописно: голос, лицо, жесты и даже его кавалерийские галифе, очень широкие сверху и обтянутые на икрах, заправленные в черные сапоги из мягкой кожи. Его имя чрезвычайно популярно в Советском Союзе. Можно целыми неделями слушать рассказы о его многочисленных подвигах. С начала войны он совершил более пятисот боевых вылетов и сбил двадцать вражеских самолетов.

25 февраля мы перебазировемся во Фридланд, где размещаемся в имении одного прусского барона, убитого на Восточном фронте. Парк и лужайки служат для нас летным полем.

— Поверьте, это не принесет нам удачи, — беспрестанно повторял маленький Монж. Но ему затыкали рот: настоящее казалось нам не настолько блестящим, чтобы можно было позволить себе такую роскошь, как опасение за свое будущее.

Соваж, Марши, Пьерро и я осматриваем Фридланд. Пьерро хорошо знает немецкий язык и служит нам переводчиком. Население напугано. Впервые мы видим немецких женщин и детей. Они смотрят на нас с ужасом. Трудно определить наши

чувства к ним: здесь и жалость, и равнодушие. Чаще мы начинаем с равнодушия, которое переходит затем в жалость.

Около одного из домов Пьерро показывает на мемориальную доску. Он читает вслух:

Hier wohnte Napoleon I. 4 — 15 Juni 1807^[25]

Здесь же во Фридланде мы узнаем от русских летчиков о возвращении в строй полковника Голубова. Они нам рассказывают также о героическом поступке двух своих товарищей из 139-го гвардейского полка.

Один из них вынужден был сесть на покрытый льдами Фришгаф. Немецкие солдаты бросились к самолету, чтобы захватить летчика в плен, но его товарищ, находившийся в воздухе, начал кружиться вокруг попавшего в беду самолета и поливать огнем тех, кто отважился выйти на лед. Одновременно по радио он попросил помощи. Его вскоре заметила четверка «яков». Прилетел По-2 и взял на борт летчика с подбитого самолета. Под охраной советских истребителей По-2 поднялся в воздух и благополучно возвратился на базу.

20 марта к нам приезжают генерал Пети, его дочь, генералы Захаров и Левандович. Они привозят нам ордена, приказы о присвоении новых званий и почту. К боевому знамени «Нормандии — Неман» прикалывают орден Боевого Красного Знамени. Зачитывают фамилии награжденных Верховным Советом СССР советскими орденами. Имена живых чередуются с именами погибших: Казанов, Ирибарн, Микель, Вердье, Керне, Гастон, Пенверн. Французский орден Военного креста вручается группе советских механиков и лейтенанту Якубову, бортстрелку, который в октябре прошлого года под Антонове спас Эмоне, подбитого, как и он, в воздушном бою.

За торжественной церемонией последовал банкет, организованный для нас БАО.

После банкета мы узнаем, что капитан Матрас выезжает в Тулу, где он примет командование новой истребительной группой из семнадцати летчиков, только что прибывших в Россию.

Погода начинает улучшаться. 26 марта вчетвером — Соваж, Сэн-Марсо, Шаррас и я — завязываем бой над Пиллау. Зенитная артиллерия немцев бьет безостановочно, ни мало не заботясь о том, что может подбить своих. Спустя 20 минут после начала схватки я в паре с Соважем одерживаю мою последнюю победу.

На нас устремились два «фокке-вульфа». Изо всех сил беру ручку на себя и даю полный газ. Понадобилось не более шести секунд, чтобы «як» сделал боевой разворот. Соваж и я теперь уже

на хвосте у «фокке-вульфов». Наши пулеметы и пушки пробуравливают, кромсают на части оба самолета, которые падают в самом центре залива, вздымая столбы воды. «Замедленная бочка» над аэродромом... триумфальное возвращение... Поздравления... Двойная порция водки — все, казалось, шло хорошо. Ничто не говорило о том, что на следующий день, 27 марта, я перенесу самое тяжелое испытание в моей жизни.

* * *

В то утро мы все находимся около своих самолетов, в шлемофонах, в летных комбинезонах, с пристегнутыми парашютами, с сигаретой в зубах. С губ каждого готова сорваться шутка. Ждем ракету — сигнал для взлета. Тревожная, гнетущая тишина царит в воздухе. Сама природа словно чего-то ждет, застыв в напряжении. И только на востоке, в каких-то 40 километрах от нас, приглушенный, но все усиливающийся гул говорит о том, что битва за овладение кёнигсбергским мешком и Земландским полуостровом началась.

Решающий штурм начинается с ужасного грохота, который каждый раз застает нас врасплох. Все мы вновь переживаем начало величественной битвы, вновь видим эти чудовищные языки огня и стали, изрыгаемые к небу сплошным лесом орудий. Мы видим, как самолеты закрывают все небо. Мы видим перемалывающие все своими стальными гусеницами тяжелые русские танки, которые продвигаются вперед и уничтожают последние, чудом уцелевшие очаги сопротивления. И, наконец, мы видим пехоту, которая стремительно, с боевым кличем идет в атаку и в рукопашной схватке добивает тех, кого не успел уничтожить убийственный огонь снарядов и бомб.

Мы уже были очевидцами стольких сражений, что нет никакой необходимости напрягать воображение, для того чтобы представить ужасную картину боев, развернувшихся вокруг столицы Пруссии. Наступает час возмездия!

Резкий свист прорезает воздух. Зеленый искрящийся шар стремительно взлетает у командного пункта в слишком светлое небо и лениво опускается, как будто тревожась за отданный неумолимый приказ и словно желая, пока не поздно, предотвратить ужасную и роковую неизбежность.

Летчики спешат сесть в свои машины. Механики и оружейники бросаются запускать моторы. Тридцать два мотора почти одновременно режут так, что кажется, вот-вот лопнут их

стальные глотки. Крыло к крылу от земли отрываются первые звенья, подымая страшный вихрь пыли. В этом вихре почти не видны взлетевшие следом звенья. В воздухе самолеты пара за парой совершают небольшой разворот, позволяющий остальным присоединиться к ним и занять свое место в боевом порядке.

Курс — 275, высота — 3000, скорость — 480. Полк «Нормандия — Неман» во главе с Дельфино направляется на выполнение боевой задачи. Приказ — блокировать аэродром в Пиллау, последнее пристанище эскадрильи «Мельдерс», объединяющей цвет летчиков немецкой истребительной авиации. Пиллау — последний военный порт Восточной Пруссии, мрачный часовой, застывший на посту при входе в узкий пролив. Там нас поджидают опытные летчики на «фокке-вульфах» и «мессерах» самых новейших образцов. Закаленные пятью годами непрерывных воздушных боев, они готовы на все и предпочитают смерть поражению. Мы также полны решимости и также хотим победить или умереть.

Вместе с тремя летчиками моей эскадрильи я иду на правом фланге группы. Мы должны прикрывать основное ядро группы. В молочно-белом небе проплывают слоистые облака, редющие по мере того, как мы приближаемся к морю. Уже 10 минут как мы в полете. Вдали виднеется залив Фриш-гаф, Пиллау и аэродром. «Мельдерсы» уже здесь, точно прибыли на свидание. Группами по два самолета они громоздятся друг над другом и заполняют небо на всех высотах — гибкая тактика, которая для них наиболее выгодна.

Я в паре с капитаном Шаррасом отделяюсь от отряда и устремляюсь вниз на Пиллау. Легкое покачивание крыльями самолета командира полка — сигнал к атаке. В эфире беспрерывно слышится:

«Achtung! Franzosen!»^[26]

Почти в отвесном пиике, чтобы достигнуть скорости 600 километров в час, мы устремляемся к земле, на пару «фокке-вульфов», летящих перпендикулярно линии нашего полета, но значительно ниже. Все внимание на прицел! Вперед! Немного удачи, точности, и мы причиним им большую неприятность.

Но «фокке-вульфы» поняли наш маневр. Они начинают разворот, переворачиваются на спину и стремительно пикируют к своему аэродрому, используя всю мощность моторов. Они хотят увлечь нас за собой, чтобы подставить под смертоносный огонь своей зенитной артиллерии. Мое положение не из лучших: в головокружительном пикировании я очутился ближе всех к земле. С рекордной быстротой я приближаюсь к одному из «фокке-вульфов», отчетливо различая черные кресты на крыльях. Ну,

пора!.. Легкий нажим на педаль управления. Силуэт самолета растет, вырисовывается все четче в рамке прицела. И вот уже мои трассирующие пули настигают его, отдирая куски металла от корпуса. Сероватый дымок скользит вдоль фюзеляжа. Но истребитель продолжает пикировать. Вдруг я вижу, что оказался один в небе над аэродромом, всего в нескольких сотнях метрах от моря. Чувствую, как зенитная артиллерия концентрирует огонь на моем «яке». Огненные шары разнообразных оттенков и багровые полосы окружают меня. Немецкие трассирующие пули смешиваются с моими и выписывают в небе причудливые узоры. В наушниках слышится знакомое потрескивание.

— Внимание! Перестроение на высоте 3000. Направление — Хайлигенбайль, — сообщает «Финозеро» (позывной командира полка).

Наше звено рассыпалось, вернее испарилось, и я остался сейчас совсем один во враждебном мне небе, на высоте 500 метров от земли, окруженный черными облачками разрывов, похожих на барашков с вьющейся шерстью.

С большим трудом мне удастся набрать высоту. Держу курс на восток, чтобы не опоздать на соединение с группой в указанном командиром месте. Я иду зигзагами, чтобы избавиться от возможного преследования. Налево и выше моего «яка» «на 10 часов» меня поджидают два «фокке-вульфа». «На 4 часа» пролетают два Мессершмитта-109. Я устремляюсь на огромной скорости к земле, закрытой облаками. Мне уже кажется, что я сумею выйти невредимым из этой переделки, как вдруг яркая вспышка ослепляет меня. Мою машину словно свела судорога. Появился дым. Пол кабины точно провалился. Под ногами я вижу море и языки пламени, которые, кажется, вот-вот начнут лизать мои сапоги. Понимаю, что меня подбили. Какой-то «фокке-вульф», выйдя из облаков надо мной, пристроился в хвост моему «яку» и выпустил в упор несколько очередей. Снаряды разорвались в хвосте машины и под нею. Это пока все, что я успеваю осознать.

И пока я пытаюсь более отчетливо представить себе случившееся, вдруг второй взрыв потрясает самолет. Мой «як» встает на дыбы! Управление нарушено. Я ничего больше не могу сделать. Он сваливается на левое крыло, переворачивается на спину и входит в первый виток штопора, который не оставляет никаких шансов на спасение. Машина горит. Она падает в море, как пылающая и дымящаяся головня.

Почти механически, точно в бреду, я открываю фонарь кабины, который сразу же срывает воздушным потоком, отстегиваю привязные ремни и нечеловеческим усилием

поднимаюсь с сиденья. Витки штопора все чаще и чаще, пламя бушует все сильнее и сильнее. На какое-то мгновение вижу вздымающееся подо мной море. Я закрываю глаза, напрягаю мускулы, и меня сразу охватывает чувство покоя и тишины. На какое-то мгновение к горлу подступает тошнота, настолько резко я рванул кольцо парашюта. И вот я уже болтаюсь в воздухе. Но в каком нелепом положении! Одна нога запуталась в стропах парашюта, и я опускаюсь почти вниз головой. По-видимому, парашют раскрылся неудачно, и купол надо мной наполовину смят. После отчаянных усилий мне удастся наконец принять почти нормальное положение. Некоторое время я ощущаю на себе сильный леденящий ветер, а потом стремительно погружаюсь в серо-зеленый, вязкий, обволакивающий тело мир... Ощущение пронизывающего холода, удушья, томительного страха перед небытием! Ни неба, ни воздуха. Я задыхаюсь, почти теряю сознание, на глубине шести метров в заливе Фриш-гаф, который не более двух недель как освободился ото льда.

Мозг сверлит мысль: спастись, спастись любой ценой. Взывая к моему доброму прошлому — спортивной закалке, я неистово работаю руками и ногами и скоро оказываюсь на поверхности воды. Жадно глотаю, воздух. Мне легче. Кошмарный круговорот мыслей и воспоминаний постепенно останавливается в моем сознании. Теперь прежде всего необходимо избавиться от лямок и строп парашюта, лишнего снаряжения и как можно быстрее отплыть от этого огромного белого савана, который стесняет мои движения и тянет за собой в морскую пучину. Чувствую легкие покалывания в правой ноге. Наверное, несколько мелких осколков застряли в ступне. Болит бедро. Во время падения в воду я потерял один сапог, другой тащит меня на дно, как тяжелый башмак водолаза. Несмотря на потрясение, мои движения становятся все более осмысленными. Я понимаю, что купол моего парашюта, плавающий на поверхности залива, представляет отличную мишень для немцев. Кое-как я делаю первые взмахи, чтобы отплыть в сторону, а в это время в небе продолжают кружиться «мессеры». Они посылают в меня несколько пулеметных очередей. Впрочем, мы поступаем точно так же. Ничего не скажешь. Это — война.

В двух — трех километрах от меня отчетливо вырисовывается берег. Он еще в руках немцев, которые метр за метром продолжают отступать под мощным натиском русских войск. Но, тем не менее, я плыву к берегу, стараясь координировать свои движения, придать им спокойный размеренный ритм и продолжая всматриваться в очертания Земландского полуострова.

Я плыву медленно, экономя силы. Оглядываюсь и вскоре

замечаю в 100 метрах справа от меня какой-то темный предмет, плавающий на поверхности. Медленно, очень медленно, теряя устойчивость под тяжестью набухшей одежды, весь в ушибах, промерзший до мозга костей, я приближаюсь к этому предмету, моей последней надежде, так как чувствую, что без опоры я никогда не доберусь до берега. Последние метры преодолеваю минут за десять. Я совсем выбился из сил. Судороги железными обручами стягивают ноги и спину, когда я хватаюсь, наконец, негнущимися пальцами за толстый деревянный брус, к которому прибиты две небольшие дощечки. Дыхание и жизнь возвращаются ко мне. Я говорю себе, что если смогу удержаться верхом на этом бруске, то сегодня в полку меня опять не «поделят». Я закрываю глаза. Я так устал, так устал...

Когда я поднимаю веки, то вижу вокруг себя всюду всплески от пуль, как будто сыплется град. Меня обстреливают с берега. Я устраиваюсь за брусом, стараясь укрыться от глаз любителей стрельбы по неподвижным целям. И, действительно, огонь постепенно стихает. Видно, подумали, что я утонул, что я мертв. А впрочем, не мертв ли я уже наполовину? Я весь посинел. Я кричу от боли, ясно ощущая, как леденящие кровь кинжалы смертельного холода вонзаются в мое тело. Меня охватывает ужас: лучше умереть от пули, чем околоть от холода в воде. Я вскарабкиваюсь на брус. Солнце зашло. Небо из белого превратилось в серо-стальное. Над заливом продолжают воздушные бои. Группа бомбардировщиков Пе-2 в сомкнутом строю бомбит оконечность полуострова. Это единственное, что доставляет мне удовлетворение. Я с наслаждением смотрю, как гроздя черных точек падают градом на землю, где тотчас же вздымаются огромные столбы пламени, играющие всеми цветами, от красно-желтого до фиолетового. Но вот наступает очередь штурмовиков — грозных русских самолетов, несущих смерть и разрушение. Они проходят не более чем в 50 метрах надо-, мной. Их пушки поливают огнем суда, лодки и плоты, которые пытаются отчалить от берега, где бушуют пожары. Разрозненная, беспомощная, ревущая масса людей гибнет в центре гигантских водоворотов, образуемых взрывами бомб и снарядов, и только кровавые пятна остаются на поверхности воды.

Который час? Я потерял всякое представление о времени и пространстве. Ничтожное жалкое существо, почти без жизни и без мысли, какая же сила заставляет тебя цепляться за этот кусок дерева, какая воля заставляет тебя верить в чудо, тогда как логика и разум сказали бы, что все кончено? Я впадаю в забытие, прихожу в себя, что-то бормочу и опять впадаю в забытие. Ночь. Холодный туман встал над Балтикой. Но война ни на минуту не

затишает. Бесперывно рвутся снаряды, и я слышу, как они проносятся в небе и страшно свистят, как будто где-то надрывно дышат мехи адской кузницы. Порой море потрясают взрывы, которые разбивают волны, превращая их в бушующую зыбь. Пламя взрывов раскалывает ночную тьму. Я уже не знаю, мертв я или жив, и не чувствую, что являюсь очевидцем одной из самых ожесточенных кровопролитных битв между русскими и немцами.

Внезапно в тумане появляется темное пятно, постепенно принимающее очертание человека, вцепившегося, как и я, в какую-то доску. Он так же жалок и несчастен, как и я. Кто он? Русский или немец? Летчик? Пехотинец? Артиллерист? Он так же, как и я, не может больше говорить. Он, как и я, больше не способен сделать ни одного движения. И, тем не менее, его присутствие приносит мне облегчение. Оно придает мне уверенность, ободряет меня. И, когда туман поглотил этот неясный силуэт незнакомца, я снова почувствовал себя обреченным. Как в бреду, я вижу своих близких: моего отца и мою семью, моих друзей и товарищей по эскадрилье. Образы моей далекой родины, смутные и расплывчатые, неотступно преследуют меня. Я почти теряю сознание и только чудом не падаю со своего наседа. Когда я прихожу в себя, то вижу, как немецкий танк, погрузившись наполовину в воду, отплывывается из всех своих пушек и как «катюши» вступают в эту дантовскую симфонию. Легкое течение приблизило меня к берегу, так что теперь я легко определяю свое положение относительно продвижения русских и отхода немцев. Я нахожусь точно на оси нейтральной зоны. При помощи куска дерева, выловленного в воде, которым я пользуюсь как веслом, мне удастся несколько ускорить мое продвижение.

Иногда навязчивое острое желание переполняет мою грудь, которая словно разрывается от кровоточащих ран. Я думаю: «С меня хватит... Я ничего больше не хочу... Стоит лишь чуть-чуть ослабить руки, и я просто, без страданий крепко засну...» Но с этой мыслью борется другая, такая же жгучая и неотступная, возвращающаяся с регулярностью маятника: «Ну, нет... Ты еще выкарабкаешься... Самое страшное уже позади...»

В то время как во мне борются силы смерти и жизни, вокруг меня схватка между ними же продолжается с еще большим ожесточением. Со своего пристанища я наблюдаю, как гибнет мир — этот жестокий, обгаренный кровью мир, который я начинаю по-настоящему ненавидеть.

Вскоре для меня начинается новое испытание. В одну из коротких минут затишья я отчетливо различаю характерный шум работы дизеля. Он доносится с моря, прямо за моей спиной. Это,

конечно, быстроходный морской немецкий катер из Пиллау, который, воспользовавшись туманом и темнотой, совершает свой последний отчаянный рейд перед тем, как удрать в Данию. Теперь шум мотора слышен настолько близко, что мне чудится, будто катер вот-вот наткнется на брус. Я вытягиваю шею, впираюсь глазами в темноту и туман, но ничего не вижу. Неожиданно всего в нескольких метрах от меня раздаются выстрелы, и трассирующие снаряды проносятся буквально над моей головой по направлению к берегу. Это немцы выпускают свои последние снаряды по русским. Закончив стрельбу, судно-призрак направляется в обратный путь. Слышу ровный гул его мотора, который постепенно затихает. Я снова один, но сейчас я упиваюсь этим одиночеством. Это испытание вместо того, чтобы прикончить меня, укрепило мою надежду на спасение. Провидение, которое не покинуло меня до сих пор, не может не помочь мне теперь, когда я так близок к цели.

Уже более десяти часов я в воде. Малейшее усилие становится пыткой. Суставы больше не сгибаются. Мускулы отказываются повиноваться. Меня всего разламывает от боли. Страшно ноет правая нога. Когда эта боль становится невыносимой, я кричу в темноту, присоединяя свой жалкий вопль раненого человека к грохоту битвы и плеску морских волн. Я потерял всякое представление о холоде. Мои зубы больше не стучат. Челюсти крепко стиснуты, словно сведены судорогой. Меня сжигает дикая жажда. Я охаю от боли, но продолжаю грести куском доски.

Берег теперь совсем близко, и он пугает меня. В зареве пожаров, в свете ракет можно различить все детали дьявольской пляски, которая происходит на берегу. Люди ползут, неожиданно поднимаются, бросают гранаты, исчезают. Вместо них появляются другие, они бегут, размахивая руками, словно марионетки, пляшущие на фоне преисподней. Русская артиллерия бьет прямой наводкой почти в упор. Последние немецкие солдаты отстреливаются, стоя в воде, и защищают уже только свою честь воинов. Но мой лихорадочный, блуждающий взгляд и ускользающее сознание слабо воспринимают эти странные картины.

Что делать? Плыть налево? Или, может быть, направо? Как узнать? Сначала надо выбраться на берег, а там видно будет. Только не утонуть. Я не могу представить себя утопленником. Еще 200 метров. Еще одно усилие, черт возьми! Механически я продолжаю погружать импровизированное весло и вытаскивать его из воды, каждый раз спрашивая себя, смогу ли я повторить это движение еще раз.

Еще 100 метров! Снова вокруг меня свистят пули, конечно, без адреса, но также опасные. На обрывистом берегу непрерывно рвутся снаряды, поднимая в воздух снопы искр, щебня и грязи. Огни пожаров образовали в небе багрово-красную корону. Кажется, что смерть вот-вот поглотит всю землю.

Я уговариваю себя, как уговаривают загнанную лошадь: «Вперед, Франсуа, цель близка. Ты ведь не упадешь за десять метров от места своего спасения. Ты не должен умереть. Ты же хорошо знаешь, что ты не должен умереть».

Может быть, я действительно в ту минуту был не больше чем обескровленное, полумертвое животное. Но это животное невидимыми нитями было крепко привязано к жизни.

Упорство побеждает: вот он, берег, в нескольких метрах от меня. Я нащупываю правой рукой какие-то мостки на сваях. Я заставляю себя вздохнуть полной грудью. Теперь, не теряя ни секунды, нужно кричать, орать по-русски. Иначе я рискую получить автоматную или пулеметную очередь. Это было бы очень глупо. Нельзя упускать ни малейшей возможности. При первой же паузе, когда пулеметы соблаговолит замолчать хотя бы на несколько секунд, я должен дать знать о себе. По-русски, безусловно. Русские должны уже закрепиться на этом берегу. Кажется, мне уже удалось разглядеть их меховые шапки, длинные шинели и автоматы с круглыми дисками.

Шум стихает. Пора! Я кричу. Мой крик не имеет ничего общего с человеческим. Это, скорее, животный рев, звериное проявление инстинкта самосохранения:

— Товарищи, здесь французский летчик полка «Нормандия — Неман». Я ранен!

Мне хватает силы еще на один такой отчаянный призыв. Осветительная ракета вспыхивает в небе. Я машу рукой, в последний раз выкрикиваю что-то бессвязное и, обессиленный, опускаюсь на мостки. Мои глаза открыты, но я больше ничего не вижу. Еще один крик, но на этот раз со стороны русских. Какой-то солдат бросается к воде. Он протягивает руку. Вытаскивает меня на берег. Я падаю на песок. Мой спаситель торопится: немецкие автоматчики недалеко, они прочесывают берег.

Я очутился в воронке от снаряда, переполненной советскими солдатами. Наступление в самом разгаре. Небритые лица с любопытством разглядывают меня. Мое сердце бьется, я живой, но не могу больше произнести ни единого слова. Советский капитан осматривает меня, он замечает на превратившемся в лохмотья кителе орденом Отечественной войны. Его лицо озаряется улыбкой, он наклоняется и крепко целует меня. Этот жест останется навсегда в моей памяти как высшее проявление дружбы

бойцов, сражающихся за общее дело, как волнующее выражение чувств, которое позволяет на время забыть все ужасы войны. Кто-то из солдат пытается запихнуть мне в рот горлышко фляжки с водкой. От первых же глотков по всему телу растекается безмерная теплота, но почти мгновенно от сильного внутреннего холода я падаю в обморок на руки моих советских друзей под грохот пушек и автоматов.

Наступление подходило к концу. Неумолимая и грозная Красная Армия уничтожала и сбрасывала в Фриш-гаф последние остатки того, что когда-то было немецкими армиями в Белоруссии. Позже я узнал, что через час после того, как я был спасен, наступление закончилось: русские войска достигли крайней точки полуострова. Окруженная немецкая группировка ликвидирована. Одержана полная победа. Но потери с обеих сторон огромные.

Когда я пришел в себя, было уже светло. Все окутано влажным пронизывающим туманом. Завернутый в одеяло, я лежал в телеге на соломе, рядом с тяжело ранеными советскими солдатами. Каждый толчок сопровождался сильными стонами. Нас везли в медсанбат. Дорога была не из легких по этой пустыне, покрытой пеплом, среди груд еще дымящихся развалин и догоравших домов.

Наконец мы достигли медсанбата. Первые перевязки, первые уколы — жизнь начинается вновь.

Восемь дней меня продержали в сортировочном госпитале в Хайльсберге, в котором находились на излечении тысячи русских солдат. Сестры, доктора и замполит всячески заботились обо мне.

В тот день, когда меня привезли, ко мне обращается сосед по койке, советский капитан-пехотинец, и спрашивает:

— Товарищ летчик, когда и где вас подбили?

— Над Фриш-гафом, напротив деревни Розенбаум. Я выпрыгнул с парашютом 27 марта в девять часов тридцать минут утра.

Я вижу, как напрягается его лицо. Он что-то припоминает, а потом, сжимая до боли мои руки, говорит:

— Так это тебя я видел прыгнувшим с плававшего «яка» в то утро, когда моя рота атаковала немцев. Я даже подумал про себя: «Ну, вот еще один отлетелся».

Во Фридланде тоже думали, что барон уже отлетелся. В полку устроили мне трогательную встречу. Штаб дивизии собирался представить меня к награждению орденом Ленина. Но для меня было самым важным другое, и я тут же спросил:

— Ну, как в тот день, каковы были результаты?

Мне ответил Марши:

— Да, сбили четырех. Но Шалль и Монж не вернулись. Гидо и Мерцизен сели на «брюхо» в поле, подбитые зенитками. Тяжелый день. Один из самых тяжелых за всю войну. В тот вечер, я могу тебя заверить, ни у кого не появилось желания шутить.

Конечно, приехал и мой Лохин. Он крепко пожал мне руку и, не говоря ни слова, сел на кровать.

— Ну, Лохин, доволен, что меня видишь? Ты опять остался без самолета.

Улыбаясь, он ответил мне:

— Ничего, лейтенант.

Глава III

Мы покидаем Фридланд и перебираемся в Бладио — городок, расположенный на берегу Фриш-гафа, к югу от Кенигсберга, напротив прибрежных укреплений Пиллау, который находится пока в руках немцев.

Я передвигаюсь с трудом. Без палки ходить невозможно, так как боль в ноге причиняет сильные страдания. Я следую за полком в одном из транспортных самолетов вместе с нашими механиками и багажом. Теперь заметно ощущается нехватка в самолетах и, что особенно печально, в летчиках.

Аэродром в Бладио расположен на пологом склоне около моря. С командного пункта хорошо видны прибрежные укрепления, порт Пиллау и завод в Зиммебюде.

Вылеты возобновляются немедленно. Мы сопровождаем наступление на Кенигсберг и Пиллау. Русские поднимают в воздух всю свою авиацию, имеющуюся у них в этом районе. «Катюши» — гроза немецкой армии — участвуют в концерте одновременно с артиллерией.

Но немцы все еще не капитулируют. Нам это кажется глупым. Начиная с 8 апреля мы ежедневно подвергаемся артиллерийскому обстрелу. Батареи немцев разместились на противоположном берегу, на узкой приморской косе. Нам, видимо, придется все перетерпеть во время русской кампании. Командир полка приказывает поспешно вырыть траншеи-убежища и подготовить наблюдательный пункт.

Солдат с биноклем ведет постоянное наблюдение. Он сообщает о начале обстрела. Таким образом, мы имеем 20–30 секунд, чтобы успеть укрыться.

Кенигсберг продолжает сопротивление. Говорят, что эсэсовцы, возглавляющие оборону, расстреливают каждого отступающего солдата. Мы узнаем, что там, в одном из немецких концлагерей, собрано более десяти тысяч военнопленных французов. Только в ночь на 9 апреля гарнизон города, наконец, капитулирует. Кенигсберг — крепость, столица Пруссии, опустошен и разбит.

А для нас война продолжается. Батареи на другом берегу еще не замолкли. Мы провожаем взглядом штурмовики, которые должны их уничтожить. Но налет не достигает цели. Среди летчиков «Нормандии — Неман» недовольство:

— Только этого еще и не хватало, чтобы дать себя уничтожить артиллерийским огнем...

Повреждено бензохранилище, и возвращающиеся самолеты

вынуждены садиться в Хайлигенбайле.

Дельфино отдает короткое приказание:

— Марши, Дуар, Сэн-Мароо и Анри — вам обстрелять последние укрепления на косе, где еще идут бои. Русские приближаются к Пиллау. Они должны находиться уже в предместьях города.

Это последний бой «Нормандии — Неман». Анри сбил в нем своего очередного противника, «фокке-вульфа», вписав таким образом двести семьдесят третью победу на боевой счет нашего полка.

— Молодец, Анри! Ты красиво разделался со своим пятым фрицем! — говорят ему друзья.

Анри улыбается, он горд этой победой. Он мечтает уже о возвращении на родину. Его с нетерпением ожидает старушка мать. Внезапно наблюдатель кричит:

— Внимание, товарищи!

Все бросаются к траншеям. Свистят снаряды. Сильный взрыв забрасывает нас землей. Когда грохот прекращается, мы все встаем и приводим себя в порядок. И только Анри, с которым я говорил минуту назад, не встал... Он лежит, вытянувшись, рядом с траншеей. Дельфино, Шаррас и де Салль бросаются к нему и под обстрелом переносят его в убежище. Анри жив. Он тихо говорит майору Дельфино:

— Ничего... Я выживу... не беспокойтесь... Сейчас я от вас никуда не уйду...

Из его затылка течет кровь. Он ранен осколком снаряда в голову. Спустя несколько часов по указанию майора я приезжаю в госпиталь, чтобы узнать о состоянии товарища, но застаю его умирающим на больничной койке. Это настоящий кошмар. На следующий день Анри умирает в госпитале после операции, которая уже не могла ему помочь. Через два дня Анри похоронили вместе с советскими солдатами, павшими в последних боях.

Мы отправляемся осмотреть Кенигсберг, или, вернее, его руины. Как будто гигантское землетрясение произошло здесь. Все разрушено, сожжено, уничтожено. В воздухе запах пороха, пепла и смерти.

На восток движутся нескончаемые колонны немецких пленных. Утверждают, будто их более восьми тысяч. Они идут одичалые, безразличные ко всему, более крепкие поддерживают раненых. Они идут в Советский Союз восстанавливать своими руками то, что разрушили своими пушками.

Среди нас ходят самые различные слухи:

— Бьются уже в Берлине! Берлин под огнем русской

артиллерии. Гитлер сбежал... Нет, он покончил жизнь самоубийством...

С часу на час ожидаем сообщения о встрече войск Востока с войсками Запада. Известно, что это должно произойти в районе Дрездена, на Эльбе.

25 апреля Красная Армия наносит последний удар по крепости Пиллау.

— Две эскадрильи на Пиллау! — отдает приказ майор Дельфино. — Сообщают, что в воздухе еще держатся несколько «фокке-вульфов». Противник не покидает нас, не простившись...

Я умоляю командира разрешить мне сделать этот последний вылет. Моей ноге значительно лучше. Если к тому же мой механик поможет мне подняться в кабину, все будет в порядке. Надо думать, что я был достаточно красноречив — майор Дельфино соглашается.

Последний боевой вылет нашего полка только что начался. В воздухе двадцать «яков». Вот мы над Пиллау. Вражеских самолетов не видно. Слабый огонь зенитной артиллерии — последние конвульсии умирающего. Бои идут уже на улицах города. То здесь, то там рвутся снаряды на земле и в воде. Двигутся советские танки в сопровождении штурмовых отрядов грозных подразделений пехоты. На обратном пути я пролетаю над Фриш-гафом и над моей спасительной отмелью.

В полдень Пиллау уже в руках Красной Армии. Восточная Пруссия пала. 27 апреля произошла встреча союзников в Торгау, на Эльбе.

Для разнообразия производим перебазирование. Надо же сохранять традиции. В тридцатый раз идут дорожные приготовления. Может быть, это будет, наконец, последний раз. В два рейса мы перелетаем в Эльбинг — город, расположенный на юге Пруссии, на пути к Данцигу:

8 мая в честь победы мы откупориваем бутылки шампанского.

— Господа, война окончена, — кричат французы.

— Товарищи, война окончена. В Берлине подписан акт о безоговорочной капитуляции. Отпразднуем это великое событие! — отвечают нам русские.

Восьмидесятиградусный спирт льется рекой. В этот вечер неожиданно появляется Блетон, находившийся в плену в Пиллау. Он пересек часть Восточной Германии на По-2.

— Ну как, Блетон, что ты скажешь о Пиллау? Жарко было, не так ли?

— Вы не можете себе представить, что пришлось испытать на своей шкуре немцам и мне. К счастью, им пришла в голову хорошая идея — эвакуировать меня на катере, а иначе вряд ли

удалось бы мне отведать шампанского в честь победы.

В Эльбинге мы ожидаем распоряжений из Москвы. Возвращаются из Франции Альбер и де ля Пуап.

— Знаешь, Альбер, — говорит Марши, — нам тебя здорово не хватало в Пруссии и тебя также, виконт. Это был лакомый кусочек, но частенько его трудно было переварить... Вы могли бы окончить войну дважды Героями Советского Союза.

— Ты прав, старина, однако провести в Париже несколько месяцев после двух лет отсутствия — это тоже неплохо.

Дни в Эльбинге прошли, как сплошной праздник. Наконец после многочисленных трагикомических, главным образом комических, инцидентов, связанных с «братанием» с представительницами прекрасного пола Германии, после ряда распоряжений и отменяющих их приказов наступил великий день отъезда в Москву. Но это был мучительный день. Мы расставались с нашими механиками, с нашими «яками». Даже самые суровые из нас не могли скрыть слез.

И вот уже в транспортных самолетах мы летим маршрутом, пройденным нами за три года: Пруссия — Литва — Неман — Польша — Березина — Белоруссия. После пяти с половиной часов полета перед нами Москва, ликующая, победная.

Нас встречают генерал Пети, полковник Пуйяд, подполковник Дельфино и майор Матрас:

— Вы будете размещаться в гостинице Центрального Дома Красной Армии. До 5 июня вы можете свободно распоряжаться своим временем.

Наша первая мысль, наше первое стремление — посетить московское кладбище. Только после того как груды венков были возложены на еще свежие могилы де Жуара, Бурдые, Лефевра и других наших товарищей, мы отправились гулять по Москве, празднующей победу. Дни и ночи полны веселья. Мы не ложимся спать. К тому же в июне ночь длится всего несколько часов. Для нас всегда сияло солнце.

— Дешане, идем со мной в коктейль-холл, у меня там свидание.

— Пойдем лучше в «Арагви», нас приглашают советские летчики.

— Друзья, я только что продал свои часы. Еще один вечер посидим в ресторане «Москва».

Эти четыре дня были самыми упоительными и в то же время самыми изнурительными из всех, пережитых нами.

— Хуже, чем на Балтике, — заметил как-то Марши.

В этом неистовстве мы даже забыли, что 5 июня нам должны вручать ордена.

Торжественная церемония происходила в центральном зале Дома Красной Армии. Все здание залито ярким электрическим светом. Грандиозный по размаху пышный банкет объединял советских и французских генералов, советских дипломатов вокруг присмирившего, но упоенного радостью полка «Нормандия — Неман».

Андре присвоено звание Героя Советского Союза. Матрас получает орден Александра Невского. Остальные летчики награждены орденами Боевого Красного Знамени и Отечественной войны.

Во время банкета Дельфино делает мне знак:

— Барон, подойдите, с вами хотят поговорить...

К моему великому изумлению, вижу Главного маршала авиации Новикова — главнокомандующего советской авиацией, того, кто привел к победе воздушную советскую армию. Он ждет меня, стоя с бокалом в руке:

— Товарищ де Жоффри, я хотел бы выпить с вами. Это вас называют «человеком с Балтики»? Выпьем за «человека с Балтики».

Покраснев от смущения, я выпиваю вместе с маршалом огромный хрустальный бокал вина. Я благодарю маршала за оказанное мне внимание и вместе с ним провозглашаю тост за победу Красной Армии и за здоровье Сталина.

На другой день потрясающая новость выводит всех из состояния крайней усталости, накопившейся со времени прибытия в Москву. Мы возвращаемся во Францию на наших боевых самолетах. Маршал Сталин передает нам наши «яки».

Это была правда. Генерал де Голль направил маршалу Сталину телеграмму следующего содержания:

«Ввиду того что боевые действия в Европе закончены, я прошу вас передать в распоряжение французской авиации полк «Нормандия — Неман». Я пользуюсь этим случаем, чтобы еще раз поблагодарить вас за то, что вы приняли французских летчиков в ряды славной советской авиации и снабдили их оружием для участия в боях против нацистского врага. Братство по оружию, скрепленное таким образом на полях сражений, предстает в нашей победе как надежный залог дружбы обоих народов — советского и французского. С приветом»^[27].

Сталин ему ответил:

«Ваше послание от 2 июня получил. Французский

авиационный полк «Нормандия — Неман» находится в Москве и готов к отъезду во Францию. С советской стороны не было и нет какого-либо повода к задержке его отбытия во Францию. Полк пойдет на родину в полном вооружении, то есть при самолетах и авиационном вооружении, маршрутом через реку Эльбу и далее на запад. Я считаю естественным сохранить за полком его материальную часть, которой он пользовался на восточном фронте мужественно и с полным успехом. Пусть это будет скромным даром Советского Союза авиации Франции и символом дружбы наших народов.

Прошу принять мою благодарность за хорошую боевую работу полка на фронте борьбы с немецкими войсками»^[28].

Вечером, на приеме во французском посольстве, устроенном генералом Катру, эта новость была объявлена официально. Мы возвращаемся каждый на своем «яке». Более того, Советское правительство решило оплатить нам в долларах в виде подарка время, отданное нами фронту. От нашего имени посольство отказалось принять этот подарок. Но русские настояли на своем, и деньги были переданы нам в Праге.

Остается еще три дня, чтобы вновь окунуться в мир московских развлечений, посмотреть на стадионе «Динамо» футбольный матч Ленинград — Москва, за десять минут оформить брак летчика Лорана с красавицей Ритой из Тулы. За эти три дня я успеваю познакомиться с одной молодой студенткой, украинкой, которая знала французскую литературу намного лучше, чем я, побывать еще раз в ресторане «Москва», где меня приняли за русского, участвовать в грандиозном вечере в Доме Красной Армии, еще несколько раз побывать в коктейль-холле и у господина Шампенуа из французской военной миссии, посетить кино, Большой театр.

За эти три дня я не имел ни минуты покоя, а 11 июня мы уже летим в Эльбинг забрать наши «яки» и тех из механиков, которые будут сопровождать «Нормандию — Неман» до Парижа, чтобы избавить нас от дополнительных забот в пути. Моему верному Лохину не удастся попутешествовать со мной. В день отлета, 14 июня, в тот момент, когда я забираюсь в свой «як», он протянул мне подписанную фотокарточку и маленький скромный букет цветов.

— Большое спасибо, дорогой Лохин. До свидания!

Растроганный, я быстро забираюсь в кабину и последний раз на прощание машу ему рукой. Вместе мы провели два года войны

и теперь никогда больше не увидимся. Генерал Захаров, взволнованный, как и мы, взмахивает платком, лично подав сигнал отлета ставшим теперь французскими тридцати семи «якам» «Нормандии — Неман», которыми он командовал три года и которые привел к победе.

Взлетает эскадрилья за эскадрильей. Маршрут: Эльбинг, Познань, затем Прага, Штуттгарт, широкая сверкающая на солнце лента Рейна, граница Франции, Сен-Дизье и Париж.

— Будьте внимательны, — предупреждает нас Пуйяп, — не злоупотребляйте скоростью. Сейчас не время разбить самолет или свернуть себе шею.

В Штуттгарте встречаемся с нашими знакомыми летчиками из групп французской истребительной авиации. Первые вопросы из тысячи других, которые отныне будут нам задаваться:

— Ну, как в СССР? Как вам понравилась советская жизнь? Красная Армия? Страна? Какие там люди? О чем они мечтают? Что едят?

Здесь же нам устроили пышный прием у генерала де Латтр де Тассиньи. На приеме меня ожидал сюрприз: я встретил свою сестру.

И вот, наконец, мы во Франции. Совершаем посадку в Сен-Дизье, где начинаются первые официальные формальности.

20 июня «Нормандия — Неман» вновь поднимается в воздух. В половине седьмого вечера я замечаю вдали шпиль собора Парижской богородицы, Сену, Елисейские Поля и еще дальше — величественную Триумфальную арку.

Словно прикованные друг к другу невидимой цепью, тридцать семь «яков», с трехцветным носом, с советской эмблемой, появляются в небе над Парижем.

В парадном строю могучие, овеянные славой эскадрильи проносятся над Елисейскими Полями на высоте 500 метров. Над памятником Неизвестному солдату они рассыпаются в небе, словно гигантский веер, прикрывающий Париж с воздуха.

Аэродром Бурже черен от встречающих. Я говорю себе:

— Старина, сейчас не время свернуть себе шею...

Я уверен, что в эту минуту мы все подумали об одном и том же. Но со мной в последний момент все-таки произошла небольшая неприятность с тормозами во время посадки.

Взбешенный и сыплющий проклятиями, я приземлился последним, но точно вовремя, чтобы успеть стать в строй и получить традиционный букет цветов.

Нас встречал Париж, ликующий народ, наша родина. Она оказала нам прием самый восхитительный, самый трогательный из всех приемов, которые могут выпасть на долю человека.

Несколько в стороне от группы встречающих стояла старая женщина, простая и печальная в своем черном наряде. Когда несколько затих гомон толпы, она подошла ко мне так робко, словно чего-то боялась.

— Лейтенант, я очень счастлива вас видеть. Не вы ли были другом моего сына? Он мне так часто писал о вас в своих письмах.

Я не знал, что ей ответить:

— Мадам, ваш сын был моим товарищем, моим братом, моим другом. Он все отдал для победы. Ни на одно мгновение он не забывал вас.

Спустя несколько дней после этого оглушающего шума победы я вновь сажусь в самолет. В этой праздничной симфонии не хватает одной ноты: моей семьи — жены и дочери. Круг замыкается. Вылетев из Касабланки, я возвращаюсь в Касабланку. На аэродроме мне навстречу опешит женщина, улыбающаяся и взволнованная. Рядом с ней маленькая девочка.

— Франсуа, наконец-то ты вернулся! Я так счастлива!.. А вот наша дочурка, ей было всего два года, когда ты уехал...

В тот июньский вечер 1945 года по песчаному берегу морского курорта Анфа, около Касабланки, храня молчание, шли два человека. Громадные волны, словно из темного бархата, с белыми кружевами пены на гребнях набегали на горячий песок пляжа. Небо, высокое и безоблачное, все усеяно звездами. Воздух теплый и мягкий. Это была мирная ночь, та ночь, о которой тысячи и тысячи раз мы мечтали в самый разгар суровой русской зимы.

Ни мужчина, ни женщина долго не осмеливались нарушить эту тишину, которая таит в себе что-то волшебное и чарующее. И только когда небо вдаль над самым горизонтом начало бледнеть, когда зарождающийся день дал о себе знать таинственным шелестом трав, мужчина отважился сказать:

— Ты меня поймешь, мне трудно выразить то, о чем я сейчас думаю. Товарищи, эскадрилья, бои, Россия — все это было прекрасно. Но, если все эти усилия не были поняты или не будут поняты в будущем — значит, они напрасны.

Женщина ничего не ответила. Но она очень крепко и долго жала руку своего мужа, который не боялся людей, но который боялся за человечество.

* * *

Мирная жизнь оказалась почти такой же жестокой для

бывших летчиков «Нормандии — Неман», как и война. После триумфального возвращения из России жизнь опять разбросала по свету людей, которых смерть или присутствие смерти сблизили в единую семью.

Я попытался рассказать вам о героической жизни французских добровольцев авиаполка «Нормандия — Неман» во время второй мировой войны. Позже, может быть, я попробую поделиться с вами о том, как мы сменили наши военные мундиры на гражданские костюмы, как мы вновь начали жить жизнью обычных людей. Я вам расскажу, как погибли те, к кому сама смерть, казалось, боялась приблизиться: Марши, Амарже, Эмоне, Мурье, Лемар, Углов, Жанель, Шаррас, Астье, Карбон, Пистрак, Мерцизен. Все они находились или на службе в военной авиации, или в Индокитае, или на службе в гражданской авиации. Они продолжали летать, оставаясь верными своей профессии, которую так любили. Они остались ей верными до конца своих дней. Я вам также расскажу, как они старались, несмотря на дела и превратности жизни, не изменить своей обожаемой возлюбленной, имя которой — жажда подвига. Я тоже продолжал идти опасной и трудной дорогой приключений, подгоняемый вечным, неутомимым желанием жить напряженно, бороться и познавать.

Я работал сначала на внутренних воздушных линиях, затем в Индокитае, летчиком на каучуковых плантациях, и наконец в Венесуэле, летчиком в геологоразведочном отряде, занятом изысканиями золота и бриллиантов.

Я хотел бы закончить эту книгу, которая, я надеюсь, несмотря на свои несовершенства, является достоверным и искренним свидетельством великого подвига французов, одной историей, которая, как мне кажется, придаст нашему прошлому его истинный смысл и его истинное значение.

В Сан-Антоне, в Австрии, зимой 1949 года два французских офицера катались на лыжах. Они не блистали особыми способностями в этом виде спорта, поэтому один молодой австриец, загорелый, с живыми глазами, подойдя к ним, сказал:

— Я инструктор. Разрешите мне дать вам несколько советов.

Офицеры согласились. Завязался разговор. Говорили о лыжах. Говорили об Австрии. Говорили о настоящем. И кончили, как и следовало ожидать, воспоминаниями о прошлом. И только тогда молодой инструктор представился:

— Я капитан Пеп Габль, бывший летчик 3-й эскадрильи «Мельдерс» в Восточной Пруссии.

Я подавил готовое уже сорваться с моих уст ругательство.

— Черт подери, эскадрилья эта стояла против нас!

— Вы тоже летчики?

— Мы были ими, по крайней мере, в полку «Нормандия — Неман».

Капитан Пеп Габль улыбнулся.

— Значит, мы стояли друг против друга в Гумбиннене и в Пиллау. Ваши «яки» с трехцветным носом причинили нам немало хлопот. Мне интересно было бы узнать, кто из ваших сбил нашего полковника, знаменитого Бёренброка, имевшего сто сорок побед. Это был жестокий бой. Мне пришлось пережить ваш налет на Хайлигенбайль... Это было в начале февраля 1945 года. Я был также в пиллауском аду, где совершил свои последние вылеты.

Несколько мгновений мы стояли ошеломленные, не в состоянии вымолвить ни слова. Потом мы невольно рассмеялись.

Перед нами стоял один из наших наиболее опасных противников в прошлом — летчик из эскадрильи «Мельдерс». Мы долго говорили, стоя по-прежнему на лыжах: вспоминали о боях, тактических приемах, достоинствах самолетов, победах и поражениях. Я очень удивлялся, не находя в себе даже слова ненависти, и чувствовал себя как игрок футбольной команды, беседующий с соперником по мячу.

А что бы вы сделали на моем месте?! Крупный разговор состоялся в небе четыре года тому назад. Сейчас мы стояли на мирной земле. И незачем было ворошить прошлое, оно могло помешать нам увидеть грядущее. Ничто не давало повода для ненависти, больше смысла имело учить друг друга. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из моих товарищей летчиков, добровольно поехавших в Россию, поступил бы не так, как поступили мы. Напротив, я уверен, что они нашли бы в этой встрече тот же смысл, какой нашли в ней мы. В этом вновь обретенном мире они увидели бы, также как и мы, символическое завершение величественной истории полка «Нормандия — Неман».

Иллюстрации

01. Группа истребителей Як-3 авиаполка «Нормандия» на аэродроме под Тулой

02. Командир эскадрильи «Нормандия» майор Жан Луи Тюлян поясняет командирам звеньев полученную задачу.

03 Французские летчики Прециози, Кастелэн и Альбер в перерыве между боями

04. Группа летчиков «Нормандии» с командиром эскадрильи майором Жан Луи Тюляном

05. Французский летчик лейтенант Марсель Лефевр. За победы, одержанные на советско-германском фронте, Лефевру в июне 1945 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

06. Французский летчик лейтенант де Сейн, трагически погибший при попытке спасти жизнь русского авиамеханика.

07. Группа летчиков и авиамехаников «Нормандии»

08. Французские летчики во время отдыха

09. Франсуа де Жоффр, автор книги «Нормандия — Неман», в кабине «яка».

10. Франсуа де Жоффри у своего самолета, подбитого огнем вражеской зенитной артиллерии.

11. Генерал-майор авиации Захаров, майор Вдовин и командиры полка «Нормандия — Неман» Луи Дельфино и Пьер Пуйяд в Москве после окончания войны.

12. Общий вид аэропорта Бурже во время возвращения во Францию полка «Нормандия — Неман».

13. Французские летчики на аэродроме Бурже в Париже в

день возвращения на родину.

14. Советские авиамеханики, сопровождавшие во Францию полк «Нормандия — Неман», на аэродроме Бурже.

notes

Примечания

Гинемер (1894–1917 гг.) — известный французский летчик. — *Прим. ред.*

Автор имеет в виду обычай летчиков полка «Нормандия — Неман» после гибели своих товарищей делить между собой принадлежавшие погибшим сигареты, шоколад и т. п. — *Прим. ред.*

Раяки — от наименования французской военно-воздушной базы Раяк на Ближнем Востоке. Так иногда называли себя летчики «Нормандии». — *Прим. ред.*

Выражения «цель на 12 часов», «цель на 5 часов» и т. п. означают, что цель или самолет противника находятся в направлении, соответствующем данному положению часовой стрелки. — *Прим. ред.*

22 июня 1940 года представители правительства Петэна приняли условия капитуляции Франции, продиктованные гитлеровскими захватчиками. — *Прим. ред.*

«Гоэланд» — французский транспортный самолет. — *Прим. ред.*

«Симун» — одномоторный туристский самолет. — *Прим. ред.*

Блош-175 — французский разведывательный самолет. —
Прим. ред.

Сокращенное наименование Гибралтара. — *Прим. ред.*

Аджюдан — унтер-офицерское звание во французской армии. — *Прим. ред.*

Сен-Сир — военная школа, готовящая офицеров для всех родов войск французской армии. — *Прим. ред.*

«Потез» — французский военный самолет. — *Прим. ред.*

Иранские золотые монеты. Один туман равен десяти риалам
— *Прим. ред.*

Условный сигнал по радио, обозначающий «вижу противника». — *Прим. ред.*

Франтиреры — партизаны, вольные стрелки. В период оккупации Франции гитлеровскими войсками в 1940–1944 годах так назывались участники движения Сопротивления. — *Прим. ред.*

Аспирант — кандидат а офицеры во французской армии. —
Прим. ред.

Такова война (нем.). — Прим. перев.

Во время первой кампании полка «Нормандия — Неман» автор книги еще не был в России, и если он описывает события так, как будто сам был их участником, то это только для того, чтобы сделать описание более живым для читателя. Тем не менее все события, размышления и приключения, описываемые в этой части книги, полностью соответствуют действительности. —

Прим. авт.

Ним — город в Южной Франции. — *Прим. ред.*

Мекиес — город в Марокко. — *Прим. ред.*

От названия города Кан в Нормандии. — *Прим. ред.*

В соответствии с приказом вынужденную посадку вне аэродрома летчики должны были производить с убраннным шасси, чтобы избежать капотирования. — *Прим. авт.*

Так иногда французы презрительно называют немцев. —
Прим. ред.

БАО — батальон аэродромного обслуживания. — *Прим. ред.*

Здесь с 4 по 15 июня 1807 года жил Наполеон I (нем.) —
Прим. ред.

Внимание! Французы! (нем.) — Прим. ред.

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Госполитиздат, 1959, стр. 441.

Там же, стр. 444.